

БОРИСЪ ЛАЗАРЕВСКИЙ

Темная ночь

(Разказы 1919—1922 г.г.)

Книгоиздательство Отто Кирхнеръ и Ко., Берлинъ
1923 г.

Alle Rechte vorbehalten

Copyright 1923 by OTTO KIRCHNER & Co. G. m. b. H.
BERLIN W. 35, Genthinerstr. 19.

Всѣ права сохранены за
Книгоиздательствомъ ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко., БЕРЛИНЪ.

Темная ночь.

Еще съ вечера на красномъ фонѣ неба собирались густыя, какъ дымъ лѣсного пожара, облака и заволокли весь горизонтъ моря.

Константиновская батарея будто прикрылась темно-синимъ башлыкомъ, уголь котораго протянулся до самаго братскаго кладбища.

Въ эту ночь нашему миноносцу предстоялъ походъ, на сей разъ не боевой: нужно было срочно доставить *Наморси* изъ Севастополя въ Одессу.

Я пришелъ со своей береговой квартиры сейчасъ-же послѣ спуска флага. Въ каютъ-кампаніи было еще пусто. Не мигая горѣлъ красный электрическій фонарикъ передъ иконой Николая угодника. Кто-то вложилъ въ кіотъ еще деревянный, восьмиконечный почернѣвшій крестъ, котораго здѣсь раньше не было... Такіе кресты даютъ въ руки покойникамъ.

Въ другомъ углу былъ прибитъ маленькій, красного дерева, полуотворенный шифоньеръ. Въ немъ хранилась тетрадь-альбомъ, гдѣ каждый изъ офицеровъ могъ записывать все, что ему придется въ голову.

Я взялъ тетрадь и перелисталъ нѣсколько бѣлыхъ страницъ, затѣмъ увидѣлъ и прочелъ единственное, на-

писанное съ огромнымъ чувствомъ, стихотвореніе неизвѣстнаго автора.

Онъ просилъ Бога послать ему силы, а если придетъ очередь пасть отъ руки слѣпого безумца, — принять смерть спокойно, не доставивъ убійцѣ радости увидѣть страхъ жертвы вечерней. . .

Это было осенью 1917 года, когда большевизмъ еще не загорѣлся пожаромъ, но уже погибло нѣсколько офицеровъ и именно съ минной бригады. . .

Я прочелъ еще разъ стихотвореніе и задумался.

Внизу проворачивали машину; отъ работы турбинъ весь миноносецъ гудѣлъ и трясся, какъ живой организмъ.

Положивъ альбомъ на мѣсто, я поглядѣлъ на часы и увидѣлъ, что до сѣмки осталось еще четыре часа.

Закурилъ папиросу и снова сошелъ на берегъ. На камняхъ, возлѣ пристани, сидѣли въ шинеляхъ въ накидку два матроса. Одинъ изъ нихъ попросилъ «прикурить», а затѣмъ сказалъ:

— Вотъ, какъ вы писатель, такъ объясните, пожалуйста, что это значитъ, какъ я нашелъ на самомъ берегу мокрый хрестъ? — море его выкинуло. . . Господинъ старшій офицеръ взяли его въ каютъ-кампанію и поклали подъ икону. . .

Я подумалъ и отвѣтилъ:

— Не знаю. . .

Кажется, фамилія спрашивавшаго была Гусликовъ или въ этомъ родѣ.

Сидѣвшій рядомъ съ нимъ произнесъ:

— Значитъ скоро помрешь. . .

Уже стемнѣло настолько, что нельзя было разсмотрѣть не только выраженія, но и самыхъ лицъ раз-

говаривавшихъ, но я въ одну секунду почувствовалъ, какъ жутко стало этому Гусликову и услышалъ, какъ обиженно, пугливо и хрипло его голосъ произнесъ:

— Если я ложусь въ госпиталь, такъ это потому, что докторъ призналъ у меня больніи почки, а съ этого не помирають...

Помолчали.

И опять Гусликовъ спросилъ меня все тѣмъ-же особеннымъ, обреченнымъ голосомъ:

— А что можетъ означать, если я во снѣ видѣлъ, будто убилъ своего командира бывшаго?..

— Можетъ быть вы злы на него, такъ вотъ и приснилось.

— А, ни Боже мой, — быстро отвѣтилъ матросъ, — они были для насъ хорошіи и есть хорошіи...

— Всѣ хорошіе, — произнесъ его сосѣдъ самымъ обыкновеннымъ голосомъ, но мелькнуло въ звукахъ этихъ словъ что-то такое, отъ чего вдругъ стало жутко и противно до рвоты, точно весело заговорилъ профессиональный палачъ.

Захотѣлось поскорѣе уйти.

Какъ разъ въ это время спускался съ горы къ каменной пристани весь штабъ Наморси къ миноносцу. Каютъ-кампанія оживилась. Вѣстовые начали готовить чай и звенѣли стаканами. Было кругомъ много чужихъ людей и голосовъ.

Снова вышелъ наверхъ.

Присталъ къ правому борту на моторномъ катерѣ и самъ Наморси, поздоровался со мной и пробѣжалъ въ ревизорскую рубку, откуда не показывался во все время похода...

Я видѣлъ черезъ стекло его моложавое, издерганное, желтое лицо, нагнувшееся надъ письменнымъ столикомъ. Затѣмъ, онъ поднялъ голову и заговорилъ съ какимъ-то полковникомъ. Можетъ быть почувствовавъ мой взглядъ, полковникъ закрылъ окно изнутри, и на томъ мѣстѣ сдѣлалось темно.

Я отошелъ къ трапу и думалъ:

«Съ кѣмъ бы ни разговаривалъ этотъ, произведенный въ адмиралы адвокатомъ Керенскимъ, несчастный человѣкъ, все равно, обратившіеся изъ матросовъ въ «товарищей», распустившіеся люди не станутъ исполнять его боевыхъ приказаній, — и онъ или самъ себя дурачить, или просто пытается спасти свою жизнь какой бы то ни было цѣною» . .

Академикъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ офицеровъ Наморси, Немитцъ, дѣдъ котораго еще носилъ фамилію Neumitz von Biberstein, — онъ не могъ этого не понимать. Теперь онъ спѣшилъ къ Румынскому королю совѣщаться о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ арміи и флота, котораго въ сущности уже не было. . .

Снялись ровно въ часъ ночи.

Ожидали, что придется штормовать. Кругомъ было черно, какъ въ тунелѣ, однако ночь выдалась теплая. Въ каютъ-кампаніи, при задраенныхъ иллюминаторахъ и при необычно большомъ количествѣ дышащихъ ртовъ, — сдѣлалось такъ душно, что я рѣшилъ спать на среднемъ мостикѣ.

Пока обходили, самымъ малымъ ходомъ, минныя поля — волны подымали и опускали большой эскадренный миноносецъ — какъ шлюпку-тузикъ, но когда выбрались на чистую воду и двинулись въ темноту двадцати-пяти узловымъ, — черное море вокругъ только

шипѣло и обдавало иногда весь бакъ до мостика, но не успѣвало качнуть.

Въ машинѣ кажется не ладилось, потому что изъ всѣхъ четырехъ трубъ сыпался золотой дождь искръ, каждая оставляла за собой огненную ленточку; и кромѣ этихъ горящихъ полосъ вокругъ абсолютно не было ничего видно; получалось сказочное, Жюль-Верновское, но очень реальное впечатлѣніе, будто мы несѣмся среди междупланетнаго пространства — и летимъ въ вѣчность и точно комета. . .

Звонки въ машину не помогали, отъ «товарищей» уже нельзя было добиться настоящей работы. Впрочемъ, врядъ ли была опасность, если бы насъ даже и замѣтили нѣмецко-турецкая подводная лодка, или даже самъ «Геббенъ».

На среднемъ мостикѣ, точно души умершихъ, двигались и располагались на ночь темныя фигуры матросовъ, свободныхъ отъ вахты.

Въ эти времена мнѣ крѣпко захотѣлось понять ихъ психологію.

«Какъ-такъ, въ два, три мѣсяца погибло не только понятіе о воинской чести, но и о самомъ простомъ: «не убій», «не укради», что каждый изъ нихъ помнилъ въ дѣтствѣ. . . . Зачѣмъ, за что Богъ покинулъ ихъ сердца?» . .

Одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ вплотную и сказалъ:

— Отъ вамъ койка и подушка, и моя шинелія. . . Лягайте спокойно. Китель сбросьте, а то помнется, а шинелей вкройтесь, потому что, если ночь очень темная, то передъ свѣтомъ будетъ туманъ и холодно, а мнѣ не надо, такъ что я скоро заступлю на вахту.

Было похоже, что онъ нянька, а я ребенокъ. Шевельнулось большое чувство благодарности и въ то же время обезпокоили слова: «спите спокойно»... За ними мнѣ слышалось: «еще не пришло время бросить васъ соннаго въ воду, но придетъ».

Говорившій зналъ, что я не только писатель, но что у меня на погонахъ, кромѣ четырехъ нашивокъ, есть еще и малиновый кантъ, обозначающій принадлежность къ военно-морскому судебному вѣдомству. А судъ они всегда понимали не какъ справедливость, а какъ жестокость. И это всегда было больно и обидно; потому что я не знаю людей, относившихся съ большимъ отвращеніемъ и безпокойствомъ къ словамъ, — «смертная казнь», чѣмъ наши военно-морскіе судьи, даже самые холодные изъ нихъ.

И я также никогда не зналъ людей, относившихся болѣе равнодушно и болѣе цинично, почти весело къ этому страшному слову, чѣмъ секта социалистовъ, называемыхъ большевиками, и врядъ-ли міръ видѣлъ болѣе отвратительныхъ садистовъ...

Они соблазнили этихъ опромныхъ дѣтей и не единого отъ малыхъ сихъ, а милліоны!..

Я легъ рядомъ съ будущими убійцами, протянулся на койкѣ и подложилъ подъ голову руки.

Пахло влажнымъ соленнымъ воздухомъ, немножко махоркой, немножко нефтью и человѣческимъ потомъ. И эти, чисто корабельные запахи бодрили и напоминали что-то далекое, до слезъ дорогое, точно духи любимой женщины, которой отдалъ всю жизнь, отъ которой ждалъ радостей, а она сейчасъ безнадежно больна и дни ея уже сочтены...

И мысли летѣли и путались, какъ искры\надъ головой.

Не спалось и росло въ душѣ желаніе найти способъ доказать матросамъ простую истину, что не можетъ древо злое творить добрые плоды. И все, что они дѣлали и говорили, интересовало меня гораздо больше, чѣмъ то, что дѣлалъ и говорилъ Наморси со всѣмъ его штабомъ.

Уступившій мнѣ свою койку матросъ скоро вернулся, присѣлъ рядомъ на корточкахъ и, опершись спиной о брезентовый бортъ, сначала закурилъ, а потомъ спросилъ:

— Извиняюсь, вы уже спите?

— Нѣтъ, а что?

— Простите, вы зъ главнаго штаба пріѣхали? зъ Петербурга?

— Да.

— Ну, и скажите, пожалуйста, потому студова виднѣе, — скоро эта «свадьба» кончится?

— Какая свадьба?

— Да, вотъ, непонятное: гдѣ желающіе добра, а гдѣ тѣ, что желаютъ въ мутной водѣ рыбку половить.

— Мнѣ кажется, что только тогда это будетъ ясно, когда результаты этой «свадьбы» каждый изъ васъ почувствуетъ на самомъ себѣ.

— Такъ-то оно такъ... Ну, а по вашему, какъ это кончится?

— Скверно!

— Почему?

— Потому что на разнузданныхъ коняхъ нельзя никуда доѣхать, особенно если кучеръ никогда раньше и вожжей въ рукахъ не держалъ...

— Это Керенскій?

— Какъ хотите, такъ и понимайте.

— Такъ. Это относительно матросовъ и солдатъ, значить... Вѣрно!... Ну, а крестьянамъ и рабочимъ все-таки будетъ лучше?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Потому что они сдѣлали невозможной среди нихъ жизнь образованныхъ людей. Отрубили свою голову. Руки будутъ шевелиться, а работать не сумѣютъ...

— Понимаю... Ну, а земля?

— Вы какой губерніи? — спросилъ я.

— Полтавской.

— Ну, такъ знаете пословицу: «доки сонце зійде, роса очі віить».

— Очень хорошо знаю...

Онъ помолчалъ и вдругъ спросилъ меня уже другимъ голосомъ:

— Вы контреволюціонеръ?

— Я не знаю, кто я, но мнѣ хочется, чтобы наша земля была не хуже другихъ государствъ... И кажется, что мы идемъ не къ лучшему, а къ худшему, вообще не туда, гдѣ счастье. Вотъ кругомъ ничего не видно, а на мостикѣ есть компасъ и мы прійдемъ въ Одессу, а выбросьте компасъ за бортъ, и не прійдемъ...

Матросъ усмѣхнулся.

— Такъ, а только штурманскій офицеръ сказывали, што можно опредѣляться и по звѣздамъ.

— А гдѣ-же эти звѣзды?

Онъ поднялъ голову и снова опустилъ.

— Сегодня дуже темная ночь... дуже, дуже темная, — повторилъ онъ.

— Такая ночь и надъ всѣмъ пространствомъ, гдѣ была Россія... А тѣ ораторы, что зовутъ васъ на убійство, — они не звѣзды. Звѣзды сіяютъ тихо, спокойно и свѣтъ ихъ виденъ на милліарды миль.

Нужно ожидать разсвѣта. Вы молодой — доживете, дождетесь, а я нѣтъ...

— Ну, доживете и вы... Извиняюсь, мнѣ уже на вахту нужно. Спите-жъ спокойно — снова повторилъ онъ и добавилъ: — шинелія чистая, а ни вошиночки, а ни блошиночки...

Когда фигура моего собесѣдника потонула въ темнотѣ, мнѣ пришло въ голову, что душа у этого чело-вѣка тоже еще чистая, но, черезъ два, три мѣсяца эта чистота непременно окунется въ кровавую грязь и исчезнетъ, какъ исчезло сейчасъ его тѣло въ чернотѣ ночи...

Если любовь сильнѣе смерти, то ненависть страшнѣе смерти.

Въ машинѣ стали работать лучше, потому что огненные ленты изъ трубъ сначала сдѣлались тоньше, затѣмъ обратились въ отдѣльныя искры и совсѣмъ исчезли.

Я незамѣтно заснулъ, и когда открылъ глаза, кругомъ, вмѣсто ночи, стлался мокрый, сѣрый туманъ, и слышно было, что миноносецъ сильно уменьшилъ ходъ.

Вздрагивая отъ сырости, я спустился въ каютъ-кампанію. Здѣсь уже пили чай и говорили о томъ, что черезъ часъ мы должны быть въ Одессѣ...

Изъ-за тумана немного опоздали, но къ поѣзду поспѣли. По желѣзной дорогѣ ѣхали нѣсколько сутокъ

и скучно въ поѣздѣ, въ которомъ я насчиталъ больше ста вагоновъ. У меня было отдѣльное маленькое купе, и только одиночество радовало. Въ Яссахъ пробыли два дня. Я не знаю, о чемъ говорилъ Наморси съ румынскимъ королемъ, но, на обратномъ пути, нашъ адмиралъ казался еще желтѣе и глаза его стали мутными.

Изъ Одессы на Севастополь снялись передъ вечеромъ. Отъ многихъ изъ матросовъ пахло виномъ. Мой ночной собесѣдникъ поздоровался, но въ разговоры больше не вступалъ и спалъ я въ каютъ-кампаніи. Не знаю, изъ какихъ соображеній въ этотъ разъ мы шли совсѣмъ небольшимъ ходомъ и открыли Херсонскій маякъ уже передъ вечеромъ.

Наморси въ пальто съ адмиральскими погонами былъ на командирскомъ мостикѣ. Въ Севастопольскую бухту миноносецъ входилъ очень медленно. Подняли позывные и брейдвымпель командующаго морскими силами.

Видно было, какъ на несчастномъ, безмашинномъ «Георгіи» выстроились, вѣрнѣе столпились, люди.

Когда мы поравнялись, Наморси потребовалъ рупоръ и крикнулъ на корабль:

— Здравствуйте, товарищи!

Въ отвѣтъ — глубокое молчаніе и какой-то подозрительный кашель.

Когда я взглянулъ на лицо адмирала, мнѣ вспомнилась та первая темная ночь, въ моменты, когда уже перестали быть видными даже отдѣльныя искорки.

Онъ съѣхалъ на берегъ возлѣ Графской, а мы начали выворачиваться и подтягиваться къ своей обычной стоянкѣ.

Уже спустили флагъ, но на берегу и на другихъ миноносцахъ еще можно было видѣть людей и ихъ движенія.

Матросы переговаривались. Кто-то съ нашего кормового мостика крикнулъ кому-то:

— Эй, товарищъ, ну, што у васъ новаго?

— Нема ни черта, а впрочемъ вчера нарядъ былъ на берегъ, хоронили вашего Гусликова, въ госпиталѣ померъ.

— Та-акъ. . .

Швартовились долго и безтолково. И когда, наконецъ, можно было уже сойти на берегъ, весь несчастный Севастополь снова прикрыла, какъ чернымъ, траурнымъ сукномъ, безпросвѣтная темная ночь.

Paris 1921

Институтка.

I.

Небольшой трехсоттонный пароходишко «Сильный», когда то выдавший лучшую жизнь, тащил на длинном буксирѣ изъ Батума въ Константинополь баржу съ керосиномъ. Плоскодонная, ржавая, въ хорошую погоду, она молча, чуть вздрагивая, плыла за своимъ господиномъ. Но, когда свѣжѣло, ея тупое рыло подпрыгивало и, казалось, испускало грязную пѣну бѣшенства: баржа какъ будто шипѣла и злилась, точно огромная сѣрая жаба на веревочкѣ.

Платныхъ пассажировъ на «Сильномъ» не было, если не считать владѣльца баржи перса Миръ-Мамаева, толстаго, короторукаго, все тѣло котораго напоминало рахатъ-лукумъ. Уныло бродили по палубѣ нѣсколько, одѣтыхъ въ штатское платье, офицеровъ, разочаровавшихся во всемъ, — прошломъ и будущемъ. Капитанъ и помощники везли съ собою и женъ.

Въ подшкиперской помѣщалась еще одна женщина, какъ будто жена матроса, а какъ будто и не жена.

«Мужъ» называлъ ее Леночкой. Тоненькая, загорѣлая и, когда то, должно быть, очень хорошенькая

институтка, она больше проводила время съ четвертымъ помощникомъ, черезчуръ моложавымъ, желавшимъ казаться постарше: онъ курилъ трубку, мало съ кѣмъ разговаривалъ и, когда оставался одинъ и смотрѣлъ вдаль, глаза его казались оловянными.

Тотъ, котораго Леночка называла «мой мужъ», былъ рыжій, коротко остриженный, неуклюжій чело-вѣкъ, одинаково похожій и на мясника и на бѣлаго комиссара.

Игра (по необходимости) въ матросы сначала ему нравилась, но съ каждымъ новымъ днемъ выяснялось его желаніе полодырничать.

Своей спутницей онъ, видимо, гордился и, потому что она говорила по французски, считалъ ее очень образованной, мучился ревностью, но заикаться объ этомъ не смѣлъ. Фамилія его была Зубцовъ. Во всякое свое желаніе онъ вѣрилъ, какъ въ нѣчто совершившееся, и часто попадалъ въ глупое положеніе, но въ отчаяніе отъ этого не приходилъ.

Всѣ люди собрались здѣсь съ разныхъ концовъ Россіи, и желанія у нихъ были разныя и прошлое разное, и только въ настоящемъ ихъ склеивалъ «Сильный», да и то плохо.

Миръ-Мамаевъ, когда то очень давно, былъ «бачей», мальчикомъ, котораго обожали его земляки, затѣмъ сдѣлался уличнымъ пѣвцомъ, скопилъ денегъ и купилъ крохотный участокъ земли, изъ котораго неожиданно забилъ нефтяной фонтанъ. Онъ считалъ себя Божиимъ избранникомъ, никогда и никому ни въ чемъ не отказывалъ, но также никогда не исполнялъ ни одного изъ своихъ обѣщаній.

Жизнь на пароходѣ складывалась не скучно изъ красочныхъ мозаичныхъ камешковъ, но подобранныхъ безъ всякаго смысла. «Сильный» съ баржей на буксирѣ дѣлалъ всего пять узловъ и въ тихую погоду приучалъ всѣхъ къ терпѣнію. Люди просыпались, ѣли и пили, затѣмъ глядѣли на ярко синюю воду и, какъ будто, грустили, не понимая, что, находясь одновременно вездѣ и нигдѣ, они были счастливѣе тѣхъ многихъ миллионъ, которые знали свой завтрашній день, какъ знаетъ и чувствуетъ его каждая муха, приклеившаяся къ липкой бумагѣ.

II.

На вторыя сутки вода изъ купоросно-сине-зеленой сдѣлалась бутылочнаго цвѣта, а когда подулъ «морякъ», вокругъ замелькали пѣнистыя бѣлыя кружева.

Буксиры кряхтѣли.

Баржа подпрыгивала, изгибалась и сопѣла, какъ разозлившаяся крыса. Къ вечеру съ моря дохнуло посерьезнѣе. Ночью изъ темноты сидѣвшіе на баржѣ люди начали вопить не своими голосами. Старшій помощникъ и вахтенный матросъ старались разобрать въ чемъ дѣло и спрашивали въ рупоръ. Море перебивало человѣческіе голоса и выкрикивало свои звуки, точно большевистскій ораторъ, не желающій знать, чего хотятъ другіе. Наконецъ, на «Сильномъ» разслышали:

— Руль отор — ва — ло — о. . .

Капитанъ почесалъ свой длинный, тоже похожій на руль, носъ и добродушно пробормоталъ, ни къ кому не обращаясь:

— Это неважно. . . На черта имъ руль? . .

Черезъ часъ съ баржи стали кричать сильнѣе, и потому что вѣтеръ, хотя не ослабъ, но измѣнился, разобрали:

— Вы — би — ло переборки... керосинъ хлюпаетъ...

Миръ-Мамаевъ зашевелился, какъ надолго притаившійся паукъ, къ спинѣ котораго вдругъ приложили тлѣющую спичку. Онъ задвигалъ своими короткими руками и ногами, закачалъ рахатъ-лукумнымъ животикомъ, протеръ платкомъ глаза, подошелъ къ капитану и началъ молиться:

— Позалуйста зайдемъ куда-нибудь...

— Чертъ васъ дери, развѣ я виноватъ, что вы на желѣзной баржѣ дѣлаете деревянные переборки! Вотъ, если вѣтеръ не утихнетъ, такъ я людей съ баржи сниму, а буксиры велю отрубить, и пускай вашъ керосинъ гуляетъ по морю, пока баржа не треснетъ.

Миръ-Мамаевъ продолжалъ молиться:

— Ну пазалуста зайдемъ куда-нибудь...

— Ну, куда же я зайду, если у насъ угля въ обрѣзъ?...

— Мы достанемъ угля...

— Гдѣ?

— Въ Зунгулдакѣ.

— Вы будете доставать?

— Я, я, честное слово.

Капитанъ молча поднялся на мостикъ и велѣлъ держать въ сторону мигавшаго на далекомъ берегу огонька. Шли осторожно. Кочегары въ преисподней злились. Паръ ни съ того, ни съ сего падалъ, баржа начинала нагонять своего насильника и, вдругъ, принималась плясать какой-то танецъ отчаянія.

Когда, передъ разсвѣтомъ, вошли въ бухточку, сразу стало тише, а черезъ полчаса изъ-за фіолетовыхъ горъ начало вылѣзать золотое солнце и освѣтило крохотный, несчастный безоконный городокъ, — ни одно стекло не заблестѣло. Людей почти не было видно. Высоко, между развалинами, притаилось нѣсколько турецкихъ женщинъ, точно души неродившихся изъ «Синей Птицы», были нѣкоторые изъ нихъ похожи и на согбенныхъ бабъ Виктора Зарубина.

Передъ завтракомъ съ берега явился толстый турокъ и попросилъ нагрузить тысячу пудовъ орѣховъ. Ему не отказали.

Миръ-Мамаевъ вдругъ повеселѣлъ и лепеталъ въ каютъ-кампаніи:

— Всѣмъ будутъ подарки... Кочегарамъ — по три лиры, помощникамъ — хорошій вечеръ въ «Petits-champs»... Бакшишъ...

— А женщины будутъ? — спросилъ кто-то.

— И не только зенщины...

Онъ не пилъ вина, но казался похожимъ на пьянаго, — глазки блестѣли, и, похожія на клещи омара, руки его дрожали.

Къ вечеру, вмѣстѣ съ погодой, онъ совсѣмъ успокоился, настроеніе у него сдѣлалось философское. Онъ взялъ большой, лежавшій на столѣ блокъ-нотъ и началъ что-то писать по персидски, а затѣмъ, уже на палубѣ, перевелъ любопытствующимъ:

«Не радуйся, если ты имѣешь красивую жену, не радуйся, если ты имѣешь много денегъ, ибо, когда умрешь, ты не сможешь взять съ собой ни женщины, ни богатства».

Миръ-Мамаевъ тихо улыбнулся и сказалъ:

— Это уже совсѣмъ другое теперь: «Одинъ мулла имѣлъ два теленка на привязи. Одинъ теленокъ сорвался и убѣжалъ. Тогда мулла взялъ большую палку и началъ бить того теленка, который не убѣжалъ. Люди вокругъ удивились и спросили: — За что ты его бьешь? А мулла отвѣтилъ: — Знаешь, нужно бить жену, пока она не убѣжала, потому что, когда убѣжить, будетъ поздно».

Присутствующіе посмотрѣли на перса съ нѣкоторымъ уваженіемъ и даже задумались.

III.

Свободный отъ вахты «мужъ» Леночки «матросъ» Зубцовъ говорилъ и слушалъ самого себя:

— Изволите видѣть, если они даже прекратятъ терроръ, то весьма возможно, что сумасшедшая страна начала бы другія, такъ сказать, переживанія и взаимоотношенія... Къ примѣру сказать, у меня на заводѣ, пришли это они и никто шапки передо мной, хозяиномъ, не ломаетъ, значить думаютъ, что я испугался такой концепціи...

Къ Зубцову подошелъ полупьяный кочегаръ и нараспѣвъ протянулъ:

— Да будетъ тебѣ брехать, ѣдемъ на берегъ, что-ли?

Къ вечеру нагрузили орѣхи.

Вѣтеръ «морякъ» смѣнился бризомъ.

На бакѣ сѣли ужинать.

Зубцовъ и одѣтая въ розовый капотъ Лена устроились отдѣльно, въ двухъ шагахъ отъ общаго стола. Ёли они не одинаково, мужчина торопился, а женщина брала

и глотала нехотя, точно ей неловко было, и старалась не глядѣть въ сторону стола, за которымъ сидѣли матросы и кочегары. Усталые и разозленные они въ свою очередь не оборачивались и, точно нечаянно, пересыпали разговоръ отвратительной, ни къ чему не относящейся бранью, чтобы сдѣлать больно странной четѣ.

Когда принесли вермишель, густо присыпанную сахарной пудрой, Лена съѣла двѣ ложки, оттопырила нижнюю губку, круто повернулась и ушла въ преисподнюю, — въ подшкиперскую, гдѣ съ разрѣшенія капитана помѣщались Зубцовъ и Лена. Здѣсь она легла въ похожую на гробъ койку и взяла французскую книжку въ желтой обложкѣ.

Но не читалось.

Сегодня, въ первый день на самомъ дѣлѣ за границей, особенно остро думалось о прошломъ и будущемъ: тамъ было темно, а тамъ еще темнѣе, и вездѣ одинаково безпомощно. Она хорошо знала, что каждое слово Зубцова — одинъ изъ видовъ творчества, называемаго въ обществѣ враньемъ.

А все-таки хотѣлось вѣрить, если не ему, то помощнику съ оловянными глазами, который не общалъ ничего, а больше неопредѣленно мычалъ, не вынимая трубки изо рта, дескать: либо будетъ, либо нѣтъ, либо дождикъ, либо снѣгъ...

Когда одинъ изъ скучающихъ пассажировъ спросилъ Лену, что ее могло связать съ Зубцовымъ, она чуть измѣнилась въ лицѣ, точно отъ неожиданной зубной боли, и скороговоркой произнесла:

— Право, это такъ обыкновенно и такъ неинтересно. . .

И уже безъ словъ, а только одними глазами добавила:

«Будьте же деликатнѣе»...

Пассажиръ, человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ, вдругъ покраснѣлъ и также скороговоркой сказалъ:

— Простите, простите... Но мнѣ такъ больно бываетъ глядѣть на многое... Знаете трудно удержаться, чтобы не спросить... Вѣдь, это — *ménage à trois*...

— Простите...

Она молча ушла.

IV.

Было время, когда Лена считала себя великой грѣшницей и казалось ей, что она разучилась и не смѣетъ молиться. Въ безсонные часы, сама собой, вмѣстѣ со вздохомъ, вырывалась иногда фраза: «Господи помилуй меня, проклятушую». Но уже утромъ разумъ говорилъ, что она не сдѣлала ничего заслуживающаго проклятiя, что просто была великая жажда жизни и великое множество кругомъ охотниковъ до свѣжаго тѣла: все ясно и просто.

Больнѣ всего бывало, когда неумные, неразвитые и несчастные люди, которые жили въ кубрикѣ, старались объяснить себѣ ея «замужество съ Зубцовымъ» стремленiемъ, какъ можно скорѣе, разбогатѣть, а изъ этого богатства до сихъ поръ каждый день бывали только макароны и борщъ, борщъ и макароны и запахъ старой обуви въ подшхиперской.

Былъ увѣренъ и «мужъ», что въ ихъ связи огромную роль играетъ «богатство», хотя не сомнѣвался, что по приходѣ въ Константинополь придется либо начать играть въ открытую, либо разстаться.

То, что матросы называли «романомъ» съ четвертымъ помощникомъ, началось давно и, какъ и всякое сильное чувство, безъ всякихъ взаимныхъ объясненій. Впрочемъ, были и объясненія: отъ великой пароходной скуки на маленькихъ листикахъ блокъ-нота начали писать другъ другу для прочтенія. Бывали тамъ и великія мысли, и великая чепуха. Какъ то вспомнили, что вродѣ этого поступали Левинъ и Китти, но тутъ же разсмѣялись: ужъ очень непохожа была жизнь сытыхъ помѣщичьихъ дѣтокъ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія на жизнь бездомныхъ, выброшенныхъ смертельно заболѣвшей матерью Россіей на произволъ судьбы, — никогда не выдавшихъ ничьей безкорыстной ласки. . .

До встрѣчи съ Леной помощникъ былъ убѣжденъ, что знаетъ всѣхъ женщинъ, какъ свои пять пальцевъ, что самъ онъ въ родѣ «Героя нашего времени», — къ любви не способенъ и что моряку сильное чувство не подобаетъ. Но съ каждымъ днемъ оказывалось, во-первыхъ, что всѣ женщины, просившія угостить ихъ пивомъ, не похожи на Лену; во-вторыхъ, что и въ самомъ интересномъ плаваніи нѣтъ полного забвенія, какъ нѣтъ его и въ коньякѣ; а въ третьихъ: съ каждымъ новымъ днемъ все настойчивѣе и настойчивѣе просило сердце настоящей большой ласки, радостной до слезъ, ласки порядочной, не шаблонной женщины.

И она подкралась и, даже, немного напугала, какъ волна, которая неожиданно поднялась выше борта шлюпки.

«Мужъ» Лены по настоящему пьянствовалъ рѣдко и больше на чужой счетъ, но, возвратившись на пароходъ, долго и гордо рассказывалъ о себѣ всякую че-

пуху словами, очень похожими на слова Эпиходова изъ «Вишневаго сада».

Матросы и кочегары издѣвались и хохотали, какъ въ циркѣ, надъ выраженіями «рыжаго», а онъ злился и, въ концѣ концовъ, искалъ забвеніе въ объятіяхъ «жены».

Лена, если можно было, убѣгала на корму, а «мужъ» являлся и туда и, не стѣсняясь ничѣмъ присутствіемъ, опять начиналъ «ласковыя слова», отъ которыхъ ей хотѣлось броситься за бортъ...

V.

Когда море немного успокоилось, капитанъ почмыхалъ носомъ и рѣшилъ сняться съ якоря на разсвѣтъ и, даже, безъ лоцмана. Баржа крякнула и неплавно двинулась за «Сильнымъ».

Розовые тоны утра и серебряные лепестки непогасшаго луннаго свѣта танцовали на водѣ и отлетали, приближаясь къ мутной пѣнѣ, шумѣвшей за кормой. Берегъ незамѣтно удалялся, и къ восходу солнца видны были только голубыя волны.

Такъ шли двое сутокъ.

Ленѣ начало казаться, что никогда никакого Константинополя не будетъ. Ночью, когда она и четвертый помощникъ сидѣли около штурвала, показался Синопскій маякъ, и былъ виденъ его огонь до самаго утра.

«Мужъ» то приходилъ, то уходилъ.

И, въ отместку ему, Ленѣ и помощнику хотѣлось ласкаться и доказать звѣздному небу, что они теперь самые близкіе и не только до Константинополя, но и въ самомъ еще невѣдомомъ городѣ, и послѣ...

Когда молчали и каждый думалъ свое, сила близости чувствовалась еще острѣе.

Лена вспоминала, какъ не здѣсь, а на другомъ пароходѣ, она однажды проснулась, лежала полуодѣтая и разговаривала съ «мужемъ», а въ это время, случайно или не случайно, вошелъ тотъ, съ которымъ она сейчасъ была рядомъ, сѣлъ сбоку и спросилъ что-то самое обыкновенное. И почему то не было стыдно своихъ обнаженныхъ плечъ, и почему то не запротестовалъ «мужъ».

Теперь стало ясно, что и въ то утро самымъ близкимъ былъ помощникъ, а любовникомъ (по необходимости) — «мужъ»...

Лена вдругъ вцѣпилась въ плечо помощника обѣими руками и однѣми губами сказала:

— Боричка, мой!..

Въ двѣнадцатомъ часу дня, послѣ команднаго обѣда, «мужъ» былъ въ хорошемъ настроеніи духа, много философствовалъ, ласкался къ «женѣ» и приставалъ къ помощнику. Тотъ долго молча хмурился и, наконецъ, коротко сказалъ:

— Знаете, что, дядя, вы бы лучше шли на бакъ...

Дядя слегка покраснѣлъ и отвѣтилъ:

— Это съ вашей стороны не каретно.

— Почему не каретно?

— Да потому, что, изволите-ли видѣть, люди, издившіе въ каретахъ, по отношенію къ ближнему такихъ поступковъ себѣ не позволяли.

— Ладно, ладно...

И еще дальше сталъ мужъ и еще ближе Борисъ.

А вечеромъ снова радостно было сидѣть плечо къ плечу за штурваломъ и нервно ерошить волосы на го-

ловѣ того, кто единственный зналъ и исторію ея «брака» и все то, о чемъ она не сказала никогда и ни одного слова «мужу».

VI.

На слѣдующій день около полудня «Сильный» сталъ приближаться къ лазурной бухточкѣ, весело омывавшей красно-глинистые берега Зунгулдака. Городишко было небольшой, но съ лавками, съ почтовой конторой и, даже, съ рельсовымъ путемъ по главной улицѣ, по которой бѣгали вагонетки, нагруженные каменнымъ углемъ. Виднѣлись и ресторанчики. Поэтому вся свободная «баковая» аристократія и демократія, униженно выпросивъ у капитана по нѣскольکو лиръ, отправилась на берегъ.

Послѣ ихъ отъѣзда Ленѣ всегда казалось, будто дышать стало легче.

Ласкала глаза красота голубыхъ холмовъ и бѣлыхъ, точно сдѣланныхъ изъ сахара, минаретовъ. Подумалось, что, вѣроятно, и въ Константинополѣ есть такіе уголки.

Борисъ не съѣхалъ, какъ онъ выразился «по стратегическимъ соображеніямъ», да и не хотѣлось ему обращаться къ капитану за деньгами, а послѣднія полълиры выпросилъ Зубцовъ.

И еще лучше вчерашняго говорилось вдвоемъ, и еще ярче и яснѣе рисовались картины близкаго будущаго. Быстро плыло время и незамѣтно очутилось солнце на западѣ.

Съ берега вернулась первая шлюпка съ пьяными, но тихими матросами, затѣмъ снова ушла и привезла кочегаровъ: девятнадцатилѣтняго Михаила Андреевича и греченка Косту, которые въ два кнута, еще по до-

рогъ на пароходъ, самыми скверными словами ругали Зубцова и картинно описывали, какъ онъ «драпаль» отъ турецкихъ большевиковъ, оказавшихся потомъ французской кавалеріей.

«Мужъ» сжался въ комочекъ и отмалчивался. Продолжали его травить и на пароходъ.

Еще черезъ десять минутъ прибыли новые пьяные матросы и поддержали товарищей.

«Мужъ» обратился къ защитѣ жены, но и здѣсь не встрѣтилъ поддержки. Услышавъ отъ него запахъ водки, Лена ушла подальше и молча облокотилась о бортъ.

Кочегары уже купались.

Примкнуло къ нимъ и нѣсколько матросовъ, и всѣ поплыли на перегонки въ открытое море. Видны были только головы, то сближавшіяся, то раздѣлявшіяся, и чуть долетали голоса.

Капитанъ стоялъ на спардекѣ и нервно поглаживалъ носъ.

Кто-то изъ бесплатныхъ пассажировъ сказалъ: —

— Ну, какъ можно въ пьяномъ видѣ такъ далеко заплывать!

Капитанъ опять погладилъ свой, вдругъ посинѣвшій, носъ и заоралъ въ отвѣтъ:

— Да я бы поставилъ въ церкви огромную свѣчку, если бы хоть одинъ изъ этихъ мерзавцевъ утонулъ! Такъ, вѣдь, не утонетъ!..

Рыжеватое, передъ еще болѣе жаркимъ днёмъ, солнце уже опускалось, точно ярко начищенная кирпичемъ монета въ бездонную копилку. И, когда его не стало, красный воздухъ еще долго игралъ на бортахъ и мачтахъ, и яркими бликами ложился на розовый ка-

потикъ Лены и дѣлалъ ея волосы на затылкѣ каштановыми, а все личико болѣе нѣжнымъ и задумчивымъ.

VII.

Въ то время она и въ самомъ дѣлѣ думала о томъ, что, вѣроятно, ни одной изъ ея институтскихъ подругъ не могло прійти въ голову, гдѣ она и какъ сюда попала...

Отчетливо припомнилась мордочка Тани и пришло въ голову стихотвореніе, которое эта дѣвочка написала ей:

Въ мѣсяцы, дни безпросвѣтные,
Звѣздочкой ты мнѣ свѣтилася,
Ласкою теплою, отвѣтною,
Радостной грезой явилася.

Время придетъ неизбежное...
Кто-то на зовъ мнѣ откликнется?
Послѣ тебя, моя нѣжная,
Сердце со мракомъ не свыкнется...

Человѣческія головы были уже совсѣмъ близко отъ парохода, и, казалось, что и вся вода топочетъ, булькаетъ, рычитъ и бранится невѣроятными, ни съ чѣмъ несравнимыми, страшными выраженіями.

Слово «мать» не только склонялось, но и спрягалось. Замѣтивъ изъ воды розовый капоть на борту и капитана на спардѣкѣ, все еще не отрезвѣвшій Мишка кочегаръ, ни съ того, ни съ сего, началъ приплетать еще и «вѣру», «свободу» и «законъ».

Капитанъ продолжалъ поглаживать нось.

Лена убѣжала въ подшкиперскую, гдѣ мирно спалъ «мужъ». Здѣсь было, относительно, тихо и, даже, прохладно; чуть припахивало портянками.

Хотѣлось плакать и не было слезъ.

А наверху продолжалось: шипѣла грязная пѣна и сливался ея шумъ съ грязными словами, долетавшими теперь уже по адресу капитана и стоявшаго у борта Миръ-Мамаева. Персъ больше угадывалъ, чѣмъ понималъ; лицо его морщилось, полуоткрытые глаза мигали, онъ поворачивалъ голову то вправо, то влѣво и съ видомъ величайшаго презрѣнія плевалъ въ море, — мысленно на головы купавшихся.

Наконецъ, вылѣзли изъ воды, побезобразничали еще голыми на палубѣ, одѣлись и снова стали пить водку.

Уже на всѣхъ пароходахъ спали и пробило шесть стклянокъ (11 часовъ ночи), а на «Сильномъ» всё еще хрипѣли голоса и только одинъ раздавался отчетливо, не то выкрикъ, не то вздохъ боцмана:

— Господи, да когда же кончится эта «свадьба»?..

VIII.

На другой день брали уголь въ маленькой сосѣдней бухточкѣ, и всѣ пьяницы чудесно работали.

Летала черная пыль. Лена лежала у себя въ подшкиперской и держала въ рукахъ «*La grande passion*» въ желтенькой обложкѣ, но не читала и думала: «А все-таки я ужасно терпѣливая и, даже, настойчивая и непремѣнно сдѣлаю изъ Бориса хорошаго человѣка, — онъ самъ этого не замѣтитъ; скорѣе бы, только, добраться до Константинополя».

Малымъ ходомъ шли еще сутки, и пришлось заночевать въ нѣсколькихъ миляхъ отъ всеобщей столицы.

По Босфору тянулись особенно долго и медленно. Возлѣ большого казарменнаго зданія оставили баржу и всѣ обрадовались, особенно Миръ-Мамаевъ, но насчетъ угощенія и бакшишей больше не заикался.

Налегкѣ, весело и просто добѣжали до голубенькаго Мраморнаго моря съ нѣжно лиловыми островами. Слѣва открылась на двухъ берегахъ фіолетовая громада, гораздо большая, чѣмъ Петербургъ и Москва.

Иголчатые минареты, семиэтажные дома, желтыя казармы, точно соусомъ нарисованные эскизы, и неясный, далекій гулъ, какъ дыханіе огромнаго организма, на всѣхъ сдѣлали новое впечатлѣніе, ни съ чѣмъ несравнимое.

Даже въ глазахъ кочегара Мишки замелькали какія-то мысли.

Когда Миръ-Мамаевъ, съ двумя желтыми чемоданами, первый опустился въ хорошенькую шлюпочку, всѣ поглядѣли на него съ завистью. Помощникамъ онъ обѣщалъ сегодня-же вернуться — всѣ знали, что персѣ вретъ, но прикинулись, что вѣрятъ.

Необъятный городъ манилъ и волновалъ. Зубцовъ рассказывалъ о томъ, какъ онъ въ три дня разбогатѣетъ, глаза у него блестѣли. И самъ себѣ вѣрилъ.

Меньше всего выражали свои чувства четвертый помощникъ и Лена, ихъ лица даже стали равнодушнѣе.

Медленно и особенно долго проходилъ «Сильный» мимо красивѣйшаго на свѣтѣ зданія, Долма-Бахча, гдѣ каждый подоконникъ и каждая ворота могли кокетничать своимъ изяществомъ, гдѣ цѣлыя столѣтія очаро-

вательныя женщины и дѣвушки, по волѣ и по неволѣ, отдавали свое тѣло желаніямъ побѣдителей.

Сѣро и строго глядѣли колоннады и слѣпныя стекла, они могли сказать будущимъ поколѣніямъ людей: «Тысячу лѣтъ еще проживете, но не увидите того, что видѣли мы, и всѣ ваши войны и вся ваша политика исчезнуть и забудутся... А насъ люди будутъ помнить»...

IX.

На «Сильномъ» предстоялъ большой ремонтъ. Пока инженеры, капитанъ и владѣлецъ торговались, судно стояло на рейдѣ. Черезъ полторы недѣли его перетасили въ Золотой Рогъ къ еврейско-греческому мѣстечку — Фэнаръ.

Всѣ обитатели «Сильнаго» давнымъ давно успѣли изучить Константинополь, одна только Лена еще ни разу не была на берегу. И, какъ будто, не очень огорчалась. Можетъ отъ этого «какъ будто», а можетъ отъ безсонныхъ ночей, которыя она просиживала до разсвѣта на палубѣ, глаза женщины провалились и нѣсколько бѣлыхъ пятнышекъ появилось на лбу и на щекахъ, точно обвѣтрилась кожа.

А въ зрачкахъ спутались и радость и горе, и надежда и безнадежность.

«Мужъ» чувствовалъ себя недурно. Изрѣдка выпрашивалъ у Бориса полъ-лиры, съѣзжалъ на берегъ, возвращался и на правахъ «пьяненькаго» рассказывалъ о своихъ будущихъ богатствахъ и о томъ, что онъ вообще не ревнивъ.

Даже самые небрезгливые отплевывались и уходили отъ него подальше.

Не всегда только удавалось уходить Ленѣ.

Изъ деликатности, къ ней никто не обращался съ разспросами, но зрачки каждаго изъ обитателей парохода точно хотѣли спросить и «мужа», и Леночку и Бориса: «Какъ прикажете понимать вашъ *ménage à trois*?».

Впрочемъ кочегары иногда обращались къ «мужу»:
— Сколько сегодня взялъ на пропой?

Х.

Уже второй разъ послѣ Байрама стоялъ на небѣ тоненькій, тѣлеснаго цвѣта мѣсяцъ. Лена смотрѣла на него и думала: «А когда онъ опять станетъ на этомъ самомъ мѣстѣ, меня здѣсь уже не будетъ: начнется новая жизнь съ Борисомъ... Но — «мужъ» — такъ не уступить: начнетъ шантажировать, станетъ мучить и мучиться. И никто ему не повѣритъ, одна я знаю, что, чѣмъ ниже онъ падаетъ, тѣмъ сильнѣе любить. А когда меня сильно любятъ, — я перестаю любить, — это всегда такъ бывало и такъ будетъ».

Подошелъ Борисъ и сказалъ:

— Ну пойдемъ, что ли, посидимъ на ютѣ.

Пока было свѣтло, болтали чепуху и, какъ дѣти, играли въ лапки, а когда стемнѣло, точно мыши, спрятались за штурвальное колесо.

Уже давно отрезвѣвшій «мужъ», неслышными шагами, приходилъ на ютъ и заговаривалъ, но вмѣсто отвѣтовъ получалъ отъ Бориса какія-то междометія, а Лена и совсѣмъ молчала и опускала голову внизъ.

Въ этотъ вечеръ ей особенно хотѣлось новаго личнаго счастья, а старое мѣшало и, какъ буравчикомъ,

сверлило остатки совѣсти. А потомъ захотѣлось махнуть рукой на все.

Борисъ полушепотомъ сказалъ:

— «Иди ко мнѣ въ каюту»...

Лена въ отвѣтъ только молча кивнула головой.

На противоположной сторонѣ парохода два неспавшихъ матроса предчувствовали потѣху и дразнили «мужа»:

— Ты, братъ, помнишь, что персъ говорилъ, нужно бить жену, пока она не ушла, а какъ уйдетъ, тогда ужъ не поймаетъ...

— Я то?

— Ты то.

— А это видалъ?

Онъ вынулъ изъ-за пазухи ржавый ножъ, показалъ его и опять спряталъ. Въ отвѣтъ услышалъ смѣхъ. Ему хотѣлось обругаться, но голосъ его перешелъ въ искусственный умоляющій шопотъ:

— Алексѣй, голубчикъ, сходи на сосѣдную баржу, погляди черезъ иллюминаторъ, какъ они, еще одѣвши?

И, какъ всегда на свѣтѣ, тотъ, кто игралъ роль «мужа», зналъ меньше всѣхъ. Въ каютѣ попросту закусывали: ѣли колбасу и шоколадъ, ѣли съ аппетитомъ и, потому, почти не разговаривали.

Неслышно спускаясь по трапу, дѣйствительно похожій на большого жирнаго кота, несчастный человѣкъ весь дрожалъ, голова его трещала отъ мыслей; но меньше всего онъ себѣ представлялъ, какъ и кого онъ будетъ убивать.

Борисъ и Лена больше удивились, чѣмъ испугались, когда онъ вдругъ захрипѣлъ:

— Кончимъ съ этимъ!...

И затѣмъ, неумѣло и глупо ткнулъ Бориса ножемъ сначала въ руку, и затѣмъ въ плечо. Тотъ хотѣлъ схватить лежавшій подъ подушкой револьверъ, но между ними бросилась женщина:

— Успокойся, ради Бога, успокойся, опомнись!

И была слышна въ ея голосъ вся прошлая нѣжность. Не самыя слова, а звукъ этого голоса, когда то шептавшаго слова настоящей любви, вдругъ отрезвиль и сдѣлалъ на нѣсколько секундъ великодушнымъ и умнымъ недобраго и глупаго человѣка.

И онъ же, доведенный отчаяніемъ до полной потери самолюбія, черезъ три минуты началъ просить прощенія и старался потушить поднявшуюся на пароходѣ тревогу.

Никто ничего не понялъ.

XI.

Слегка оцарапанную руку перевязали, а, затѣмъ, до самаго разсвѣта сидѣли втроемъ и обсуждали случившееся. И, сами того не подозрѣвая, лгали и лгали...

Всѣ трое...

Капитанъ долго стоялъ на спардэкѣ, наконецъ, зѣвнулъ и какъ можно громче произнесъ:

— Я эту компанію выброшу съ парохода!..

Еще прошла тягучая цѣлая недѣля.

Зубцовъ вдругъ съѣхалъ на берегъ, въ управленіи порта выхлопоталъ себѣ недѣльный отдыхъ, и вернулся и, нагло улыбаясь, подалъ капитану бумагу.

— Что такое? спросилъ капитанъ и потеръ носъ.

— Освобождаюсь отъ работъ по случаю разстроенныхъ нервовъ.

— Что? А къ чертовой матери не хотите? Если я васъ терплю, такъ только потому, что жалѣю ту, которую вы дурачите...

— Господинъ капитанъ я попрошу васъ...

— Пошелъ вонъ, мерзавецъ!...

Зубцовъ опустилъ голову, покраснѣлъ и медвѣжьей походкой направился въ кубрикъ.

Пароходъ снова перевели въ другое еще болѣе вонючее мѣсто. Съ ранняго утра стучали молотки, обивающіе старую ржавую краску. Въ полдень Reaumur показывалъ 36°.

Леночкѣ часто казалось, что она сходитъ съ ума. Вечерами она сидѣла на ютѣ, шепталась и цѣловалась съ Борисомъ. Мечтали какъ можно скорѣе разсчитаться, нанять квартирку на берегу и хлебать счастье большими ложками.

Но владѣлецъ парохода никому не платилъ жалованья.

А послѣ мечтаній Леночка снова шла ночевать къ «мужу» въ подшкиперскую, гдѣ остро пахло потомъ и было душно, какъ въ раскаленномъ гробу.

И радовалась до слезъ, увидѣвъ, что онъ спитъ.

„Ménage à trois... Ménage à trois...“ Думала она, тихохонько укладываясь подальше отъ храпѣвшаго тѣла. «Этими проклятыми словами — тотъ скучающій пассажиръ хотѣлъ меня убѣдить, но, если бы онъ зналъ, какъ это больно... Если бы зналъ!»...

Въ этотъ моментъ «мужъ» открылъ глаза и сладко потянулся...

Вечеромъ Леночка плакала на плечѣ у Бориса и говорила:

— Знаешь, я терпѣливая, но больше не могу... Возьми меня отсюда.

Однажды, когда совсѣмъ замученная послѣдними днями она ушла спать, — Зубцовъ и Борисъ еще долго сидѣли. Поднялась изъ-за мечети мѣдно-красная, бокомъ лежащая на черномъ небѣ, неполная луна и освѣтила ихъ лица. И видно стало, какъ шевелятся губы Зубцова, и слышно было въ тишинѣ, какъ шепчутъ:

— Конечно, комиссаромъ я дѣйствительно былъ, но по необходимости больше, какъ и многіе (онъ выговори́лъ: многіе), ради интереса денежнаго... Но и тамъ есть вещи не глупыя, къ примѣру сказать социализація женщинъ, — а можетъ и нѣтъ ея, но въ принципѣ очень даже не плохо: сегодня моя, а завтра твоя...

Борисъ вдругъ вскочилъ и задыхаясь произнесъ:

— Знаете, батенька, идите вы спать, а то какъ бы мой браунингъ не оказался дѣйствительнѣе вашего ножа...

Зубцовъ покосился, всталъ и молча оглядываясь попятился къ траппу.

За нимъ поплыла такая же неуклюжая синевато-зеленоватая тѣнь...

Еще черезъ сутки совсѣмъ неожиданно капитанъ объявилъ Борису, что владѣлецъ парохода приказалъ его уволить, какъ четвертаго помощника, не нужного на стоянкѣ, и выдалъ сто десять турецкихъ лиръ.

Плохо скрывая радость, Борисъ спросилъ:

— А двойной мѣсячный окладъ? — вѣдь, я же не по собственному желанію увольняюсь...

— Ну это врядъ ли...

Больше съ капитаномъ не разговаривали.

ХІІ.

У Бориса точно выросли крылья. Уже не вечеромъ, а днемъ онъ говорилъ сіяющей Леночкѣ:

— Ну теперь ты поняла мои «стратегическія» соображенія?

— Поняла, милый, все, ты умный, а я глупая, проклятушая, не могла уже терпѣть. . .

И ей, — какъ и Борису — сейчасъ было все равно: смотреть на нихъ кто-нибудь или не смотреть, слушаетъ или не слушаетъ?

И вдругъ вся потускнѣла, точно электрическая лампочка, на которую накинута черную матерію, и совсѣмъ другимъ голосомъ выговорила:

— А, вѣдь, Зубцовъ опять либо съ ножомъ полѣзетъ, либо еще худшее ножомъ выдумаетъ. . .

— У меня браунингъ всегда при себѣ. . .

Борисъ убѣждалъ на берегъ искать квартиру, вернулся послѣ полуночи. Зубцовъ былъ на вахтѣ и подалъ шлюпку. Не ярко свѣтила неполная спокойная луна.

Зубцовъ два раза гребнулъ веслами и спросилъ:

— Увольняетесь?

— Да. . .

— Содержаніе получили?

— Да.

— А мы всѣ нѣтъ. . . Оборвался я. . .

— Сколько вамъ нужно? спросилъ Борисъ.

— Да лиръ пятнадцать.

— Нате. . .

Онъ вынулъ и подалъ ему три пятилировыхъ билета.

— Спасибо... Я вѣдь какъ будто вамъ долженъ?
Али нѣтъ?

— Пустяки...

Въ эту ночь Леночка не пошла въ подшкиперскую. Сидѣли съ Борисомъ на палубѣ до тѣхъ поръ, пока поголубѣли всѣ минареты, а затѣмъ стали розовыми.

— Грекъ хотъ издохнетъ, а выдастъ двухмѣсячный — значить, образуется сверхъ трехсотъ лиръ, на русскія деньги мы — миллионеры... Не хочу даже считать, сколько у насъ теперь миллионовъ...

Борисъ вдругъ снялъ фуражку и почесалъ обѣими руками голову, что у него было всегда признакомъ сильнаго волненія.

— И я не хочу считать, отвѣтила Леночка.

— Рада, старуха?

Старухой онъ называлъ ее въ тѣ моменты, когда отъ радости хотѣлось плакать или цѣловать, но, какъ «морскому волку», ему казалось стыдно показывать свои чувства.

— Ну-съ... Комната, хотъ и не важная — есть... Завтра одѣнемся, обуемся, да и на берегъ...

Съ ранняго утра Зубцовъ былъ пьянъ «въ доску»...

«Молодые» съѣхали — устраиваться.

Днемъ работы шли своимъ чередомъ. Капитанъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Послѣ четырехъ часовъ, когда утихли молотки, вылѣзъ изъ своей подшкиперской проспавшейся Зубцовъ. Глаза у него были налиты кровью, какъ у быка на аренѣ.

Кочегары снова ожидали потѣхи. Сидѣли на «бакѣ» и обмѣнивались впечатлѣніями, слѣдили за только что вернувшимся и снова собиравшимся на берегъ — уже въ послѣдній разъ — Борисомъ.

Леночка не вернулась — осталась на квартирѣ.

Бывшій, большевистскій комиссаръ «помиралъ» съ похмѣлья, онъ ходилъ и униженно просилъ каждого матроса вступить за него на вахту съ шести вечера. И каждый отвѣчалъ:

— Иди ты, знаешь куда?..

Тогда Зубцовъ началъ ходить за Борисомъ. Капитанъ молча поглаживалъ носъ и шагаль взадъ и впередъ по «спардеку». Въ седьмомъ часу Борисъ погрузилъ на шлюпку свой слишкомъ легкій багажъ. Зубцовъ уже сидѣлъ на веслахъ.

Борисъ холодно и вѣжливо попрощался съ помощниками и механиками и спустился въ шлюпку.

До берега было всего шаговъ двадцать.

Обѣ фигуры въ шлюпкѣ ярко выдѣлялись и лица ихъ подъ лучами уже садившагося солнца казались ярко красными.

Ни Зубцовъ, ни Борисъ не разговаривали. Только у самого берега, уже бросивъ весла, бывшій комиссаръ сдѣлалъ какое-то движеніе руками и хрипло произнесъ:

— Ну что-жъ, Борисъ Ивановичъ... Дайте еще пять лиръ, да и разойдемся... .

— Довольно съ васъ будетъ и двухъ съ половиной, отвѣтилъ Борисъ... . Бросилъ на дно шлюпки бумажку, и, захвативъ свой похожій на ранецъ чемоданчикъ, — выпрыгнулъ на мокрая доски пристани.

Не оглядываясь, онъ быстро пошелъ по направленію къ пыльной и еще гремящей ломовыми повозками улицѣ.

ХІІІ.

На фонѣ ярко синяго неба раскинулись рыжіе холмы и зеленоватые лощины. Уступами размѣстились на возвышеніяхъ гнилые, деревянные, но двухъ и трехъ-этажные греческіе домики. . .

Возлѣ пыльных кустарниковъ паслись козы. Длинноногая гречанка сидѣла на травѣ, обнявъ колѣни, и поглядывала на окно одного изъ домиковъ и на лица новыхъ квартирантовъ: Леночки и Бориса.

Тѣсно прижавшись щекой къ щекѣ, они смотрѣли на огромную панораму Константинополя и на весь искрящійся, покрытый пароходами и военными кораблями, лиловый Босфоръ.

По случаю воскресенія, съ восьми часовъ утра и до полуночи, то тамъ, то сямъ играли греческія шарманки, фальшивили, кашляли, и мотивы ихъ были похожи на звуки пересыпающагося мокраго булыжника.

— Сейчасъ мнѣ такъ хорошо съ тобой, сказала Леночка, что не бѣситъ даже эта, съ позволенія сказать, музыка, это отъ бѣдности духовной у нихъ. Знаешь, они ихъ обожаютъ — смотри, вонъ грекъ несетъ шарманку, и вся она украшена бумажными, вылинявшими цвѣтами и золотой бахромой. . .

— Ты у меня иногда бываешь умная, отвѣтилъ Борисъ, обѣими руками почесалъ у себя въ головѣ и добавилъ: вотъ я бы такую шарманку поставилъ въ гостиную нашему пароходовладѣльцу и чтобы она играла съ восьми утра и до ночи, тогда бы онъ навѣрное, не торгуясь, уплатилъ мнѣ все, что слѣдуетъ по договору. . .

— А можетъ быть ему эти звуки и понравились бы...

— Пожалуй... Но, если онъ денегъ не дастъ — тогда мы съ тобой до Франціи не дойдемъ...

— Я ничего не боюсь, отвѣтила Леночка, и сѣрые глаза весело и ласково посмотрѣли на любимаго...

Время побѣждало.

Расчитывали жить такъ, чтобы тратить въ день двѣ лиры, а тратили четыре. Попробовала Лена сама изготовить пельмени, а вышло дороже, да и вмѣсто печки у трехъ сестеръ-гречанокъ была только копилка керосиновая. Въ огромной двухспальной кровати оказалось видимо-невидимо клоповъ, и воевать съ ними было скучно. Старшая сестра хозяйка просто заявила, что клопы отъ Бога...

И пока были деньги, можно было терпѣть и клоповъ, и шарманки, и керосиновую коптилку.

За квартиру заплатили за мѣсяцъ впередъ, да и сбѣжать было некуда. Сутки поголодали, съѣли вдвоемъ четыре яйца, а затѣмъ отправились вмѣстѣ продавать браунингъ.

Въ городѣ встрѣтили скучающаго пассажира, того самаго, который когда-то спросилъ Леночку, какъ она могла связать свою жизнь съ Зубцовымъ?

Этотъ человѣкъ, съ сѣрымъ лицомъ и большой лысиной, вдругъ оживился и крѣпко обрадовался: оказалось, что онъ служить въ какомъ-то комитетѣ и сегодня получилъ жалованье. Пригласилъ пообѣдать вмѣстѣ, и вышло это очень кстати. Послѣ кофе хорошо, искренно разговорились.

— Моя фамилія Якубенко, я хохоль и люблю иногда и спросить и самъ рассказать... Такъ что вы,

Елена Валерьяновна, на меня не обижайтесь, говорилъ онъ и улыбался сѣрыми узкими глазами.

— Нѣтъ, я не въ претензіи. . .

— Такъ вотъ, видите. . . Теперь вы въ черномъ платьѣ съ полосочками, и въ лакированныхъ туфелькахъ и личико у васъ не такое загорѣлое — ибо сидите вы не на палубѣ, а въ собственной квартирѣ. . . Но повѣрьте совѣсти, что въ той обстановкѣ вы казались гораздо интереснѣе, особенно рядомъ съ этимъ. . . — не хочу его и вспоминать. . . Тогда вы были похожи на Гамсуновскую Эдварду, а теперь вы похожи на обыкновенную молоденькую русскую барыньку изъ бѣженекъ.

— Я Гамсуна не читала, виноватымъ голосомъ отвѣтила Леночка.

— А что-жъ вы читали?

— У насъ въ институтѣ трудно было доставать книги.

— А Горькаго вы читали?

— Читала одинъ томъ, гдѣ «Старуха Изергиль», и теперь очень удивляюсь. . .

— Чему же вы удивляетесь?

— Да тому, какъ это онъ могъ очутиться тамъ въ одной компаніи съ такими палачами и красными жандармами, которые душатъ еще злѣе, чѣмъ душили царскіе жандармы въ Шлиссельбургѣ. . . Вѣдь, поэзія и насиліе — это совсѣмъ разное. Какъ же такъ? А? . .

— Дитя вы еще наивное, отвѣтилъ Якубенко и вздохнулъ.

— Почему?

— Да потому.

— Можетъ быть, и другіе писатели тамъ? . .

— Нѣтъ не тамъ... Настоящіе писатели не тамъ...

Онъ перечислилъ рядъ фамилій и опять добавилъ:

— Слава Богу, — не тамъ...

— Такъ почему же Горькій тамъ ? — снова спросила Леночка, вѣдь, не пошлѣ же туда Андреевъ и написалъ свое S. O. S. ... — Это я читала. А вѣдь онъ любилъ народъ не меньше... На самомъ дѣлѣ любилъ...

— А, вотъ, то-жъ и оно... Если вы не то что народъ любите, а собаку любите, такъ вы надъ ней не позволите опыты вивисекціи производить... Знаете, у Куприна есть такой романъ «Поединокъ» изъ военной жизни... Ну такъ тамъ, въ одной изъ главъ генераль производитъ смотръ полку и говоритъ: «Вся рота идетъ не въ ногу, одинъ только поручикъ идетъ въ ногу»... и у Горькаго когда-нибудь проснется совѣсть и онъ убѣжитъ отъ палачей...

Леночка немного подумала, улыбнулась и отвѣтила:

— Поняла...

— Ну такъ то-жъ и оно...

Борисъ и Лена зазвали къ себѣ Якубенко.

Пили чай, глядѣли на крупныя, точно серебряныя пуговицы, звѣзды, на огни Босфора, и Якубенко вслухъ удивлялся, какъ это люди, среди такой красоты, умудряются такъ мучить другъ друга. А Борисъ отвѣтилъ:

— Вы, батенька, «философъ», а мы со старухой этимъ вещамъ не обучены.

Якубенко уѣхалъ съ послѣднимъ дачнымъ пароходомъ и забылъ попрощаться.

XIV.

Ложась въ постель Леночка сладко потянулась и протянула:

— Я сегодня совсѣмъ, совсѣмъ сыта... Если Зубцовъ отдастъ долгъ, тогда мы еще недѣли двѣ проживемъ, а затѣмъ грекъ-пароходовладѣлецъ уплатитъ тебѣ еще триста лиръ, вѣдь, судъ присудитъ, а затѣмъ ты получишь мѣсто... И все будетъ хорошо...

— Мгм... промычалъ Борисъ.

На утро встали искусанные, но веселые.

— А что жъ мы будемъ сегодня ѣсть, спросила Лена.

— Я вчера успѣлъ «загнуться» у Якубенка на цѣлыхъ десять лиръ.

— Это хорошо, ты умница...

И снова, точно курьерскій поѣздъ, пробѣжала еще недѣля и дни ея промелькнули, какъ окна вагоновъ встрѣчнаго поѣзда.

Якубенко пришелъ неожиданно, хмурый, когда не было дома Бориса, и три раза поцѣловалъ руку Леночкѣ.

Она испуганно отдернулась.

Затѣмъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, зацѣплялъ стулья и говорилъ, говорилъ о литературѣ, о большевикахъ, о Фламмаріонѣ, о туркахъ и вдругъ закончилъ:

— Послушайте, Елена Валерьяновна, дайте мнѣ слово, что вы исполните одну мою просьбу, большую просьбу...

Сѣрые глаза вопросительно расширились.

— Какую?

— Все равно...

— Ну хорошо, даю.

— Такъ вотъ... Да... Когда, Борисъ... Ну когда онъ уйдетъ... Тогда вспомните, что я есть на свѣтѣ...

— Куда уйдетъ?

— Ну совсѣмъ уйдетъ...

Сѣрые глаза вдругъ наполнились слезами.

— Какъ вы смѣете мнѣ говорить такія вещи?

Якубенко почувствовалъ, что всей его спинѣ вдругъ стало жарко и подумалъ: «сейчасъ она меня прогонитъ»... И вмѣсто горячихъ словъ, которыя готовы были сорваться съ языка, сумѣлъ выговорить только одно:

— Простите...

И снова подумалъ: «въ печали и оскорбленная и голодная, она еще милѣе, еще наивнѣе и еще значительнѣе... Какъ родина... Почему это?...»

И не успѣлъ самъ себѣ отвѣтить, какъ развалистой походкой въ комнату вошелъ Борисъ и расширивъ ротъ до ушей пропѣлъ:

— Что же это, батенька, вы насъ совсѣмъ забыли?

Якубенко обрадовался, что не нужно будетъ объясняться, и машинально отвѣтилъ:

— Да все дѣла, я вѣдь, служу...

— А у меня, батенька, тоже дѣла. Высудилъ у хозяина триста лиръ, но еще не получилъ — въ среду; а пока что «загнулся» у пріятеля на тридцать лиръ. Еще за мѣсяцъ заплатилъ за квартиру и принесъ кое-чего покушать старухѣ. И еще принесъ книгу Октава Мирбо «Дневникъ горничной»...

Леночка вдругъ успокоилась и только что плакавшіе зрачки свѣтились уже весело и задорно. И Якубенко она простила въ одну секунду.

А онъ посидѣлъ въ этотъ разъ недолго, и все время молчалъ и курилъ.

Послѣ ухода гостя она говорила:

— Нѣтъ, Борька, ты положительно гениаленъ. . . досталъ денегъ. . .

Затѣмъ надѣла собственноручно сшитыя балетныя туфли, на босую ногу, и начала танцевать вальсъ. . .

О Якубенкѣ и объ оскорбленіи уже забыла.

А онъ не могъ забыть. И дома, не легъ спать, а сѣлъ возлѣ крохотнаго, шатающагося столика, вынулъ дневникъ и началъ писать.

. . . «На пароходѣ я съ ней почти не разговаривалъ, и тамъ она меня мучила. Врядъ ли любовь. . . Но что то ужасное, и сладкое, и тяжелое. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что я не въ силахъ ей помочь. Несомнѣнно также, что я не завидую этому мореходу, не ревную, но. . . Эта самая Леночка слѣплена изъ того тѣста, изъ котораго выходили лучшія русскія женщины вродѣ женъ декабристовъ, а выйдетъ изъ нея совсѣмъ другое. И хочется ей помочь выкарабкаться и нѣтъ моихъ силъ, и не будетъ этихъ силъ, ниоткуда. . .

Судьба на щепки порубить, какъ то деревцо, о которомъ поется въ украинской пѣснѣ:

Чі я в лузі калина була
Чі я в лузі не червона росла. . .
Взяли-же мене порубали,
В пучечечки пов'язали. . .

Лучше не видѣть и не знать. . . Не хочу я больше встрѣчать этихъ сѣрыхъ глазъ. . . Не пойду я туда никогда. . . »

Якубенко захлопнулъ тетрадь, быстро раздѣлся и легъ.

А на слѣдующій день снова поѣхалъ къ Леночкѣ. . .

XV.

До среды слѣдующей недѣли жили какъ будто благополучно и съ Якубенко совсѣмъ подружились, только онъ сталъ другой и про литературу мало разговаривалъ. . . Питался онъ, повидимому, хорошо и Бориса съ Леночкой часто угощалъ, а былъ похожъ на голоднаго, такъ у него глаза блестѣли. И все курилъ, курилъ, точно хотѣлъ перебить аппетитъ. . .

Во вторникъ, когда возвращались съ прогулки, онъ былъ особенно молчаливъ, но подъ самымъ домомъ вдругъ спросилъ Леночку:

— Теперь я у васъ свой?

— Ну, *ясно*. . .

— Какъ вы сказали?

— Ясно. . .

— Значить, опять вродѣ *ménage à trois*? . .

— Ничего подобнаго. . .

— Такъ. . .

Якубенко вдругъ догналъ шедшаго впереди Бориса и спросилъ его:

— Значить вы завтра деньги получите навѣрное?

— Я думаю. . . Разъ судъ присудилъ, значить, такъ и будетъ. . .

— А я вѣроятно на время прекращу свои визиты.

— Это почему?

— Да на недѣльку командируютъ меня на бѣженскіе острова. . .

— А. . . Ну что жъ, это ваше дѣло. . .

Борисъ произнесъ эти слова холодно и попрощался холодно, а Леночка какъ будто ласково — посвѣтила глазами.

Когда Якубенко былъ уже далеко, Борисъ сказалъ:

— Знаешь, я даже радъ. Надоѣлъ этотъ дядя, или молчить, или истины изрекаетъ... И знаешь что? Онъ въ тебя по уши влюбленъ... И ты своего брата — буржуя почуяла... Обрадовалась... Лучше бы пельмени сдѣлала.

— Изъ чего?

— Ну, вотъ завтра будутъ деньги, мяса купимъ...

— Чего ты элишься?

— Это ты шипишь, какъ вѣдьма.

— Борька, какъ тебѣ не стыдно...

— А, вотъ, такъ и не стыдно...

Онъ раздѣлся до бѣлья и легъ на стоявшую подъ открытыми окнами тахту. Разстегнулъ воротъ сорочки, поднялъ босые ноги вверхъ и выставилъ ихъ за окно.

— Что ты дѣлаешь, сказала Леночка, вѣдь, люди же смотрятъ...

— А чортъ съ ними, пускай смотрятъ... Я такъ хочу.

Уже ярко свѣтила луна. По улицѣ почти никто не проходилъ. Гдѣ-то далеко завывала шарманка. Леночка тоже раздѣлась и легла на кровать подъ одѣяло. Молчали. Когда затихла и шарманка, стало слышно какъ пищать комары: тоненько, злобно...

Борисъ лежалъ, не двигаясь.

Возвращавшаяся изъ города старуха гречанка остановилась внизу подъ домомъ и подняла голову вверхъ. Шурилась, шурилась, глядя на ноги Бориса, затѣмъ почему-то перекрестилась и заковыляла, вмѣстѣ со своей тѣнью, дальше.

Борисъ прислушался. Показалось, что Леночка уже спить. Онъ какъ можно тише всталъ и легъ рядомъ. Двѣ горячія руки обвились возлѣ его плечей и ласковый голосъ спросилъ:

— Ты сердишься? Ревнуешь?

— Къ кому, къ этому облѣзтому философу?.. Вообще, мнѣ это чувство незнакомо.

— Такъ чего же злишься?

— Такъ все надоѣло... Прійми руки — жарко...

— Я надоѣла?

— А, что-жъ, прикажешь тебѣ день и ночь комплименты говорить?

Леночка отвернулась къ стѣнѣ и тихонько заплакала.

— Этого еще не доставало... почти крикнулъ Борисъ, захватилъ свою простыню и топая босыми ногами, по скрипучему деревянному полу, перебрался спать на тахту, подъ открытыя окна.

Онъ открылъ глаза въ восьмомъ часу, когда уже снова было жарко. Боясь разбудить тихо дышавшую Леночку, наскоро одѣлся и вышелъ на улицу. Хотѣлось избѣгнуть всякихъ разговоровъ и жалко было совсѣмъ молоденькую любящую его женщину, которую онъ вчера обидѣлъ. А главное, хотѣлось поскорѣе получить эти триста лиръ, которыя для богатаго грека значили меньше, чѣмъ для него тридцать піастровъ, хотѣлось поскорѣе купить чего-нибудь вкуснаго: хорошей ветчины, хорошихъ конфетъ, поскорѣе вернуться и утѣшить...

Лена проснулась въ хорошемъ расположеніи духа, увидѣла, что Бориса нѣтъ, и поняла, что онъ ушелъ за деньгами.

Въ эту ночь ей приснился пріятный сонъ: будто возлѣ нея сидитъ институтская подруга Тася и тихо гладитъ ее по головѣ, та самая Тася, которая писала ей въ альбомъ:

Въ мѣсяцы, дни безпросвѣтные
Звѣздочкой ты мнѣ свѣтилася...

Леночка умылась и, вытираясь полотенцемъ, думала: «Это хорошій сонъ... Это мнѣ теперь Тася засвѣтитъ звѣздочкой... Это значитъ — меня судьба приласкаетъ, какъ ласкала во снѣ Тася... Прійдетъ Борисъ съ деньгами, захочетъ загладить вчерашнее... Скоро прійдетъ»...

Захотѣлось ѣсть и пить. Леночка поставила на коп-тилку кастрюльку съ водой и осмотрѣлась: оставалось одно сырое яйцо, ложки три сахарнаго песку и огрызокъ хлѣба.

Рѣшила: «сдѣлаю-ка себѣ гоголь-моголь и сытнѣе и вкуснѣе, чѣмъ чай, да, кстати, его и нѣтъ... А къ часу дня и Бобка вернется»...

Стала мѣшать ложечкой въ стаканѣ и пѣсенку запѣла. И мысленно себя утѣшала: другія тамъ, въ Крыму, мучаются, большевиковъ ждутъ, а я въ собственной квартирѣ гоголь-моголь буду ѣсть и мужа съ деньгами поджидать... Глупая и чего вчера плакала, только рассердила его бѣднаго... И сама себя выбрала: «проклятая!»...

XVI.

Борисъ вернулся только въ седьмомъ часу вечеромъ, весь потный, съ перекошеннымъ лицомъ и молча сѣлъ на тахту.

Лена посмотрѣла на него и, какъ можно проще и спокойнѣе, спросила:

— Ну какъ же съ деньгами? Получилъ?

Онъ попробовалъ улыбнуться, но улыбки не вышло и въ отвѣтъ только свистнулъ.

— Укралъ? спросила Леночка.

— Нѣтъ... Подаль грекъ на апелляцію... Говорять, мѣсяца черезъ два рѣшеніе будетъ...

— А какъ же мы будемъ жить?

— А, вотъ, прійдетъ пароходъ, гдѣ знакомый капитанъ, въ матросы запишусь...

— А я...

— Ну, и ты... Бросимъ это... Ты что-нибудь ѣла?

— Яйцо, хлѣбъ, сахаръ... Чай пила... отвѣтила она, медленно перечисляя слова, чтобы казалось побольше и спросила: А ты?

— Я кружку пива выпилъ...

Такъ и легли спать, — молча; боясь разговаривать.

На слѣдующее утро онъ убѣжалъ еще раньше, а вернулся еще позже, чуть выпившій, но принесъ три лиры, десятокъ яицъ и хлѣба.

— Гдѣ досталъ?

— Досталъ, не бойся, не пропадемъ... Ну, вари яйца да ѣшь, а то уже очень отошала ты...

— Нѣтъ ничего... Только, вотъ, вода не закипаетъ...

Борисъ махнулъ рукой.

— Да... Еще встрѣча... Благовѣрнаго твоего видѣлъ...

— Ну что-жъ, напомнилъ ему о долгѣ?

— Напомнилъ...

— А онъ что?

— Говорить, что я еще ему долженъ... Что мало онъ съ меня взялъ, дескать продешевилъ... Поняла? Леночка поблѣднѣла, но вслухъ произнесла:

— Я не поняла...

— Ну, и слава Богу, если ты такая дура...

Никакой командировки у Якубенко не было. Онъ одиночествовалъ. Въ свободное время уѣзжалъ по-дальше, на берегъ моря, до изнеможенія купался, а затѣмъ лежалъ на горячемъ пескѣ, думалъ и завидовалъ Борису...

«Теперь молодые вѣроятно закутили и счастливы... какъ счастливо всякое животное. Ну и пусть ихъ...»

Возвращался на квартиру онъ только вечеромъ, ложился и долго ворочался, — болѣла обожженная солнцемъ кожа на спинѣ и груди.

Окно было въ уровень съ поломъ и видно было, какъ сіяетъ городъ.

Приближался Байрамъ. Каждый минаретъ былъ иллюминированъ и слышались ясно послѣ полуночи поющіе призывы и молитвы муэдзиновъ.

Часто приходило въ голову:

«Вотъ онъ, необъятный городъ, существуетъ съ давнихъ временъ. Но видѣлъ-ли онъ хоть когда-нибудь человѣческое счастье?.. Богомъ проклятый... А еще сколько горя увидить... И сейчасъ вѣроятно счастливы здѣсь только этотъ мореходъ со своей институткой»...

Не видѣть ея первые пять дней было тяжело, а затѣмъ легче, и пріятной казалась побѣда надъ самимъ собой. И дневника онъ больше не писалъ, и радовало то, что не ковырялъ въ своей собственной душѣ.

А черезъ десять дней весь организмъ заболѣлъ точно огромный зубъ. И что то шептало, что нужно пойти къ «молодымъ».

Звало, толкало...

Якубенко побрился, сѣлъ въ трамвай и поѣхалъ.

Леночку онъ засталъ одну лежащей на кровати въ своемъ розовомъ, пароходномъ капотѣ и въ балетныхъ туфляхъ на босую ногу. Глаза ея провалились, кожа на щекахъ стала дряблой. Особенно похудѣли руки и пальцы казались желтыми, а ноги синими...

Она чуть приподнялась.

— Аа... Давно вернулись?

— Я никуда и не уѣзжалъ.

— Какъ такъ?

— А такъ...

— Почему?

— Не хочется рассказывать. А вы были больны...
Что съ Вами?

— Ничего. Нѣтъ... Здорова... Только пятый день не ѣла горячаго...

— А деньги?

— Не получили... Не хочу объ этомъ...

— Хорошо, хорошо я не буду. Только скажите, гдѣ Борисъ?

— Пошелъ зимнюю тужурку продавать, довольно объ этомъ. Ради Бога...

Долго, очень долго не разговаривали и казалось, что обоимъ стало легче.

Въ комнатѣ безпорядокъ. Валялся развернутый на четырнадцатой страницѣ «Дневникъ горничной» и рядомъ яичная скорлупа и бѣлье.

Лена не подурнѣла и много мыслей было въ глазахъ, еще болѣе выразительныхъ. Золотились волосы подъ яркимъ солнцемъ.

Первая сказала Лена:

— Вы простите, что не встаю... Да, нехорошо жилось. Расскажите что-нибудь...

— А мнѣ хочется спросить...

— Ну спрашивайте, только не о деньгахъ...

— Скажите, если бы большевики не раззорили вашего города, вы бы были здѣсь?

— Конечно, нѣтъ... Но, что говорить обо мнѣ. Такихъ, какъ я, сотни тысячъ... Вы лучше расскажите что-нибудь о литературѣ, у васъ хорошо выходитъ.

— Да. Это такая вещь, которой врата адовы одолѣть не могутъ, и всѣ вмѣстѣ Троцкіе не заплюютъ ни Достоевскаго, ни Тургенева.

— Вотъ, Тургенева я читала... Помните, какъ онъ просилъ беречь русскій языкъ.

— Помню. А вы помните, какъ умиралъ Базаровъ?

— Что-то не очень...

— Такъ я вамъ подскажу... Помните, когда онъ былъ еще въ сознаніи, къ нему пришла такая Одинцова, онъ ее любилъ... И Базаровъ произнесъ фразу: «что-же вамъ сказать? Что я васъ любилъ... Такъ это и прежде не имѣло смысла, а теперь и подавно»...

Леночка приподнялась на локтѣ и выговорила:

— А теперь вы произносите эти слова?

— А теперь я...

Якубенко посмотрѣлъ ей въ глаза и, чтобы скрыть свои слезы, сейчасъ же опустилъ голову, и, взявъ ее

холодную, желтенькую, съ синими жилками руку, при-
никъ къ ней сначала губами, а затѣмъ лбомъ. . .

И было ему въ эти секунды легко.

XVII.

Затопали на лѣстницѣ ноги.

Вбѣжалъ Борисъ, онъ тоже похудѣлъ, но казался бодрѣе.

— А гость дорогой! А мы уже и надежду потеряли. Ну какъ ѣздило? . .

— Да, ничего себѣ, отвѣтилъ Якубенко и подумалъ: «если Леночка не скажетъ, что я никуда не ѣздилъ, значить, она все понимаетъ, что у меня творится въ душѣ».

Она промолчала.

Якубенко самъ предложилъ Борису немного денегъ, тотъ взялъ и сейчасъ же побѣжалъ за ѣдой.

Опять остались вдвоемъ и не знали, о чемъ говорить. Потомъ она сказала:

— Когда поправлюсь, надѣюсь найти урокъ. . .

И по голосу ея было ясно, ясно слышно, что Леночка уже не надѣется ни на Бога, ни на людей.

А Борисъ, вернувшись, жевалъ хлѣбъ съ какимъ-то мясомъ и говорилъ безъ конца о томъ, что можетъ апелляціонный судъ и раньше рѣшить его дѣло и тогда сейчасъ же они уѣдутъ во Францію, онъ на одномъ пароходѣ, какъ служащій, а Лену запишутъ на другой въ качествѣ горничной. . .

Но не было увѣренности и въ его словахъ.

Когда Якубенко прощался — очень просилъ заходить. . .

Онъ нарочно не поѣхалъ въ трамваѣ, а пошелъ пѣшкомъ. Думалъ: — «пройдя восемь километровъ я такъ утомлюсь физически, что сейчасъ же засну и не будетъ лѣзть въ голову желаніе сдѣлать возможнымъ невозможное... Будь у меня деньги, я бы отдалъ ихъ этой женщинѣ, чтобы она ѣхала въ Европу, но на сто лиръ въ мѣсяцъ я самъ едва живу... Куда бы отъ нея убѣжать? И скорѣе, иначе — надѣлаю глупостей. Меня она полюбить не можетъ, это ясно, а что влюбленный мореходъ уже тяготится ею — это тоже ясно... Ясно»...

Якубенко вдругъ кинулся въ сторону, мимо шоссе летѣлъ автомобиль, прохрипѣлъ, сверкнулъ огненными глазами и свернулъ куда-то въ темноту.

А мысли о Леночкѣ все лѣзли...

«Вѣдь у нея никого нѣтъ, кромѣ этого морехода, совсѣмъ никого... Если она попала къ Зубцову, — значитъ уже некуда было дѣваться. Точно породистая ошадка, на тоненькихъ стройныхъ ногахъ... А болезнью запрегъ ее въ водовозку, тяжелую, неуклюжую, безрессорную...

Тянула, тянула и упала. Теперь одна дорога — на живодерню...

Будь она развратна — съ этими глазами говорящими, съ этими бровями и ея фигурой — не пришлось бы думать о кускѣ хлѣба и здѣсь... Но она чиста, какъ Мопассановская Иветта... Вездѣ и всегда будетъ чиста. И лгать не умѣетъ...»

И, пройдя восемь километровъ, Якубенко не могъ заснуть, а до самаго разсвѣта сидѣлъ у окна. Со стороны Босфора уже тянуло предразсвѣтнымъ холодкомъ, а все казалось душно, и прежде, чѣмъ лечь въ постель,

онъ облилъ голову холодной водой.

Твердо рѣшилъ просить командировку на Лемнось, да тамъ и остаться.

На другой же день началъ хлопотать и не получилъ категорическаго отказа.

Сразу повеселѣлъ.

XVIII.

Къ Леночкѣ пошелъ черезъ два дня и снова засталъ ее одну, — сидѣла и зашивала туфли.

И опять старый, много видѣвшій женщину, Якубенко растерялся, какъ мальчикъ, и не зналъ, о чемъ говорить. Рѣшилъ быть искреннимъ, хотѣлъ сказать, что ни Зубцовъ, ни Борисъ ее вовѣки не поймутъ, и при первой же возможности слѣдуетъ подумать о новой самостоятельной жизни, пока есть еще остатки здоровья...

Но Леночка перекусила нитку, воткнула иголку въ подушку и заговорила первая:

— Мнѣ кажется, вы меня идеализируете, а я — самая обыкновенная проклятушая бездѣльница. Я училась блестяще, института съ меня было мало. Я бы пошла на курсы... Я не умѣю, вотъ, дѣлать пельменей и не умѣю шить... Смотрю на Бориса и жаль его... Я отравила ему жизнь. Безъ меня онъ былъ бы уже въ Америкѣ... Ничего я не умѣю, только плакать умѣю... Да. А вы вообразили, что, молъ, погибаетъ какая-то цѣнность, душа необыкновенная, а она самая обыкновенная и всегда голодная, жадная... Конечно, въ Россіи я бы могла учиться, но я не могу видѣть ни крови, ни насилія. Знаете, у меня былъ братъ, очень

способный, единственный близкій человекъ, и большевики. . . Но я объ этомъ не могу говорить. . . Вы меня извините. . .

Она встала, выпила воды, снова сѣла, насильно улыбнулась, и уже другимъ голосомъ произнесла:

— Лучше вы что-нибудь расскажите. . .

А Якубенко только развелъ руками и подумалъ: «что же я тебѣ еще могу сказать? Ты и сама все знаешь и знаешь, «что спасенія нѣтъ и не будетъ, какъ для Маргариты въ Фаустѣ». . .

И добавилъ вслухъ:

— Я на этой недѣлѣ уѣзжаю, теперь навѣрное уѣзжаю. . . И радуюсь, что не буду видѣть васъ. . .

Леночка ничего не отвѣтила, потомъ спросила:

— Больше ничего?

— Больше ничего. . . отвѣтилъ Якубенко и вдругъ вѣствовалъ, что лучше ему уйти, что говорить здѣ — жестоко, а лгать, глядя въ эти полудѣтскіе ча, лгать женщинѣ, которая считаетъ себя загубивъ жизнь молодого и здороваго человека, которая называетъ себя проклятой за то, что ей хотѣлось бы учиться и читать хорошія книги, а она не умѣетъ дѣлать пельменей, — невозможно. . .

Стараясь перехитрить самого себя, онъ спокойно поглядѣлъ на часы и, въ тотъ моментъ, когда ему хотѣлось крикнуть «золотко не мое, родная, любимая. . .», вѣжливо и холодно проговорилъ:

— Къ сожалѣнію, я сегодня въ три часа долженъ быть въ городѣ. . . Пока до свиданія. . .

И руку поцѣловалъ ей спокойно и холодно.

Поѣхалъ на небольшомъ дачномъ пароходикѣ и все время ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ.

Съ пристани хотѣлъ пойти кратчайшей дорогой и попалъ на одну изъ тѣхъ улицъ, которая есть только въ Константинополѣ.

Полуголая накрашенная женщины сидѣли возлѣ грязныхъ притоновъ и зазывали:

— Русскій, русскій ѣди сюда... Русски баришня много есть.

Въ трехъ концахъ разомъ играли три разукрашенныхъ шарманки... Два черныхъ человѣка вели несчастнаго, съ запѣнившейся мордой медвѣдя. Дѣти мирно играли въ камешки тутъ же на улицѣ. Продавецъ предлагалъ рыжей, похожей на корову, содержательницѣ кружева. И всѣ эти уже не люди мирно разговаривали и дѣлали свои дѣла.

Отчаянно билъ въ барабанъ поводарь медвѣдя, ревѣлъ перегруженный ишакъ. Продавецъ арбузовъ, сидя на корточкахъ, подсчитывалъ піастры.

И шириною улица казалась не больше четырехъ аршинъ. Было около 30° R жары.

Якубенко остановился, чтобы достать папиросу... Худенькое накрашенное лицо закричало ему въ самое ухо:

— Русскій, русскій, иди сюда...

Невольно поднявъ голову, онъ увидѣлъ, что глаза этой женщины удивительно похожи на глаза Леночки.

Это показалось очень страшно и сейчасъ же мелькнула мысль: «если эта попала сюда, то и она можетъ попасть...»

Не закуривъ папиросы Якубенко ускорилъ шагъ. И потомъ цѣлый день не могъ успокоиться, все бродилъ.

Пообѣдалъ только вечеромъ.

И не было усталости, точно подъ кокаиномъ. Якубенко зажегъ свѣчку, открылъ тетрадь дневника и долго писалъ. Закончилъ такъ:

«Леночка — это одна стомилліонная часть моей родины. . . Если до слезъ жаль ее безпомощную и никому ненужную, то какими же слезами нужно плакать о тѣхъ милліонахъ людей, которые хотѣли работать подъ диктовку своей совѣсти, а не вашей безсовѣстности, а вы ихъ заставили унижаться и попрошайничать на чужбинѣ.

Вы, вы. . . Это вы отняли у своихъ же дѣтей возможность учиться и учить. . . Это вы ослѣпили тѣхъ лошадей, которые васъ же везли на высокую гору и бросили ихъ, еще живыхъ, умирать на дорогѣ. . . Это вы обратили своихъ дочерей и сестеръ въ проститутокъ и заселили ими еще новые кварталы публичнаго города. . . Это вы подрубили корни того дерева, которое давало вамъ свои лучшіе плоды. . .

И, когда я услышу, что ушла изъ вашего міра еще одна чистая душа, я не пожалѣю о ней, потому что жизнь, на которую вы толкаете — страшнѣе смерти». . .

Paris 1920

Неизвѣстная.

I.

Князю Датико было двадцать четыре года, но потому что его каріе глаза смотрѣли всегда серьезно, — онъ казался гораздо старше. Пріятели считали его гордымъ и замкнутымъ. Впрочемъ, это не мѣшало Датико такъ иногда танцовать лезгинку, что возгласы одобренія заглушали сазандари *) Онъ самъ создавалъ новыя фигуры. Нѣкоторые замѣтили, что Датико выходилъ на кругъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда его партнершей могла быть гимназистка седьмого класса Нино, тоненькая, какъ стрекоза, застѣнчивая дѣвушка, дочь небогатыхъ родителей.

Она говорила больше глазами.

Князь Датико никогда не былъ франтомъ, но на его черкескѣ, вокругъ таліи, не виднѣлось ни одной складочки, и кожа ногавицъ**) казалась натянутой, какъ поверхности диплиппито***).

*) Кавказскій оркестръ.

**), Сапогъ.

***)) Два соединенныхъ маленькихъ барабана.

Датико терпѣть не могъ студенческой формы и поступилъ въ политехникумъ только, чтобъ не огорчать родителей. Не любилъ онъ и городской жизни и пріѣзжалъ въ Тифлисъ на одинъ, два дня, а все остальное время проводилъ въ крохотномъ имѣніицѣ отца. Здѣсь возился въ саду, подрѣзывалъ виноградныя лозы, а подъ вечеръ нравилось ему проѣхаться верхомъ на карабахскомъ иноходцѣ по далекимъ извилистымъ тропинкамъ.

Руки у Датико были волосатая, всегда загорѣлая и пахло отъ нихъ землей, кожей и лошадинымъ потомъ. Съ гостями онъ бывалъ очень внимателенъ, но послѣ ихъ отѣзда — радостно вздыхалъ.

Въ сентябрѣ 1914 года, когда студентовъ еще никто и не думалъ мобилизовать, Датико, однажды за обѣдомъ, сказалъ отцу и матери:

— Ёду въ Петербургъ, въ Николаевское кавалерійское училище, на ускоренный курсъ.

Дрогнула материнская рука и выронила стаканъ, и въ воздухѣ точно молчаливый ужасъ пробѣжалъ. Не могли остановить Датико и увѣщанія отца, который доказывалъ, что пока нѣтъ никакой надобности въ этой жертвѣ, особенно для единственнаго сына.

— Это, мой любимый отецъ, совсѣмъ не жертва, а я иначе не могу.

Экстренно переѣхали въ Тифлисъ и цѣлую недѣлю снаряжали и провожали Датико. На послѣднемъ прощальномъ обѣдѣ онъ много выпилъ, но совсѣмъ не опьянѣлъ и такъ танцевалъ «наурскую» съ Нино, что нѣкоторые изъ зрителей забыли продолжать дѣлать «таши-таши»*), да такъ и застыли съ растопыренными руками.

*) Хлопать въ тактъ ладонями.

На вокзалѣ тоже пили и говорили напутственные слова и все было очень хорошо. Только послѣ второго звонка, глаза Нино вдругъ потускнѣли, она сдѣлала нѣсколько движеній губами, точно вынутая изъ воды рыбка, и повалилась на руки своей матери.

Ихъ обѣихъ увели мужчины.

Уже стоявшій въ вагонѣ Датико тоже поблѣднѣлъ, но не позволилъ себѣ сдѣлать ни одного движенія, и какъ ни тяжело было, но вся душа его обрадовалась, услышавъ третій звонокъ.

II.

Мамаша Нино очень испугалась и, когда дѣвушку привезли домой, сейчасъ же послала за докторомъ; тотъ ничего не нашелъ, кромѣ легкаго малокровія и повышенной нервности. Нино изъ всѣхъ силъ старалась казаться веселой и здоровой и какъ можно больше учиться.

Но каждая ея улыбка омрачалась болѣзненной складкой возлѣ уголковъ рта. Невесело подымались и прикрывались ея чуть изогнутыя рѣсницы и морщился хорошенькій носикъ съ чуть замѣтными веснушками. А по алгебрѣ никакъ не давались уравненія со многими неизвѣстными.

Нино никогда не хотѣла ѣсть и спала тревожно.

Къ Рождеству она какъ будто успокоилась, а на праздникахъ была даже на гимназическомъ балу, только не танцевала, — сказала, что запретилъ докторъ. Въ этотъ вечеръ ей удалось узнать, что выпускъ молодыхъ офицеровъ-кавалеристовъ будетъ къ Пасхѣ и всѣмъ произведеннымъ дадутъ шестинедѣльный отпускъ.

И сразу стало много легче жить и учиться.

Писать писемъ въ Петербургъ Нино или не хотѣла, или не умѣла. По цѣлымъ днямъ и вечерамъ она сидѣла за учебниками. Мать упрашивала не переутомлять себя и даже намекала, что ничего не будетъ имѣть противъ, если дочь останется на второй годъ. А она отвѣчала:

— Пойми, что я должна въ этомъ году кончить. Я общала...

— Кому общала?

— Самой себѣ общала...

Въ концѣ марта, когда Кура уже шумѣла и ревѣла и, какъ сумасшедшая, — спѣшила поскорѣе слиться съ моремъ, когда миндальныя деревья стали похожи на одѣтыхъ въ розовыя платья барышенъ, — здоровье Нино снова сдѣлалось хуже.

Въ субботу, подъ праздникъ Входа Господня въ Иерусалимъ, она долго рѣшала задачи; къ тремъ часамъ ночи такъ истомилась, что легла на кровать не раздѣваясь, сейчасъ же заснула и увидѣла очень странный сонъ.

Передъ глазами была большая рѣка съ гранитными берегами. Зеленовато-блѣдное небо покрывало огромный городъ и нельзя было разобрать, утро это или ночь? Справа, за рѣкой, выступала сѣрая грязная стѣна, изъ за стѣны виднѣлся церковный куполь съ тонкимъ, какъ иголка, золотисто-розовымъ шпилемъ. Черезъ мостъ шли и ѣхали на извозникахъ люди, но ихъ было немного, и всѣ парами. Вдругъ на колокольнѣ ударилъ четыре раза колоколъ, а затѣмъ проиграла музыка особенная и печальная, какъ похоронный маршъ.

И въ этотъ моментъ Нино совершенно ясно увидѣла идущаго по мосту Датико; онъ былъ въ очень длинной

шинели и въ поясѣ, похожемъ на орденскую ленту, а рядомъ, подъ руку съ Датико, шла дама или дѣвушка въ траурѣ и подъ такимъ густымъ вуалемъ, что невозможно было разсмотрѣть ея лица.

Нино кинулась впередъ, къ нимъ, и открыла глаза.

Проснулась вся въ поту.

Подушка валялась на полу. Платье и прическа смялись. Нино подошла къ зеркалу и дрожащими руками начала оправляться.

Въ комнату заглянула мать и съ удивленіемъ спросила:

— Ты уже встала? Что съ тобой? Ты плачешь?

— Нѣтъ, я такъ. Видѣла сонъ — и въ первый разъ въ жизни солгала и рассказала совсѣмъ не то, а про какую-то змѣю.

— Это — пустяки, это — ничего не значить... Выпей чаю и пойди лучше въ церковь.

Она поцѣловала дочь въ голову и сама начала ее причесывать. Нино вытерла все лицо одеколономъ, пополировала немножко ногти, надѣла шляпу и пошла въ Сіонскій соборъ. Здѣсь, на колѣняхъ, молилась передъ иконой Божіей Матери, какъ никогда раньше не молилась.

За него молилась.

III.

На Свѣтлый праздникъ хотѣла пойти къ заутренѣ и мама, да проболѣла, и Нино пошла съ своей русской подругой Лелей, которую крѣпко любила за то, что Леля никогда и ни о чемъ ее не спрашивала.

Молитвеннаго настроенія почему - то совсѣмъ-совсѣмъ не было. Сначала просто гуляли по улицамъ, а затѣмъ отправились въ русскую Іоанно-Богословскую церковь, что стоитъ надъ самой Курой.

Народу было множество, и въ оградѣ голоса толпы шумѣли, какъ могучая вода внизу. Свѣтлыя точки сіяли далеко на той сторонѣ, и за городомъ, и на всемъ небѣ. И въ рукахъ люди держали свѣчи, и надъ могилами колебались огоньки.

Мальчишки хулиганили и толкались. Ночь была безвѣтренной, совсѣмъ лѣтняя, ласково удивленная.

Возлѣ притвора Нино сказала:

— Знаешь что, Леля, ты иди въ церковь одна, а я боюсь, — задушатъ. Я буду гулять между памятниками, хочется побыть совсѣмъ, совсѣмъ одной...

— Ну ладно. Я тебя найду.

Нино выбрала скамеечку возлѣ обрыва, около чьей-то запущенной могилы, заглядѣлась на свѣтящуюся, какъ будто трепещущую широту. Задумалась. И хорошо было такъ, не двигаясь, только со своими мыслями.

Нѣсколько разъ, какъ-то болѣзненно, поразилъ слухъ легкій звонъ, похожій на звонъ шпоръ, гдѣ-то совсѣмъ, совсѣмъ близко, въ темнотѣ. Сама собой повернулась голова и Нино увидѣла настоящаго живого Датико въ офицерской формѣ. Чуть не вскрикнула. Онъ заговорилъ первый:

— Я въ церкви увидѣлъ Лелю, она сказала, что ты здѣсь... Я сказалъ, что пойду и найду. Пошелъ и нашелъ... Правда?

— Господи, какъ я испугалась...

Долго не могли говорить. Датико сѣлъ рядомъ.

— Когда прїѣхалъ? — спросила Нино.

— Сегодня прїѣхалъ. Сейчасъ прїѣхалъ. Пошелъ искать... Ну, что-жъ, похристосуемся. Никого нѣтъ. Леля не придетъ. Она понимаетъ...

IV.

На третій день праздника, отецъ Датико, — старый князь сидѣлъ въ столовой своей городской квартиры и, прихлебывая крупными глотками цинодали*), говорилъ женѣ:

— Нашъ Датико совсѣмъ съ ума сошелъ: никто его не просилъ сдѣлаться офицеромъ. Теперь жениться задумалъ. Понимаешь — сейчасъ, черезъ недѣлю, — а черезъ двѣ на войну уѣдетъ. Кому это нужно?..

— Что-жъ, такая должно быть Божья воля, — произнесла княгиня, высморкалась и вытерла платкомъ глаза.

— Божья воля здѣсь не при чемъ, а распустили мы съ тобой мальчишку. Развѣ Нино ему пара?

Старикъ сердито тряхнулъ головой, взялъ съ тарелки редиску, откусилъ и бросилъ зеленый хвостикъ прямо на полъ. Какъ ни толковали, какъ ни спорили, а пришлось сына вѣнчать. Шаферомъ, со стороны невесты, былъ юнкеръ Васо Даделіани, кажется, единственный человѣкъ, который находилъ эту свадьбу и своевременной, и веселой. И танцевалъ онъ до упаду.

Датико вышелъ въ запасной эскадронъ одного изъ гвардейскихъ полковъ и скоро снова пришлось провожать его въ Петербургъ. Нино не плакала и въ обмо-

*) Вино.

рокъ не упала, только передъ отъѣздомъ на вокзалъ умоляла:

— Хлопчи о переводѣ на Кавказъ. . .

Еще раньше умоляла взять ее съ собой въ Петербургъ. Но молодой мужъ отчетливо отвѣтилъ:

— Это невозможно: — во-первыхъ, твоему здоровью вреденъ петербургскій климатъ, а затѣмъ, меня каждый день могутъ взять въ маршевый эскадронъ. Гдѣ ты тогда будешь?

Его слова были логичны и произносилъ онъ каждое изъ нихъ ласково, тѣмъ не менѣе Нино казалось, что Датико не договариваетъ того, что ему кажется пустяками, а на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не пустяки. И пользуясь моментомъ, пока они были одни, Нино цѣловала ему руки и снова просила:

— Ради Бога, хлопчи о переводѣ на Кавказъ. Ради Бога! Я сама не знаю почему, но боюсь Петербурга больше, чѣмъ войны. . .

— Почему?

— Право, сама не знаю, — сонъ такой видѣла.

— Какой сонъ?

И какъ и матери когда-то, Нино не сказала правды и мужу, а выдумала что-то неправдоподобное про какую-то змѣю.

Датико обнялъ жену въ послѣдній разъ и горячо сказалъ:

— Увидишь, что все будетъ прекрасно, я знаю, что я дѣлаю, и черезъ три мѣсяца мы будемъ снова вмѣстѣ.

Затѣмъ нужно было ѣхать на вокзалъ.

Лѣто Нино провела въ деревнѣ у свекрови. Сначала долго не соглашалась и боялась стариковъ. Часто ѣздила къ матери и ее съ собой привозила. Старая княгиня относилась очень ласково, а князь больше молчалъ и этимъ молчаніемъ и особенно выраженіемъ глазъ напоминалъ сына.

За полтора мѣсяца, не жившая никогда прежде среди горъ и деревьевъ, Нино очень поправилась и похорошѣла. Стала улыбаться, и по хозяйству много хлопотала и цвѣтами занималась.

Датико писалъ не очень часто и больше открытками, но каждая изъ нихъ приносила огромную радость всѣмъ. И только разъ тяжело стукнуло сердце Нино, потому что на золотомъ фонѣ черной краской была нарисована колокольня съ такимъ самымъ шпилемъ, какой пригрезился тогда во снѣ.

Что-то зловѣщее говорила картинка.

Но ничего худого не случилось. Датико пріѣхалъ гораздо раньше, чѣмъ обѣщалъ, и надолго, въ командировку съ какой-то комиссіей по ремонту лошадей. И былъ онъ неузнаваемый, разговорчивый, даже шутилъ:

— Слушай, отецъ, ты навѣрное подмѣнилъ мою жену. Была больная, худая, а теперь расцвѣла, какъ махровая роза.

Правда, Датико часто отлучался въ Тифлисъ, по дѣламъ службы, но не надолго, а иногда ѣздила съ нимъ и жена.

Никакой войны какъ будто и не было.

И такъ пролѣтѣло цѣлыхъ три мѣсяца.

Въ началѣ ноября Дати́ко и всю комиссію снова вызвали въ Петербургъ. Ни́но ужъ не смѣла ни о чемъ просить, а только ходила за мужемъ, держала его за рукавъ и заглядывала въ глаза. А онъ, чувствуя въ темно-синихъ зрачкахъ вопросъ, боялся съ ними встрѣчаться и отвѣчалъ:

— Ничего не бойся. Скоро переведусь на Кавказъ и поселимся самостоятельно.

Но вернулся только къ марту, а еще черезъ двѣ недѣли, и, какъ будто совсѣмъ неожиданно, получилъ назначеніе въ «дикую дивизію» и не на Кавказъ, а на западный фронтъ. Заволновался старый князь и все спрашивалъ, какъ это могло произойти? А Дати́ко отвѣчалъ однимъ словомъ:

— Прикажь... Самъ знаешь...

Прощаться приходилось уже не въ первый разъ — и все обошлось безъ лишнихъ слезъ.

— Увѣряю васъ, черезъ три мѣсяца снова буду съ вами: такъ чувствую, — говорилъ Дати́ко.

Такъ и вышло, только вернулся онъ уже съ золотымъ оружіемъ и былъ уже поручикомъ, представленнымъ въ штабъ-ротмистры. И везло ему до самаго 1917 года, всего одинъ разъ былъ раненъ: да и то въ плечо осколкомъ шрапнели. Когда пріѣзжалъ, шутилъ, дѣлалъ видъ, что недоволенъ женой: почему нѣтъ наслѣдника?

А она краснѣла, какъ дѣвочка, и зажимала ему розовой ладошкой ротъ.

VI.

Послѣ начала революціи Дати́ко почему-то снова долго былъ въ Петербургѣ. Въ сентябрѣ увидѣлъ и по-

нялъ, что лучше поспѣшить на Кавказъ. Иногда ему казалось, что онъ сошелъ съ ума. О женѣ не беспокоился.

Восемь сутокъ ѣхалъ до Ростова, переодѣтый въ штатское платье, и трое сутокъ до Владикавказа.

Здѣсь жизнь была еще похожа на человѣческую, а не на волчью. Какъ будто спокойно, но говорили, что очень трудно перевалить черезъ хребетъ: не на чемъ, и небезопасно. На счастье встрѣтилъ Васо Даделіани, теперь тоже ротмистра, — но съ одной ногой. Крѣпко обрадовались и рѣшили продолжать путь вмѣстѣ. Остановились въ одной гостиницѣ.

Вечеромъ Датико сказалъ другу:

— Знаешь, я три дня не обѣдалъ, честное слово. Пойдемъ въ духанъ...

— Не хочется, нога болитъ, да, вѣроятно, и всѣ рестораны уже закрыты.

Датико вышелъ одинъ на залитую голубоватымъ свѣтомъ луны улицу. И особенно красивой показалась ему въ эту ночь природа: во много разъ лучше людей. Каждая звѣзда — какъ сестра, а луна — какъ мать. И только сегодня Датико понималъ, какая красавица его родина. Захотѣлось молиться: просить Бога, чтобы пощадилъ онъ разумъ здѣшнихъ людей и не допустилъ никогда насилія брата надъ братомъ.

Взглянулъ на тихо плывшій, среди тучекъ, матовый золотой шаръ, на блѣдныя на немъ очертанія и вспомнилъ легенду о Каинѣ и Авелѣ.

Изъ-за угла неожиданно появилась качающаяся фигура и пахло позавчерашней кишмишевкой.

— Ты кто такой? — прохрипѣлъ пьяный ротъ.

— А ты кто такой? спросилъ какъ можно спокойнѣе Датико, опустилъ руку въ карманъ за револьверомъ и похолодѣлъ отъ ужаса: браунингъ остался въ номерѣ гостиницы подъ подушкой.

— Я тебя спрашиваю, ты кто? — снова гаркнулъ скверно пахнувшій ротъ.

— Князь... машинально произнесъ Датико.

— А! Такъ ты — князь!

И, прежде чѣмъ Датико успѣлъ отскочить, казачій кинжалъ проткнулъ ему печень и кишечникъ.

Только къ утру Васо Даделіани узналъ, почему его другъ не возвратился въ гостиницу. Побѣждалъ въ комиссаріатъ, — вѣрить не хотѣлъ своимъ глазамъ. Трупъ лежалъ въ темномъ сарайчикѣ на деревянной скамейкѣ, животъ былъ перевязанъ грязной тряпкой, чтобы не вывалились внутренности.

Овладевъ собою, Васо купилъ цинковый гробъ и нанялъ людей, чтобы перенесли Датико въ церковь. Въ Тифлисъ протелеграфировалъ правду, и въ отвѣтъ получилъ: «Привезите во что бы то ни стало».

VII.

Похоронили Датико возлѣ церкви, надъ Курой, по странной случайности, почти на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ три съ половиною года назадъ Нино въ первый разъ увидѣла его офицеромъ. Думали, что Нино не выживетъ или лишится разсудка. Ни того, ни другого не случилось, только она опять стала похожа на желтолицую, худенькую гимназистку.

Жила больше у своей матери, тоже сильно поху-дѣвшей и постарѣвшей. Въ первый годъ Нино не такъ

часто бывала на могилѣ и больше не одна, а съ мамой. Садилы цвѣты, затѣмъ отдыхали, слушали, какъ рассказываетъ о вѣчности Кура, и сами разговаривали о томъ же.

— Ты, Нино, — произносила иногда старуха, — напоминаешь мнѣ другую Нино, которая такой же молоденькой вышла замужъ за знаменитаго русскаго писателя Грибоѣдова. Она происходила изъ рода Чавчавадзе. Ты была когда-нибудь тамъ?

— Нѣтъ.

— А вотъ давай пойдѣмъ въ воскресенье. На памятникъ есть ея слова:

Умъ и дѣла твои безсмертны
Передъ лицомъ великой Россіи,
Но зачѣмъ же, такъ рано, меня
Покинула любовь твоя?

— Для меня Датико не меньше Грибоѣдова.

Еще протянулся одинъ годъ, а за нимъ еще. Старуха ослабѣла и Нино ходила на кладбище одна. Поговаривали о возможности прихода большевиковъ въ Тифлисъ. Но ей было все равно. Въ городъ понаѣхало много бездомныхъ людей, мужчинъ и дамъ. Этихъ русскихъ легко было узнать по утомленнымъ глазамъ, которые безъ словъ спрашивали cadaго прохожаго:

— Какъ же жить дальше?

Какъ-то вечеромъ, въ концѣ марта, у Нино особенно болѣла голова, точно передъ грозой. Была суббота и захотѣлось къ вечернѣ, а затѣмъ на могилу. Нино купила на улицѣ пять букетиковъ горныхъ нѣжно пахнущихъ фіалокъ. Ихъ очень любилъ Датико.

Опять внизу ревѣла Кура и стремилась соединиться скорѣе съ моремъ. Нино слушала этотъ шумъ и думала о томъ, что и для нея наступитъ радость только тогда, когда ея собственная душа сольется съ душою Датико. Она мечтала о самоубійствѣ, тихо, безъ отчаянія, перебирая въ головѣ всѣ способы.

Передъ самымъ заходомъ солнца, когда окна на домахъ Тифлиса казались огненными, — вдругъ повѣялъ вѣтерокъ.

Онъ доносилъ тонкій аромат фіалокъ. Въ церкви служба еще не окончилась. Нино рѣшила пойти поставить свѣчу передъ иконой Божьей Матери.

Дьячекъ читалъ что-то монотонное. Слѣва возлѣ аналоя сгруппировались ожидавшіе очереди исповѣдываться.

Нино зажгла свѣчку, прикрѣпила ее къ мѣдному закапанному подсвѣчнику, перекрестилась и снова вышла на воздухъ. Свернувъ къ памятникамъ, Нино почувствовала, что у нея подгибаются ноги: навстрѣчу ей торопливо шла дама въ траурѣ и подъ такимъ густымъ вуалемъ, что нельзя было разсмотрѣть ея лица. Видно было, что это еще не старая женщина, стройная и элегантная, кого-то удивительно напоминавшая. . .

И не могла себѣ объяснить Нино, почему ей стало такъ до обморока страшно. Остановилась, поглядѣла вслѣдъ неизвѣстной и, точно ища защиты, почти бѣгомъ бросилась къ милой мраморной плитѣ, на которой, точно акварельный рисунокъ, выдѣлялись букетики фіалокъ.

Преклонила колѣни и зашаталась: представилось, что букетиковъ не пять, а гораздо больше. Пересчитала и увидѣла, что и на самомъ дѣлѣ ихъ восемь.

Мать испугалась, когда увидѣла вернувшуюся Нино. Губы молоденькой женщины перекосились, какъ отъ страшной боли. Утомленные глаза провалились и точно у бездомной бѣженки безъ словъ спрашивали:

— Какъ же жить дальше? . .

Тифлисъ 1920

На перепутьи.

Крохотный бульварчикъ, крохотнаго приморскаго городка, замерзъ въ этомъ, навѣки проклятомъ, 1920 году. Деревянный ресторанъ, на горѣ, обратился въ пріютъ для бѣженцевъ, а женская гимназія въ тифозный госпиталь.

Впрочемъ бѣженцы жили еще и въ вагонахъ, и на вокзальчикѣ и въ лачугахъ — платно и бесплатно.

Бывшему морскому офицеру — Аланскому посчастливилось пріютиться въ холодной комнатѣ учителя чистописанія и рисованія — господина Непытайло. Комнату эту учитель величалъ почему то «мастерской» или «ателье».

Здѣсь стояли старый, просиженный, когда-то кожаный диванъ, такое же кресло, качающійся столъ, а въ углу шкафъ, на вершинѣ котораго лежали пожухлые холсты и пыльные папки съ незавязанными тесемками.

Между пружинами дивана жили крысы и ими пахло все «ателье».

Здѣсь тридцатилѣтній Непытайло долго спасался отъ всѣхъ трехъ воинскихъ повинностей: красной, бѣлой, зеленой, и по ночамъ трясся: «вотъ, вотъ придутъ... возьмутъ... потребуютъ»...

Когда утромъ стучалась старуха, приносившая чай, учитель, или, какъ онъ себя называлъ, хотудожникъ, хотя и отлично зналъ ея голосъ, отрывисто и тревожно спрашивалъ:

— Кто? Что? Зачѣмъ?..

Зачѣмъ художникъ долго надѣвалъ сапоги: — пробѣжать до двери босикомъ боялся, какъ бы не простудиться и не умереть.

Теперь учитель жилъ въ другомъ домѣ, — въ семьѣ — и сталъ тамъ гораздо покойнѣе.

Въ мастерскую онъ пустилъ Аланскаго только потому, что офицеръ привезъ письмо отъ «нужнаго чловѣка».

Въ этотъ день утромъ низенькій, смуглый Непытайло, пожимая плечами и моргая глазами, какъ шимпанзе, говорилъ прачкѣ:

— Знаете, Авдотьюшка, боюсь я этихъ бѣженцевъ, они разносятъ тифъ, да... ну ихъ совсѣмъ!..

Говорилъ такъ, чтобы слышалъ Аланскій, которому уже давно не хотѣлось не только слышать, но и видѣть моргающую, черномазую фizioномію, болѣе похожую на бабью, чѣмъ лицо прачки.

И въ хорошую и въ плохую погоду Аланскій пораньше убѣгалъ къ берегу, съ котораго открывалось безкрайное, холодное, но менѣе жестокое, чѣмъ люди, море.

Здѣсь было легче думать, вспоминать и ожидать невѣдомо чего.

Внизу возился со своими рыбацкими баркасами турокъ Хаметъ и все время пѣлъ что-то, одинаково похожее и на скрипъ кавказской арбы и на собачій вой.

«Опять завелъ свою магометанскую панихиду» — думалъ Аланскій, «точно смерть предвѣщаетъ... И отчего это здѣсь, среди такой оперной красоты горъ и моря, — живутъ такіе не музыкальные люди? Долго ли еще здѣсь ожидать и чего ожидать?»

Хотѣлось еще, хоть когда-нибудь, увидѣть выстрадавшееся личико жены и крохотную голубоглазую дочечку Газиньку и старшую — отъ первой жены, совсѣмъ необыкновенную Лилу.

Разумъ говорилъ: «это абсолютно невозможно»... А сердце его, почти невѣрующаго человѣка, отвѣчало:

«Богъ все можетъ»... И пріятнѣе было слушать сердце, чѣмъ разумъ...

Уже третью недѣлю каждый день бѣгалъ Аланскій назадъ и впередъ по утесу, ненадолго присаживался на камень, глядѣлъ въ безбрежное, опять вскакивалъ, быстро ходилъ и думалъ о томъ самомъ, о чемъ думаетъмышь, очутившаяся въ маленькой желѣзной клѣткѣ, въ которой она не можетъ сломать ни одного прутка.

Деньги уплывали каждый день... Чтобы удешевить жизнь, Аланскій по рекомендаціи того же Непытайло ходилъ обѣдать въ семью какихъ-то Михайловыхъ... Нужно было взбираться на высокую гору, по которой стекали помои нѣсколькихъ усадебъ.

Обѣдъ давали неважный: изъ борща безъ мяса и вѣчной пшенной каши безъ масла. Хозяинъ, коротко стриженный военный писарь или мелкій чиновникъ, глядѣлъ исподлобья и молчалъ. Хозяйка, толстая грязная баба, все время говорила и бранила дороговизну, а дочь или падчерица, — блѣдная гимназистка

подростокъ, — подъ звонъ посуды и брань мамыи рѣшала ариѳметическія задачи и шевелила губами.

Все это происходило въ первой комнатѣ столовой, а во второй стояла огромная кровать и столъ, покрытый плюшевой скатертью, на которой лежали стереоскопъ и дюжина фотографій самаго грубаго порнографическаго содержанія. «Кто ихъ разсматриваетъ?» думалъ Аланскій, «неужели эта блѣдная дѣвочка?»

Когда Аланскій, послѣ обѣда, выходилъ на чистый воздухъ — вся его душа радовалась.

Вечеромъ, у себя въ «мастерской», онъ пилъ чай и подъ звуки дождя за окномъ и крысиной свадьбы подъ диваномъ, засыпалъ тяжкимъ, болѣзненнымъ сномъ приговореннаго. Снилось жуткое, талантливо-кошмарное, но просыпаться и сознавать дѣйствительность было страшнѣе.

Спалъ онъ одѣтый и, вскочивъ, сейчасъ-же бѣжалъ на базаръ закусить, а затѣмъ снова, какъ на службу, спѣшилъ на свой утесъ.

Въ это утро все небо было задернуто, какъ будто грязной простыней, и ни разу не блеснуло солнце на зеленоватыхъ тусклыхъ волнахъ моря.

Турокъ, внизу — возлѣ своихъ лодокъ, глѣлъ особенно скорбно и нѣкоторые переходы его пѣсни напоминали кусочекъ погребальнаго и «Святый Боже».

Слушая эту «панихиду», Аланскій не сомнѣвался, что именно сегодня приползетъ и въ этотъ несчастный городокъ — красное, и зеленое, или бѣлое безуміе мести и крови, а завтра можетъ быть и «къ стѣнкѣ».

Послѣ полудня полилъ южный, крупный, какъ слезы обезчещенной дѣвушки, дождь.

Не спѣша, весь мокрый, Аланскій вернулся въ «мастерскую» и, открывъ незапертую дверь, увидѣлъ стоявшую къ нему спиной, такую же мокрую отъ дождя, — женскую фигуру и вдругъ почувствовалъ, что не хватаетъ воздуха, что случилось невѣроятное...

Зашатался.

Фигурка обернулась лицомъ и сказала:

— Папа!

«Лиля!» отвѣтилъ Аланскій.

Съ подминуты отецъ и дочь съ недовѣріемъ глядѣли другъ на друга, затѣмъ поцѣловались. Обоимъ хотѣлось и плакать и смѣяться. Сумасшедшая радость давила горло... и казалось ему, что во снѣ онъ видитъ Лилю, уже давно, неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно за что, осужденную не на смерть, а на земную муку безконечности.

— «Ну, садись, рассказывай!» сказалъ отецъ.

— У тебя деньги есть? спросила дочь...

— Есть.

— Я очень голодна.

— Сейчасъ пойдемъ въ кофейню.

— Я не знаю, съ чего начать?

— Мужъ твой Коля живъ?

— Пока живъ... Здѣсь въ госпиталѣ — сыпной, возвратный...

— Какъ уже ты его нашла?

Лиля сѣла на диванъ. Мужественное обвѣтрившееся личико, скорѣе дѣтское, передернулось тяжкимъ воспоминаніемъ, но спокойные материнскіе глаза не брызнули слезами.

— Да видишь ли... Когда эвакуировали раненыхъ, всѣхъ не взяли, безнадежныхъ, въ томъ числѣ и Нико-

лая, бросили... Такъ я сама взяла его... До Батиска солдаты несли его на шинели. Несли, несли, а потомъ положили на снѣгъ и сказали: «не можемъ дальше». Я дала имъ по тысячѣ рублей и снова понесли. Я едва поспѣвала: — въ туфляхъ, на мнѣ винтовка и подсумки съ патронами болтаются, — нельзя ремня затянуть. Она взглядомъ показала на свой животъ, дрогнула плечами и заговорила опять:

— Донесли до санитарнаго поѣзда... Я умолила сестру милосердія и его взяли въ вагонъ, а меня не взяли. Я цѣлую недѣлю ѣздила — искала его. Нѣтъ ни въ одномъ госпиталѣ, и вдругъ случайно узнала, что Коля здѣсь... Пріѣхала — дѣйствительно здѣсь... И ты здѣсь... Какое счастье!.. Теперь я ничего не боюсь..

— Ты беременна? спросилъ отецъ.

— Да... и хотя не во время, но я рада...

— Если рада, это значитъ, что ты хорошая женщина. А гдѣ же твои вещи?

— Часть въ госпиталѣ, а часть здѣсь въ ремняхъ.

— Кто тебѣ сказалъ, что я живу здѣсь?

— Прачка, папа. Смотри, дождь уже пересталъ. Идемъ въ кофейню, а то у меня отъ голода голова кружится.

— Ну идемъ...

Послѣ ливня сразу потеплѣло, стихъ назойливый вѣтеръ и позеленѣли, точно весной, холмы вокругъ городка. На дымчатомъ небѣ отслоились голубые клочки, точно небрежно проведенные плоской кистью. На двѣ минуты выглянуло солнце, но сейчасъ же и спряталось, какъ будто ему неловко было глядѣть внизъ на головы обреченныхъ.

Въ кофейнѣ сказали, что можно получить яичницу съ колбасой и чай и назвали такую цѣну, что даже, привыкшій ко всякимъ цифрамъ, Аланскій удивленно поднялъ голову, но заказалъ.

Разсуждать не приходилось.

— Дѣлайте.

Лиля улыбулась и, когда подали яичницу, начала жадно и непрерывно ѣсть, только разъ оторвалась и, точно оправдываясь, пробормотала:

— «Давно ничего горячаго не попадалось».

За жидкимъ чаемъ отецъ и дочь совсѣмъ успокоились и говорили о томъ, какъ устроятся на ночь, — кто ляжетъ на полу, а кто на диванѣ. Рѣшили прежде всего сходить и провѣдать Колю; по словамъ Лили, ему съ каждымъ днемъ было лучше и лучше.

На улицѣ сразу налетѣли на учителя — владѣльца «ателье».

Аланскій вдругъ обрадовался, что есть человѣкъ, съ которымъ можно подѣлиться своей великой радостью. И на нѣсколько минутъ плюгавенькій, низенькій «художникъ», въ высокихъ сапогахъ, показался даже симпатичнымъ.

— «Послушайте! Здравствуйте!» почти крикнулъ Аланскій.

Учитель остановился, два раза притопнулъ лѣвымъ сапогомъ и насторожился. Его черные, хитрые глазки осматривали Лилю.

— «А у меня радость»... сказалъ Аланскій.

— «Какая?»

— «Большая! Дочь нашлась. Да еще съ мужемъ»...

Лиля тревожно поглядѣла на отца.

Учитель сдѣлалъ полупоклонъ въ сторону Лили.

— «Понимаете, ея мужъ спасся отъ сыпняка».

— «Кто?» — спросилъ учитель.

— «Да вотъ, — ея мужъ».

— «Гдѣ?»

— «Здѣсь въ госпиталѣ».

— «А»...

— «Да. Сегодня я ей уступаю диванъ, а самъ на полу».

Учитель побѣлѣлъ, какъ бумага, и не проговорилъ, а прохрипѣлъ на одной, какой-то пѣтушиной, нотѣ...

— «То-есть какъ»...

Изъ блѣднаго лица учителя сдѣлалось желтымъ и видно было, какъ затряслись его короткія, съ короткими пальцами руки.

— «А, такъ»... уже не захрипѣлъ, а запищалъ онъ высокимъ теноркомъ, —

— «Сегодня же уѣзжайте...

— «Куда?»

— «А куда хотите... Ку—да... хо—ти—те...» пропищалъ учитель тономъ еще выше, заморгаль глазами, какъ обезьяна, брызнулъ слюной и заѣхотался на мѣстѣ; а изъ-подъ его сапогъ брызгала свѣжая грязь.

— «Пойдемъ папа... Развѣ ты не видишь, что здѣсь разговаривать нечего», — спокойно сказала дочь.

— «Совершенно вѣрно, сударыня, что разговаривать нечего... Сегодня же уѣзжайте»...

— «Куда?» снова спросилъ Аланскій.

— «Мнѣ нѣтъ до этого дѣла!»

— «На дождь?» опять спросилъ Аланскій.

— «Да хоть на снѣгъ»...

Аланскій овладѣлъ собой и даже улыбнулся.

— «Эхъ вы, педагогъ, художникъ, г. Непытайло, такъ вѣдь, вы уже не живете въ вашемъ ателье!»...

И отцу и дочери было ясно, что трусь сейчасъ готовъ на все и по своей психологiи много ниже кошки или крысы, и требовать отъ него человѣческихъ чувствъ также наивно, какъ отъ пьянаго чекиста. И захотѣлось Аланскому взять это черноглазое существо за шиворотъ и бросить въ лужу.

Удивительнѣе всего было, что дочь угадала и властно, какъ старшая, а не какъ младшая, сказала:

— «Папа не смѣй!.. Идемъ!..»

Аланскій сдѣлалъ два шага впередъ, Непытайло одинъ назадъ.

— «Мы уйдемъ,» сказалъ Аланскій, уже совсѣмъ спокойно, «но я васъ въ свою очередь попрошу, убирайтесь сію минуту и вообще не попадайтесь мнѣ на глаза»...

— «Я и такъ спѣшу, я педагогъ, у меня есть дѣло, я не бѣженецъ, я не нищій, не попрошайка, не приживальщикъ, я мѣстный дѣятель»...

И не оглядываясь, учитель на самомъ дѣлѣ побѣжалъ и на ходу продолжалъ кричать.

Когда отецъ и дочь остались одни, она сказала:

— «Папа, ради Бога, успокойся... На бульварѣ, въ пріютѣ для бѣженцевъ, не хуже, а лучше. Идемъ къ Николаю».

— «Ну идемъ... я уже спокоенъ... Но знаешь, вѣдь такая вошь страшнѣе и мерзѣе той, которая разноситъ тифъ... Самъ боится заразы, а насъ гонить къ людямъ...»

Пошли дальше ровнымъ скорымъ шагомъ.

Въ домѣ, гдѣ помѣщался госпиталь, нѣкоторыя окна были со стеклами. На лѣстницѣ, несмотря на сквозняки, тяжко пахло и чувствовалось жутко, какъ возлѣ мертвецкой.

Возлѣ окна стоялъ старикъ казакъ, кубанецъ, въ тулупѣ и мохнатой шапкѣ съ краснымъ верхомъ, въ рукѣ онъ держалъ узелокъ, должно быть принесъ гостинца сыну.

Лилию сестра милосердія впустила сразу, а Аланскаго попросила обождать, пока освободится бѣлый халатъ, безъ котораго въ палату нельзя.

Лилия быстро надѣла грязноватый балахонъ и радостно юркнула въ дверь.

Аланскій разговорился съ казакомъ.

— «Ну что же вы будете дѣлать, когда прійдутъ большевики?»

— «А ничего... Вони голодніі, ми їм дамо хліба, а вони намъ манюфактури... Тай замиримо... Ну звісно не допустимъ їхніхъ звичаївъ, бо намъ не зручно... Гуртове — чортове, это ми понимаємъ... якъ їхні звичаї допустить, такъ зараз голодъ буде, бо я не захочу робить на Івана, а Іванъ на мене»...

«Да, дадутъ манюфактури» — подумалъ Аланскій, — «очевидно и съ этимъ говорить не о чемъ».

Вышла вторая сестра милосердія, полная и веселая, принесла Аланскому халатъ и сказала:

— «Только не больше пяти минутъ».

Палата напоминала огромный автомобильный гаражъ, тѣсно уставленный кроватями. И только по фигурѣ дочери Аланскій сообразилъ, гдѣ койка ея мужа.

Халатъ на больномъ былъ узкій, въ талію, темно-сѣрый, похожій на подрясникъ послушника. Волосы на

головѣ отросли, все вымученное лицо вытянулось и тоже казалось блѣдносѣрымъ. Увидѣвъ тестя, Коля чуть улыбнулся и поклонился, какъ то не по офицерски, а по монашески, точно Алеша Карамазовъ. Только золотое пенсне напоминало, что больной когда-то былъ отъ «міра сего».

Глаза глядѣли черезъ стекла спокойно, страшно спокойно и ласково. Больной шевельнулъ рукой, а затѣмъ махнулъ ею и произнесъ, стараясь шутить:

— «Лучше не подавайте».

— «Какъ хочешь. Я не боюсь» — отвѣтилъ Аланскій и добавилъ: «видишь, что и невозможное бываетъ возможнымъ».

— «Вижу»...

Коля снова улыбнулся и поправилъ халатъ.

Аланскій вспомнилъ тотъ моментъ изъ сегодняшняго дня, когда только на нѣсколько мгновеній поглядѣло солнце, освѣтило небо, загаженную землю и опять спряталось за дымчатая тучи.

«Живъ не будетъ», подумалъ Аланскій, поглядѣвъ на улыбку больного... Есть у него что-то на лицѣ, какъ будто эфирная тончайшая кисея... Лермонтовъ понималъ эти вещи».

Поговорили мало и ничего не сказали о будущемъ.

— «Ну, значитъ, завтра увидимся опять», произнесъ, какъ можно веселѣе, Аланскій.

— «Увидимся», однѣми губами прошепталъ Коля.

Когда отецъ и дочь снова вышли на улицу, Лиля спросила:

— «Ну какъ ты его нашель?»

— «Теперь всякая опасность миновала», твердо солгалъ Аланскій.

— «А что, если еще разъ возвратный?»

— «Въ третій разъ возвратнаго, кажется, не бываетъ».

Предстояла переноска вещей изъ «ателье» въ бывший ресторанъ, — бараки для бѣженцевъ.

Учитель стоялъ у дверей и еще издали началъ что-то говорить.

Уже близилось къ заходу солнце и въ воздухѣ тянуло морозцемъ.

Не глядя въ быстро мигавшіе глаза Непытайла, Аланскій прошелъ въ полутемную, пропахшую крысинымъ пометомъ комнатенку, и началъ затягивать ремни на чемоданѣ. Обезьяньи глазки наблюдали за каждымъ его движеніемъ.

Лиля оставалась на улицѣ.

Руки Аланскаго дрожали и, нагнувшись, онъ молился:

«Господи, сдѣлай такъ, чтобы я не ударилъ этого»...

Застегнувъ послѣднюю пряжку и взявъ вещи дочери, онъ еще разъ услышалъ:

— «Прошу васъ поскорѣ... Вы понимаете»...

Тогда Аланскій вскочилъ, подошелъ вплотную къ Непытайлѣ и, стараясь произносить слова какъ можно спокойнѣе, зашепталъ:

— «А вы понимаете, что вы — холостой, никому не нужный и безродный, какъ полѣно, выгоняете изъ дома и не принадлежащей вамъ лачуги, выгоняете на морозъ семнадцатилѣтнюю беременную женщину».

Учитель вдругъ затихъ и только еще быстрѣе заморгалъ глазами... Онъ дѣйствительно не понималъ того, что дѣлаетъ, но въ этотъ моментъ сообразилъ,

что, если произнесетъ еще хоть одно слово, терпѣніе Аланскаго, которому теперь терять нечего, можетъ истощиться. . .

Молча отецъ и дочь вышли на улицу, свернули направо и медленно, съ вещами въ рукахъ, начали подыматься на высокую, вѣчно зеленую гору къ пріюту бѣженцевъ.

Слѣва, внизу, плевалось, рвало и метало море и какъ будто стонало отъ досады, что не можетъ смыть сверху досчатое зданіе, пріютившее нищихъ и бездомныхъ. Послѣ «ателье» въ этомъ досчатомъ зданіи Аланскому и Лилѣ показалось свѣтло и очень чисто. Всѣ нары были изъ свѣже выстроганнаго дерева и народу оказалось еще не такъ много — больше матери съ дѣтьми. Варили что-то на спиртовкахъ, переговаривались. . . на вошедшихъ почти не обратили вниманія. Отецъ и дочь разложили свои вещи и сѣли на первыхъ двухъ свободныхъ койкахъ. . . Въ углу топилась и звенѣла дверцей крохотная желѣзная печка, которая не могла согрѣть помещенія.

Лилия задумчиво посвистѣла, встала и, развязавъ вещи, начала готовить постели. И казалось ея личико одновременно и усталымъ до послѣдней степени и счастливымъ до безконечности.

Въ десять минутъ, какъ будто изъ ничего, — устроила уютный уголокъ. Затѣмъ долго рылась въ своей корзинкѣ, достала тетрадь въ кожаномъ переплетѣ; развернула передъ отцомъ и сказала:

— Смотри, папчикъ, это я написала. Николаю очень нравится, а мнѣ кажется, что ужасная чепуха.

Аланскій прочелъ:

Фіалки.

У меня бываетъ все порывочно,
А о васъ я думаю долго, иногда отрывочно...
Хотѣлось вчера цѣловать ваши руки,
А въ мысляхъ что-то боялось разлуки.
Вы уходили... Мнѣ было жалко...
Изъ петлицы вашей упала фіалка.
Вы не любили, но это было картиночно...
И люди мнѣ стали жалки.
И эти фіалки продавали противно — рыночно...

— «По моему хорошо... Только ужъ очень по новому... Я ничего не понимаю въ этихъ вещахъ»... сказалъ Аланскій.

— «А «Двѣнадцать» Блока?»

— «Мнѣ кажется — это творчество у него подсознательное. Душа поэта знаетъ больше, чѣмъ его мозгъ, и эта душа чувствовала, что безуміе страшнѣ всѣхъ страданій, а гдѣ страданіе — тамъ Христосъ, тамъ и вѣра».

— «Нѣтъ, мнѣ кажется, ты понимаешь»... задумчиво произнесла дочь, еще разъ перечитавъ свое стихотвореніе, и спрятала тетрадку...

Огненная полоса надъ моремъ еще не потухла, но въ бѣженскомъ помѣщеніи уже стемнѣло. Вошелъ съдоусый сторожъ, зажегъ единственную керосиновую лампочку и съ сильнымъ польскимъ акцентомъ спросилъ Аланскаго и Лилю, не требуется ли кипятку?

Очень поблагодарили и попросили, — своей спиртовки не было.

— «W nosy zimno bedzie, bardzo zimno»... сказалъ старикъ, уже совсѣмъ по польски.

— «Почему?»

— «Pies mala».

Сторожъ безпомощно развелъ своими жилистыми руками и, шаркая подошвами своихъ сапогъ, ушелъ. Начали собираться бывшіе въ городъ жильцы. Заплакали дѣти, пересмѣивались подростки. Читали наставленія маменьки. И всѣ чужіе были, какъ свои. Возились и гремѣли посудой, свѣта лампы и вправду было недостаточно, и кое-гдѣ зажигались надъ живыми могилами свѣчи.

Спать легли рано, въ девятомъ часу.

Легла на свою койку, не снимая пальто, и Лиля и сейчасъ же заснула.

Отецъ спать не могъ. Отошелъ къ печкѣ и, присѣвъ на корточки, началъ подбрасывать сыря, шипящія, свѣже нарубленныя вѣточки акаціи. Укололся и не замѣтилъ. Глядѣлъ на жалкій огонекъ, ежился отъ холода и думалъ, думалъ...

И ясно было ему, что не самъ человѣкъ распоряжается своей судьбой, и пришло зло не потому, что самъ онъ былъ злой. Всю жизнь онъ старался улучшить жизнь своихъ матросовъ и отношенія съ ними... И они же грозили убить его... И ясно было также, что нельзя измѣнить психики человѣческой, не измѣнивъ тѣла, ибо вся борьба изъ-за потребности тѣла. А послѣ свиданія съ Колей, Аланскій уже не сомнѣвался, что есть люди, которымъ лучше не жить. Тѣ, которые не могутъ озвѣрѣть... И самому не было страшно смерти; кто-то говорилъ Аланскому, что онъ еще долго проживетъ и увидитъ много хорошаго, а вотъ Коля и Лиля тѣ ничего не увидятъ, кромѣ безкрайной тюрьмы, гдѣ начальники и арестанты будутъ мѣняться ролями.

И уже не было силъ у Аланскаго ни печалиться, ни радоваться, могъ только молиться безъ словъ, одними мыслями.

Тряслись отъ вѣтра ветхія оконныя рамы, къ полуночи тепло все выдуло. Ногамъ возлѣ печурки было тепло, а плечи ныли отъ холода. Аланскій прошелъ къ своей койкѣ и взялъ одѣяло. Лиля приподнялась на локтѣ и спросила:

— «Почему не спишь?»

— «Холодно»...

— «А мнѣ нѣтъ. Здѣсь не больше двухъ градусовъ мороза. . . Въ полѣ ночью, когда мы несли умиравшаго Николая, было холоднѣе». . . .

Только въ пятомъ часу свалился Аланскій, задремалъ и открылъ глаза, когда уже поднялось солнце, и увидѣлъ чистое небо и голубое, какъ шелковая матерія, море, и головку еще спавшей дочери. . . И вдругъ почувалъ, что весь день будетъ теплый и радостный. Безликое лихо будто временно занялось не ими, а какими-то другими людьми. Дочь открыла глаза, встала и, въ отвѣтъ на его мысли, произнесла:

— «Увидишь, что все будетъ хорошо»... Это угадываніе того, что было въ головѣ другого, съ ними часто случалось еще въ мирной жизни, и Аланскій и Лиля уже не удивлялись въ такихъ случаяхъ.

Было это и тогда, когда отецъ и дочь находились на громадномъ разстояніи другъ отъ друга.

— «Дай Богъ!» отвѣтилъ онъ.

Лиля достала зеркало и гребешокъ и начала причесываться.

«Великая сила духа сидитъ въ этомъ недомученномъ тѣлѣ», — думалъ Аланскій, глядя на дочь, —

«и тотъ, кого она родить, будетъ такимъ же сильнымъ, если выживетъ... Какъ я счастливъ, что она моя дочь и что Коля ея мужъ... Господи! сохрани этого человѣка, чтобы онъ сохранилъ ее».

Чай пили на базарѣ, возлѣ ларька, а затѣмъ купили фруктовъ и пошли въ госпиталь къ Николаю.

Въ этотъ день онъ былъ совсѣмъ, совсѣмъ другой. Нельзя было различить, что сіяетъ: стекла пенснэ Коли, или зрачки его голубыхъ глазъ, когда они увидѣли жену.

«Я ошибся», думалъ, задыхаясь отъ радости, Аланскій, «онъ будетъ жить... Я не Лермонтовъ... А какъ хорошо, что я ошибся»...

— «Я даже побрился» — произнесъ Коля и чуть покраснѣлъ.

— «Ты у меня молодецъ», — отвѣтила Лиля, — «а я мандариновъ тебѣ принесла».

«Сейчасъ этотъ мальчикъ любитъ свою жену гораздо больше, чѣмъ когда былъ женихомъ... А я сейчасъ только понялъ, какъ можно быть счастливымъ счастьемъ дѣтей!» — бѣжали мысли въ головѣ Аланскаго.

— «Стихи писала?» спросилъ больной.

— «Какіе тамъ стихи! Мы чуть не замерзли... На цѣлую казарму одна печка, въ полъ-аршина высоты. Сейчасъ вернусь и буду тебѣ варить на ней компотъ».

Передъ докторскимъ обходомъ сестра милосердія безпощадно попросила всѣхъ удалиться. Разстались до трехъ часовъ дня. Отецъ и дочь спустились съ горы и увидѣли неожиданное: въ порту стоялъ большой, бѣлый, двухмачтовый пароходъ подъ русскимъ флагомъ.

— «Папа, если въ Батумъ, — уѣзжай сегодня. Денегъ меньше истратимъ. За меня не безпокойся».

— «Я никогда не боялся за тебя»....

«Да, пожалуй, лучше будетъ, если я уѣду... отвѣтилъ Аланскій и подумалъ: «это судьба... это Богъ»...

Заторопились. Тщательно и крѣпко упаковала Лиля отцовскій чемоданчикъ; но видно было, что волнуется.

Проводила до самаго парохода и сказала:

— «Я отхода ждать не буду; я пойду къ Николаю — скоро пріемъ начнется».

— «Конечно, конечно»... отвѣтилъ отецъ...

— «Ну, прощай! Давай поцѣлую, только не вздумай плакать».

— «Нѣтъ, я что же»...

— «Помни, что я ничего не боюсь».

И когда Лиля сошла съ пристани и была уже на твердой землѣ, онъ крикнулъ:

— «Поцѣлуй отъ меня Колю!»

Она остановилась, кивнула головой, махнула рукой и потерялась въ толпѣ пассажировъ и просто любопытныхъ.

Загудѣлъ третій гудокъ и начали убирать сходни.

— «Житейское море» и настоящее море... думалъ Аланскій — да, между ними много общаго... И то и другое «воздвигаемое зря». Не знаешь, что будетъ завтра, черезъ недѣлю, черезъ полгода...

А черезъ полгода было вотъ что:

Аланскій сидѣлъ въ грязной турецкой кофейнѣ въ Константинополѣ и трясущимися руками распечатывалъ первое, за все то время, полученное отъ Лили, чудомъ дошедшее, письмо.

Она писала:

«На другой день послѣ твоего отъѣзда Николаю стало хуже, что-то произошло съ сердцемъ... А затѣмъ пришли зеленые и обратились очень скоро въ красныхъ... Но похоронить Николая все-таки позволили».

Не могъ дальше читать и невольно ударилъ рукой по кофейной чашечкѣ; она опрокинулась.

Длинноногій красный кафеджи *) — Маметъ подошелъ, покачалъ головой, съ торчащими ушами, и, точно утѣшая, ласково улыбаясь произнесъ:

— «Значитъ, такой судьба — кизмэтъ **)... сейчасъ другой нальемъ»...

— Что? спросилъ Аланскій, не понимая.

— «Кизмэтъ такой, говорю! — по вашему судьба».

— «Да, судьба»... машинально отвѣтилъ Аланскій... «и чашка опрокинулась... — судьба, и жизнь человѣческая опрокинулась — судьба...»

Маметъ ничего не разобралъ, но чтобы показать, что онъ хорошо знаетъ русскій языкъ, громко и серьезно сказалъ: — «Савершенно вѣрно».

Тифлисъ 1920

*) Хозяинъ кофейной.

**) Кизмэтъ — судьба.

Вдова капитана.

I.

Уже второй годъ, какъ я, въ полномъ смыслѣ, инвалидъ... Изъ всего организма у меня остались, въ полномъ порядкѣ, только: память и правая рука. Лѣвая, въ сырую погоду, ноетъ, какъ старая дѣва.

И пусть ее...

Я еще могу вспоминать, читать, и писать. Книги почти всѣ уничтожены и разграблены за время, пока въ нашемъ многострадальномъ городѣ царствовали безумцы и безуміе.

Поэтому приходится читать не то, что хочется, а то, что есть... А есть Шекспиръ, котораго, говоря по совѣсти, я не держалъ въ рукахъ уже лѣтъ двадцать. Я перечиталъ вѣчную повѣсть о Ромео и Джульетѣ. И когда наткнулся на слова:

Нѣтъ повѣсти печальнѣе на свѣтѣ,
Чѣмъ повѣсть о Ромео и Джульетѣ...

мнѣ пришло въ голову, что, если бы авторъ этихъ словъ былъ живъ теперь, то навѣрное отнесъ бы эти слова не къ двумъ любовникамъ, которые все-таки были счастливы, а къ русскому офицерству. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ сословіе, отдавшее и отдающее за Россію все

свое личное счастье (я уже не говорю о жизни) и взаимнѣ получающее и получавшее цѣлое море клеветы? . .

Въ защитникахъ мы не нуждаемся, но гдѣ тѣ, просто объективные, люди и писатели, которые спокойно скажутъ цѣлому свѣту, что наши офицеры (а не монахи), начиная съ юнкерства, уже не смѣютъ мечтать ни о собственности, ни о вѣчной принадлежности любимой женщинѣ, ни о благополучной смерти. Они не смѣютъ даже самого Бога просить: «Христіанскія кончины, живота нашего безболѣзненна, непостыдна, мирна» . . .

Они даже и послѣ смерти страдаютъ. Это не фраза. . . Въ моей повѣсти, или моихъ запискахъ, не о себѣ, это будетъ видно. . .

Но пока я хочу еще кое-что сказать о себѣ. Больше десяти лѣтъ, передъ войной, я былъ въ отставкѣ. Писателемъ сдѣлаться мнѣ не удалось, а хотѣлось. . . И вотъ, я мечталъ выпустить книгу безъ словъ, а только съ портретами, подъ общимъ заглавіемъ:

«Русскіе офицеры».

Тамъ были бы помѣщены: штабсъ-капитанъ инженерныхъ войскъ Федоръ Михайловичъ Достоевскій, затѣмъ другой штабсъ-капитанъ Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, еще два офицера — Лѣсковъ и Григоровичъ, поручикъ Купринъ, прапорщикъ Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ, подпоручикъ Семень Яковлевичъ Надсонъ, капитанъ 2 ранга Станюковичъ, лейтенантъ Случевскій, капитанъ артиллеріи Владиміръ Алексѣевичъ Тихоновъ, поручикъ Сергѣевъ-Ценскій, капитанъ Гумилевъ. . .

Ихъ найдется немало, и не только въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, и не только беллетристовъ. . . Впрочемъ, я забылъ, напимѣрь, скромнаго поручика

одного изъ скромнѣйшихъ полковъ — Тенгинскаго пѣхотнаго — Михаила Юрьевича Лермонтова. Изданіе сочиненій этого поручика Академія Наукъ недавно выпустила въ пяти томахъ...

Теперь я калѣка, могу быть только среднимъ лѣтописцемъ. Пусть и среднимъ, но я запишу въ этой тетради тѣ впечатлѣнія, которыя врубилась въ мой мозгъ.

Какъ, иногда, любили насъ любимыя и какъ помнили нашу любовь... Я кое-что пропущу и начну съ многоточія...

II.

... Въ результатѣ мнѣ ужасно стыдно и неловко передъ самимъ собой...

Дѣло шло о крупной операціи: блокадѣ Перемышля. Офицеры истерзались ожиданіемъ. Высшее начальство не то растерялось, не то горячилось при мысли, что Верховный будетъ недоволенъ медлительностью... Третьи сутки падалъ мокрый снѣгъ, отвратительно равнодушный къ человѣческимъ печалямъ и радостямъ.

Меня, офицера и человѣка, несомнѣнно любящаго Россію, все это трогало очень мало.

Мое воображеніе долго рисовало трагически красивое женское лицо въ глубокомъ траурѣ и глаза, безъ словъ задающіе вопросъ: зачѣмъ?

Но ни любви, ни жалости не было въ моемъ сердцѣ.

До ея пріѣзда меня называли господиномъ съ бычачьими нервами. И весьма возможно, что именно поэтому его превосходительство и рѣшилъ возложить на меня столь не сладкое порученіе. Чтобы хоть какъ-нибудь разобраться въ своихъ переживаніяхъ, мнѣ пришлось въ голову записать все, какъ было.

Я получилъ отъ генерала телеграфное приказаніе встрѣтить даму и «оказать ей всяческое содѣйствіе», т. е. разыскать могилу ея убитаго два мѣсяца назадъ мужа, вырыть изъ земли трупъ и, переложивъ его въ цинковый гробъ, отправить въ Россію.

Прочитавъ телеграмму, я разсердился и подумалъ, что это не мое дѣло, хотѣлъ даже подать рапортъ о болѣзни. Но...

Вдова капитана пріѣхала ночью, вмѣстѣ съ денщикомъ своего мужа, угрюмымъ солдатомъ хохломъ, на всѣ вопросы отвѣчающимъ:

— Не могу знать...

Женщина требовала невозможнаго: сейчасъ же итти по мокрому, глубокому снѣгу и немедленно указать ей могилу.

Едва удалось убѣдить ее обождать до утра. Спать она не хотѣла, или не могла, и ѣсть не хотѣла. Я тоже, за цѣлую ночь, ни разу не прилегъ и забылъ о своемъ ужинѣ.

Ея денщикъ, Хоменко, крѣпился до трехъ часовъ ночи, а потомъ прикурнулъ въ углу, возлѣ желѣзной печки, и началъ похрапывать такъ, какъ былъ: въ сумкѣ и въ фуражкѣ, подпоясанный.

Мы его не будили.

Я думалъ, что, хоть теперь, барыня сдѣлается разговорчивѣе, но она, сдавивъ виски блѣдными пальцами, съ голубоватыми ногтями, смотрѣла въ одну точку, а я безъ конца ходилъ взадъ и впередъ, и самъ не знаю, чего ждалъ.

На губахъ женщины лежала, какъ будто, застывшая улыбка. Одинъ уголокъ рта опустился ниже другого. Ноздри были тонкія, прозрачныя. Надъ верхней губкой

пробивались едва замѣтные усики. Брови густыя, черныя, ровныя, не шевелились, а зрачки глазъ были покрыты длинными рѣсницами.

Надъ высокимъ лбомъ складками лежала траурная вуалетка.

Даму нельзя даже было уговорить снять шляпу.

Окаменѣла женщина.

Все ея лицо было какъ будто знакомо, одно изъ тѣхъ, какія часто встрѣчались въ Петербургѣ, но не русское и не еврейское. Неуловимо чувствовалось, что ея самообладаніе надломлено до конца, что вотъ, вотъ прорвется отчаяніе, безудержное, сумасшедше-жуткое для постороннихъ.

Врядъ ли ей было больше двадцати одного года.

Къ пяти часамъ утра у меня такъ пересохло во рту, что я разбудилъ своего денщика и приказалъ ему разогрѣть на машинкѣ чайникъ.

За всю ночь я добился отъ капитанши только нѣсколькихъ словъ, изъ которыхъ узналъ, что ее зовутъ Лидія Михайловна. Я началъ говорить съ ней, какъ говорятъ съ больными дѣтьми: сначала ласково, а затѣмъ просто приказалъ ей выпить чашку чаю. Женщина послушалась, но не сдѣлалась разговорчивѣе.

Я закурилъ сигаретку и вышелъ во дворъ поглядѣть, скоро ли начнется разсвѣтъ, но все небо было черное, какъ бархатъ, а звѣзды казались похожими на осколки голубоватаго стекла.

Была настоящая оттепель. За угломъ, непрерывной струйкой, текла вода. Прочмокала копытами лошадь далекаго всадника. Нигдѣ на землѣ не свѣтилось ни единого огня.

Пришло въ голову, что я уже на томъ свѣтѣ, и душа капитана, котораго я хорошо зналъ, сейчасъ возлѣ меня, хочетъ мнѣ что-то внушить и не можетъ и чему-то удивляется.

Но не было страшно.

Я вспомнилъ эту смерть: снарядъ влетѣлъ въ самую землянку и буквально разорвалъ его на куски, такъ что пришлось собирать останки, чтобы положить въ гробъ подобіе тѣла.

Смерть была, конечно, моментальная, и я подумалъ, что всякій внезапно перешедшій въ другой міръ, вѣроятно, удивляется гораздо больше тѣхъ, которые умирали медленно и успѣли представить себѣ или угадать будущее. Но что именно хотѣла внушить мнѣ его душа, я не представлялъ, только чувствовалъ ея безпокойство, а, между тѣмъ, я далеко не принадлежалъ къ числу безусловно вѣрующихъ и никогда не интересовался такими вещами, какъ спиритизмъ.

Вспомнилъ, что у капитана въ землянкѣ стояло нѣсколько фотографій его жены, я ихъ часто видѣлъ и, конечно, именно поэтому ея лицо и показалось мнѣ знакомымъ.

III.

Повѣялъ теплый, предутренній вѣтерокъ. Я не сомнѣвался, что къ утру снѣгъ подтааетъ еще сильнѣе и на кладбищѣ придется тонуть въ водѣ.

Вернувшись въ комнату, я заговорилъ сразу и какъ можно проще.

— Знаете, Лидія Михайловна, я вамъ отъ всей души не совѣтую присутствовать при открытіи могилы... Вамъ придется или надѣть высокіе сапоги, или... снѣгъ

шелъ двое сутокъ, стало тепло и образовались за-
жоры... въ дамскихъ ботикахъ вамъ не пройти.

— Ну, а вы же пройдете?

— Да, какъ-нибудь доберемся...

— Значить, доберусь и я.

Опять молчаніе.

Я уже не уговаривалъ ее прилечь, и не спрашивалъ разрѣшенія курить, а зажигалъ папиросу за папиросой, пока не поголубѣли оконныя стекла. Больше всего меня смущало то обстоятельство, что вмѣсто трупа въ гробу теперь, конечно, была уже одна каша, да еще зловонная, которую нельзя ни обнять, ни поцѣловать.

Я растолкалъ Хоменка и приказалъ ему, вмѣстѣ съ моимъ денщикомъ и двумя другими солдатами, итти за новымъ деревяннымъ гробомъ, въ который слѣдовало переложить останки, пока приездутъ со станціи цинковый.

Лидія Михайловна начала нервничать, но, слава Богу, молчала.

Въ саняхъ, запряженныхъ «гусемъ», мы доѣхали до кладбища вполнѣ благополучно, хотя лошади проваливались по брюхо. Съ могилой саперы справились быстро, но когда дошли до гроба, замаялись и спросили, что нужно теперь дѣлать?

Лидія Михайловна стояла возлѣ самаго края ямы и, какъ будто, владела собой хорошо.

Я не велѣлъ снимать крышки гроба, но одинъ изъ солдатъ или не понялъ меня, или нечаянно сдвинулъ ее на сторону.

Въ этотъ моментъ возлѣ моего уха раздался хрипящій крикъ, какого я никогда не слыхалъ, а затѣмъ

Лидія Михайловна полетѣла въ яму на головы солдатамъ. Мы ее, конечно, сейчасъ же вытащили. Началась истерика. Пришлось женщину насильно усадить въ сани и отправить вмѣстѣ съ ея денщикомъ.

И странное дѣло: скорбь Хоменки показалась мнѣ страшнѣе выкриковъ вдовы. Солдатъ началъ обертывать ноги своей госпожи какимъ-то сѣрымъ сукномъ, приговаривая:

— Богъ съ вами, бариня... Богъ съ вами... Богъ съ вами, бариня...

Руки у него тряслись, фуражка съѣхала на затылокъ, обнаживъ весь потный красный лобъ.

Наконецъ, они уѣхали.

Все остальное я поручилъ продѣлать фельдшеру, милому, полуинтеллигентному челоуѣку. Къ полудню доставили и цинковый гробъ и, вложивъ въ него новый деревянный съ останками, здѣсь же на кладбищѣ и запаяли, затѣмъ перевезли ко мнѣ въ домъ и отслужили панихиду.

Лидія Михайловна сначала держалась спокойно, но когда священникъ и псаломщикъ запѣли: «Со святыми упокой»... опять раздалось это ужасное:

— Ахъ, ахъ, ахъ...

Ей помогъ нашъ докторъ.

Лучше всѣхъ, изъ присутствующихъ; владѣлъ собой, конечно, я и послѣ «Вѣчной памяти» почувствовалъ даже нѣчто вродѣ радости отъ сознанія, что все самое непріятное уже позади.

Оставалось только раздобыть вагонъ-теплушку для гроба и его спутниковъ.

IV.

Всѣ желѣзнодорожники всегда казались мнѣ или безтолковыми людьми, или взяточниками. Такъ вышло и на этотъ разъ: три дня кряду я ходилъ на станцію, кричалъ и даже грозилъ, но вагона достать не могъ. И все-таки легче было ругаться съ начальникомъ станціи, чѣмъ сидѣть вечеромъ въ обществѣ Лидіи Михайловны.

Днемъ она не отходила отъ гроба, который поставили въ цейхгаузъ и, такъ таки буквально, не завтракала и не обѣдала, исхудала до послѣдней степени, но казалась еще болѣе красивой, выражаясь банально: «не отъ міра сего».

И молчала, молчала, молчала. . .

А мнѣ какъ разъ нужно было переговорить съ ней относительно нѣкоторыхъ вещей, оставшихся послѣ ея мужа. Кромѣ чемодана, который я передалъ ея денщику Хоменкѣ, у меня оставался еще портфель съ ея же фотографіями и письмами, но Лидія Михайловна всякій разъ произносила деревяннымъ голосомъ:

— Объ этомъ послѣ. . .

Я никогда не видалъ такой любви и такой, никакими словами невыразимой, тоски. Глядя на нее, дѣлалось неловко и приходило въ голову: значитъ, всѣ эти рассказы о легкомысленныхъ вдовахъ и быстромъ забвеніи не всегда правда. И даже Лермонтовъ, великій сердцевѣдъ, вольно или невольно, оклеветалъ женщину, когда писалъ:

Пускай она поплачетъ,
Ей ничего не значитъ. . .

О чемъ Лидія Михайловна думала и чего ждала отъ дальнѣйшей жизни, — я никакъ не могъ себѣ пред-

ставить. Тонкое это дѣло, — не мужское. И бывало мнѣ стыдно отъ того, что я никакъ не умѣлъ выразить ей своего сочувствія: уступилъ свою комнату, кровать, досталъ зеркало... Ну, а больше ничего...

Самъ я помѣстился рядомъ въ маленькой неудобной комнатѣ, а Хоменко на ночь располагался въ холодныхъ сѣняхъ, у дверей своей госпожи и спать не раздваясь; зачѣмъ то клалъ возлѣ себя револьверъ.

Три вечера подрядъ я приносилъ Лидіи Михайловнѣ шоколадъ, варенье и газеты и хотѣлъ сказать что-то серьезное, облегчающее, а говорилъ о томъ, что вотъ сегодня морозъ и нужно будетъ протопить. Боялся быть назойливымъ, но въ то же время мнѣ казалось неудобнымъ оставлять ее одну — не вздумала бы покончить самоубійствомъ. Я даже, какъ то, шепнулъ Хоменкѣ:

— Ты барынѣ своего револьвера не давай.

— Такъ тошно, понимаю... отвѣтилъ онъ.

И по глазамъ солдата было видно, что не только понималъ, что я хочу сказать, но и раздѣлялъ мои опасенія.

Въ цейхгаузѣ, возлѣ гроба, Хоменко поставилъ для своей госпожи бархатное кресло, а вмѣсто коврика разостлалъ, овчиной вверхъ, свой собственный полушубокъ, а самъ ходилъ въ рваной шинели. Я пробовалъ его спрашивать о родныхъ Лидіи Михайловны и о томъ, гдѣ будетъ погребеніе, но солдатъ хмурился и отвѣчалъ:

— Не могу знать.

Днемъ Лидія Михайловна, по большей части, сидѣла, какъ я уже сказалъ, возлѣ гроба, а вечеромъ и до глубокой ночи ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Хо-

менко храпѣлъ, а я лежалъ, ворочался и мысленно тоже ругался.

Хотѣлось, чтобы эта женщина поскорѣе уѣхала.

Однажды, около полудня, я вошелъ въ ея комнату безъ стука, чтобы сообщить, что завтра вагонъ будетъ навѣрное, но засталъ Лидію Михайловну спящей: она лежала одѣтая, чуть подкорчившись и подложивъ правую ладонь подъ щеку. Одна ея тонкая, но изящная нога, въ ботинкѣ на пуговкахъ, чуть спустилась съ кровати. Грудь спокойно подымалась и опускалась. Прядка вьющихся волосъ змѣйкой лежала на блѣдной матовой кожѣ личика, и было много неизъяснимой красоты въ ея ноздряхъ, нѣжномъ, маленькомъ, почти дѣтскомъ ухѣ и во всей безпомощной фигуркѣ.

«Что то вродѣ инсценированной пѣсенки Вертинскаго», подумалъ я. «Ужъ не поддерживаетъ ли она себя кокаиномъ? — вѣдь, кажется, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала, чуть ли не въ первый разъ уснула по настоящему. . .»

V.

На станціи и на этотъ разъ вмѣсто «завтра» вышло «послѣзавтра».

Я вернулся злой и умышленно выпилъ передъ обѣдомъ пять рюмокъ водки, а затѣмъ легъ спать.

Мнѣ приснилась чепуха: будто бы я въ землянкѣ у капитана, онъ живой, но я пришелъ спросить, что дѣлать дальше съ его гробомъ и нужно ли провожать Лидію Михайловну до Могилева? И капитанъ, будто бы, отвѣтилъ:

— Да, я васъ очень прошу объ этомъ, это необходимо для васъ же. . .

Затѣмъ онъ вынулъ изъ рамокъ всѣ фотографіи своей жены и началъ рвать каждую изъ нихъ на мелкіе кусочки, которые бросалъ на полъ. Я хотѣлъ спросить, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, и проснулся.

Сильно билось сердце и во рту чувствовался неприятный вкусъ. Я подумалъ, что не слѣдовало пить водки и велѣлъ денщику подать чаю съ лимономъ. Сновидѣнію я не придалъ, конечно, никакого значенія, такъ дескать: кошмаръ. Къ вечеру забылъ о немъ.

Ужинать я рѣшилъ вмѣстѣ съ Лидіей Михайловной, чтобы заставить ее что-нибудь съѣсть, и это удалось.

Даже удалось уговорить ее выпить полъ рюмки портвейна. Воспользовавшись удобнымъ моментомъ, я спросилъ: желаетъ ли она, чтобы я ее провожалъ въ Россію.

Женщина какъ то неопредѣленно дернула плечикомъ и произнесла:

— Да, было бы хорошо, если бы вы могли проѣхать вмѣстѣ со мной до Могилева.

И это слово, точно молоткомъ, ударило меня по головѣ.

До сегодняшняго дня ни ея покойный мужъ, ни денщикъ Хоменко, ни сама Лидія Михайловна никогда не упоминали названія этого города.

Въ первый разъ оно мнѣ приснилось во снѣ.

Не совсѣмъ ладное ощущеніе пробѣжало по всѣмъ моимъ нервамъ. Вѣроятно, я даже поблѣднѣлъ, потому что женщина покосилась на меня. Овладевъ собой, я хотѣлъ ей сказать относительно портфеля съ фотографіями, но, самъ не знаю почему, не сказалъ и ушелъ.

Въ эту ночь ничего не приснилось.

Утромъ я спросилъ свое начальство, могу ли я сопровождать вдову капитана, и получилъ формальный отпускъ на двѣ недѣли.

Передъ тѣмъ, какъ отправлять гробъ на станцію, сослуживцы убитаго рѣшили отслужить панихиду съ пѣвчими и съ дьякономъ. Мнѣ этого не хотѣлось, я боялся скверныхъ послѣдствій для вдовы и не ошибся. Во время «Вѣчной памяти» опять началась истерика, да такая, что хотъ откладывая отъѣздъ. Два доктора возились съ Лидіей Михайловной и долго не могли ничего подѣлать. Она сама разорвала воротъ кофточки, растрепала волосы, кусала себѣ руки, а, главное, не могла проглотить воды.

Вся картина была похожа на сумасшествіе.

Перспектива пробыть съ ней и съ гробомъ въ вагонѣ нѣсколько сутокъ положительно меня пугала. Тѣмъ не менѣе до наступленія сумерокъ мы погрузились. Товарный вагонъ-теплушку раздѣлили на двѣ части: слѣва въ углу помѣстили гробъ и тамъ-же, на соломѣ, устроился и Хоменко, ближе къ печкѣ поставили кровать для Лидіи Михайловны, а въ другомъ углу я раскинулъ свою походную койку. Запаслись провіантомъ, свѣчами, у Хоменки оказался огромный чайникъ.

Поѣхали прицѣпленные въ хвостѣ какого-то длиннѣйшаго поѣзда, не то воинскаго, не то интендантскаго.

Къ моей великой радости, Лидія Михайловна сейчасъ же уснула. Хоменко топилъ печь, а я лежалъ на койкѣ и въ буквальномъ смыслѣ отдыхалъ. Впрочемъ, вагонъ громыхалъ недолго: черезъ двѣ или три станціи насъ (неизвѣстно почему) поставили на запасный путь и мы простояли до утра.

Оказалось, что отъѣхали всего тридцать шесть верстъ.

VI

Лидія Михайловна продолжала спать. Когда разсвѣло, я надѣлъ полушубокъ, потихоньку отодвинулъ дверь и соскочилъ на снѣгъ.

Розовыя вершины горъ и лиловыя далекіе лѣса не показались мнѣ красивыми, а чужими и некультурными мѣстами. Тамъ и сямъ, изъ-подъ снѣга торчали большіе и маленькіе кресты надъ могилами Петербуржцевъ, Москвичей и Харьковцевъ, изъ которыхъ каждый, какъ и лежавшій въ гробу капитанъ, имѣлъ право успокоиться въ родной землѣ. Но не у каждого изъ нихъ была такая Лидія Михайловна, и долго будутъ гнить ихъ кости въ землѣ печальной Галиціи, красивой, какъ дѣвушка, которую каждый мечтаетъ взять.

Я задумался о женской долѣ вообще, вспомнилъ многихъ, дарившихъ мнѣ свои ласки, но, кажется, не вспомнилъ ни одной изъ нихъ счастливой. И думалось, что въ судьбѣ русской женщины рѣдко встрѣчаются удачные браки, — если есть любовь, такъ нѣтъ денегъ, а если есть деньги, такъ нѣтъ любви. У Лидіи Михайловны было и то, и другое, и, можетъ быть, поэтому потеря близкаго человѣка и сотворила такое никогда мною не виданное отчаяніе.

Я вспомнилъ ея мужа: пажъ по образованію и гвардеецъ по службѣ, онъ больше былъ музыкантомъ, чѣмъ военнымъ, да навѣрное, если бы не это германское выступленіе, — перешелъ въ консерваторію.

Въ покинутомъ богатомъ польскомъ домѣ, гдѣ мы съ капитаномъ встрѣтились уже во время войны, оказался чудомъ уцѣлѣвшій великолѣпный рояль.

Здѣсь размѣстился весь штабъ одного изъ генераловъ, и въ первый же вечеръ, послѣ ужина, капитанъ далъ намъ концертъ.

На слѣдующій день, когда начальство уѣхало, онъ долго импровизировалъ и сыгралъ специально мнѣ какую-то собственную пьесу въ духѣ Скрябина, которую называлъ: «Мое люблю».

Можетъ, это было предчувствіемъ того, что мнѣ именно придется сопровождать его останки. Звуками онъ разсказалъ что-то ласковое, огромное и нѣжное, какъ любовь матери къ первенцу. А потомъ, когда кончилъ играть, много говорилъ о своей женѣ, кажется въ первый и послѣдній разъ.

Генераль берегъ капитана, какъ берегли когда-то Собинова или какой-нибудь другой талантъ, котораго не замѣнить. Но адъютантство, даже при командующемъ арміей, не очень нравилось ему и капитанъ пустился на всякія хитрости, чтобы добиться перевода на передовыя позиціи. Здѣсь я видѣлъ его еще два раза въ той самой землянкѣ, въ которой шальной снарядъ разорвалъ его на части.

Когда взошло солнце, я пошелъ обратно къ поѣзду и встрѣтилъ Хоменко; онъ мнѣ сказалъ:

— Барыня чай кушаютъ и васъ просятъ.

Я съ радостью вскочилъ въ вагонъ и увидѣлъ, что Лидія Михайловна не только пьетъ чай, но и ѣстъ хлѣбъ съ масломъ. Личико ея какъ будто посвѣжѣло, и поздоровалась она со мной какъ-то веселѣе, спросила, гдѣ я былъ, и сама налила мнѣ чаю, спросила также, далеко ли мы отъѣхали, а когда я отвѣтилъ, что всего тридцать шесть верстъ, она съ недоумѣніемъ приподняла правую бровку и даже улыбнулась.

Совсѣмъ ожила.

Цѣлый день, затѣмъ, мы ѣхали довольно скоро, а на ночь опять остановились гдѣ-то недалеко отъ русской границы. Вокзалъ былъ большой и даже съ буфетомъ. Хоменко принесъ намъ цѣлую жареную утку и заварилъ чай.

На дворѣ трещалъ морозъ и ярко искрились возлѣ электрическихъ фонарей крохотныя льдинки. Люди не бѣгали, а ходили спокойно. Настоящей войны здѣсь уже давно не видали, и радостно было отъ сознанія, что сюда навѣрное не прилетитъ шальной снарядъ и не нужно будетъ по тревогѣ куда-то бѣжать и собираться.

Въ нашемъ вагонѣ было очень тепло, и отъ того, что онъ освѣщался единственной свѣчкой въ фонарѣ, казалось еще уютнѣе.

Пужинавъ мы еще долго не собирались спать. Одинъ Хоменко мирно и сладко задремалъ возлѣ гроба.

VII.

Лидія Михайловна вдругъ разговорилаь:

— Я сама до сихъ поръ не знаю, выходила ли я замужъ по любви, но зато знаю навѣрное, что другого такого человѣка, какимъ былъ Сергѣй, нѣтъ, не было и не будетъ. Знаете, мнѣ не такъ жаль себя, какъ жаль русское искусство, потерявшее такой большой и еще недостаточно проявившій себя талантъ. Я всегда вѣрила въ высшую справедливость... Но какая справедливость въ томъ, что погибъ Сережа; до сихъ поръ не могу понять, а очень хочется: зачѣмъ онъ погибъ?

Когда-то мы съ мужемъ, года за два до начала войны, были въ Тифлисѣ, ну и пошли на могилу Григо-

ѣдова. Я только здѣсь узнала, что Грибоѣдовъ былъ убитъ уже немолодымъ человѣкомъ, а женѣ его Нинѣ было тогда всего шестнадцать лѣтъ. Да... И вотъ я прочла на его могильномъ камнѣ четверостишіе, которое написала эта самая шестнадцатилѣтняя Нина:

Умъ и дѣла твои безсмертны
Въ памяти русской,
Но для чего пережила
Тебя любовь моя?..

И затѣмъ я узнала, что она прожила вдовой двадцать девять лѣтъ и умерла, не полюбивъ другого и не перемѣнивъ фамиліи. Тогда я ее не понимала, хотя удивлялась и преклонялась. Но послѣ того, что произошло съ Сергѣемъ, — понимаю. И знаете почему, мнѣ кажется, она не вышла замужъ? Потому, что и послѣ физической смерти Грибоѣдова, каждую минуту и каждый часъ, вездѣ и всегда чувствовала его присутствіе, вотъ какъ я.

Лидія Михайловна замолчала, и глаза ея опять сдѣлались строгими и серьезными, даже страшными. Я невольно покосился на гробъ, но хотѣлось, чтобы женщина продолжала свой рассказъ. Лидія Михайловна тоже покосилась въ ту сторону и опять заговорила.

— Вы знаете, когда онъ уѣхалъ на войну, я осталась у мамы въ Петербургѣ вмѣстѣ съ сестрой Лизой. И мы продолжали жить довольно легкомысленно. Я не сомнѣвалась, что война окончится скоро и полной побѣдой русскихъ, а во-вторыхъ, что Сережа останется цѣлъ и невредимъ... Въ самомъ дѣлѣ, генераль взялъ его къ себѣ адъютантомъ, и можно ли было ожидать?.. Вѣдь, сами нѣмцы говорятъ, что такихъ войскъ, какъ наши, нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ... Когда стрѣляла

гвардейская артиллерія, они были увѣрены, что это пальба Михайловскаго артиллерійскаго училища. Офицеры, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, оказывались героями. . . Да и Сережа, — вѣдь онъ выпросилъ, вымолилъ это назначеніе на передовыя позиціи; почти въ каждомъ письмѣ онъ писалъ, что штабная жизнь ему противна. И хотя я умоляла его не переводиться, но онъ не послушалъ и меня. . .

Лидія Михайловна нахмурилась и замолчала.

Я вспомнилъ, что, собираясь въ дорогу, такъ и забылъ взять съ собой портфель съ ея фотографіями, и сказалъ объ этомъ, желая вызвать ее на дальнѣйшій разговоръ, но она только коротко произнесла:

— Это неважно, потомъ вышлете. . .

Затѣмъ какъ-то нахохлилась, закуталась въ пуховой платокъ и безъ словъ дала понять, чтобы я ни о чемъ больше не спрашивалъ.

Быль уже двѣнадцатый часъ ночи, станціонная жизнь чуть притихла, гдѣ-то въ другомъ воинскомъ поѣздѣ солдаты что-то запѣли и было слышно, какъ, должно быть, фельдфебель на нихъ прикрикнулъ:

— Ночью пѣсенъ пѣть не полагается.

Перекликались маневрировавшіе паровозы. Я снова одѣлся и пошелъ узнать, когда мы поѣдемъ дальше.

Пришлось перелѣзть черезъ площадку вагона санитарнаго поѣзда. Должно быть, это былъ вагонъ-операционная, съ большими матовыми стеклами, напоминавшими бѣлья на огромныхъ глазахъ. Я подумалъ, что тамъ, за этими окнами, много страданія; неизвѣстно, что лучше: спокойно-ли лежать въ цинковомъ гробу, или ожидать, что вотъ завтра тебѣ отрѣжутъ обѣ ноги? . .

VIII

Я пролѣзъ еще подъ двумя воинскими поѣздами и черезъ перонъ попалъ въ большой, станціонный залъ, заплеванный и дымный, набитый евреями, галиційскими мужиками и бабами съ дѣтьми. Пробираясь среди людей, я вышелъ на крыльцо. Здѣсь тоже было много народа, и плѣнныхъ австрійцевъ и своихъ. Но до города оказалось не менѣе четырехъ верстъ.

Великолѣпное, окутанное голубымъ снѣгомъ, шоссе начиналось сейчасъ-же отъ вокзала; обсаженное, по обѣимъ сторонамъ, заиндивѣвшими тополями, оно тянулось суживающейся лентой къ тому мѣсту, гдѣ фосфорилось электрическимъ свѣтомъ небо надъ чужимъ и неизвѣстнымъ мнѣ большимъ городомъ.

Безъ всякой причины этотъ городъ казался несимпатичнымъ, набитымъ людьми, говорящими на польскомъ, нѣмецкомъ и еврейскомъ языкахъ, съ обычными тыловыми кафешантами, кинематографами и ресторанами, выкачивающими офицерскія деньги.

Я круто повернулся и опять черезъ залъ пошелъ къ дежурному по станціи, отъ котораго узналъ далеко неутѣшительныя вѣсти, что на ближайшемъ участкѣ испорченъ мостъ: не то его взорвали какіе-то подкупленные нѣмцами злоумышленники, не то отъ мороза лопнула ферма, но безъ пересадки ѣхать дальше было нельзя.

И врядъ ли раньше, чѣмъ черезъ трое сутокъ, можно будетъ пустить воинскіе и санитарные поѣзда.

Протестовать, просить или хлопотать не имѣло никакого смысла.

Я зналъ, что у меня на трое сутокъ, конечно, хватитъ терпѣнія, но было жаль Лидію Михайловну, для которой каждый лишній день въ дорогѣ являлся, какъ мнѣ казалось, истязаніемъ. Я рѣшилъ не говорить ей объ этомъ до утра. Прогулялся еще нѣсколько разъ, взадъ и впередъ по путямъ, и медленно подошелъ къ нашему поѣзду. Стараясь не гремѣть дверью, я отодвинулъ ее и на мускулахъ рукъ поднялся въ теплушку.

Лидія Михайловна сидѣла все въ той же позѣ. Я не вытерпѣлъ и сказалъ ей, что мы еще не скоро уѣдемъ отсюда.

— Ну, что жъ, значитъ такъ нужно... — произнесла она совершенно равнодушнымъ голосомъ и начала стлать свою постель.

Я наглухо задвинулъ и заперъ дверь вагона, помѣшалъ едва тлѣвшую печку и тоже легъ на койку.

Послѣ чистаго воздуха заснулъ сразу и съ удовольствіемъ.

На утро морозъ усилился до двѣнадцати градусовъ. Хоменко подъ тулупомъ тоже проспалъ и неумытый, виноватымъ голосомъ, спрашивалъ Лидію Михайловну, что ему дѣлать, бѣжать ли сначала за кипяткомъ, или топить печку?

— Лучше топи, — отвѣтила она, взяла пуховый платокъ и окуталась имъ поверхъ шубки.

На цинкѣ гроба выступилъ иней, и было непріятно глядѣть въ сторону, думалось, что и послѣ смерти ему не тепло и не покойно.

Когда затрещалъ и задымилъ коксъ, сразу сдѣлалось легче, а послѣ горячаго чая и совсѣмъ хорошо — стало даже жарко. Изъ щели чуть отодвинутой двери валилъ паръ.

Лидія Михайловна захотѣла прогуляться и, къ моему удивленію, вернулась нескоро, вся розовая, съ морозными блестками на крепѣ вуали и такая красивая, какой я ее еще ни разу не видалъ.

Разсказала, что прошла далеко по шоссе, почти до самага города, а назадъ пріѣхала на крестьянскихъ санкахъ, запряженныхъ маленькими, мохнатыми, заиндивѣвшими дошадками. При словѣ «иней» я снова покоился на гробъ, но металлъ уже оттаялъ, и цинкъ теперь казался вспотѣвшимъ. Я видѣлъ, какъ Хоменко вытеръ бережно, почти благоговѣйно, его тряпкой.

Обѣдать мы ходили на вокзалъ, гдѣ насъ накормили очень скверно, но приподнятое настроеніе Лидіи Михайловны не упало; возвращаясь, она даже пошутила, что наше путешествіе, вѣроятно, благополучно и скоро не окончится, потому что весь поѣздъ замерзаетъ. Дѣйствительно, и вагоны и колеса казались бѣлыми и приросшими къ рельсамъ. Пріятно было опять забраться въ теплушку.

Въ шестомъ часу стало совсѣмъ темно, на дворѣ поднялся вѣтеръ.

Когда мы уже собирались спать, въ дверь кто-то постучалъ, сначала робко, а затѣмъ сильнѣе. Я подумалъ, что станціонное начальство хочетъ насъ извѣстить о скоромъ отправленіи поѣзда и не безъ радости пріоткрылъ щель.

Но оказалось, что три какихъ-то пріѣхавшихъ изъ города офицера разыскиваютъ своихъ сослуживцевъ или начальство, — я не могъ разобрать за свистомъ вѣтра и отвѣтилъ, что они не туда попали.

Должно быть тепло, воздухъ и свѣтъ нашего огонька соблазнили стоявшаго впереди одѣтаго въ

бурку и папаху и замотанного въ башлыкѣ; онъ вдругъ крикнулъ:

— Не разрѣшите ли намъ обогрѣться?

Я отвѣтилъ, что здѣсь гробъ и дама, но человѣкъ въ буркѣ опять не разслышалъ и, всунувъ голову въ дверь, снова попросилъ обогрѣться.

— Конечно, конечно, пусть войдутъ, неожиданно сказала Лидія Михайловна.

Одинъ за другимъ они влѣзли въ теплушку и, увидѣвъ женщину въ траурѣ и гробъ, всѣ трое очень смутились.

На папахѣ самага высокаго изъ нихъ я не замѣтилъ офицерской кокарды, второй былъ въ полушубкѣ съ погонями поручика и въ фуражкѣ, а третій — флотскій офицеръ, совсѣмъ молоденькій, безъ мѣхового воротника и безъ башлыка, съ побѣлѣвшими отъ мороза рѣсницами.

— Габіевъ, отрекомендовался человѣкъ въ буркѣ.

— Ивановъ, — коротко произнесъ второй.

— Лейтенантъ Васильевъ, пробормоталъ замерзающій мальчикъ.

— Садитесь, господа, возлѣ печки и грѣйтесь, — пригласила ихъ Лидія Михайловна, а ты, Хоменко, поставь на огонь чайникъ и достань ромъ.

Она какъ будто смутилась и удивилась неожиданнымъ гостямъ, но рада была имъ помочь.

Денщикъ недовольно косился, приготовляя посуду.

IX.

Минутъ десять всѣ молчали, а когда начали пить чай, то слышалось только: «не безпокойтесь», «спасибо», «очень благодаренъ».

Первый Габіевъ, послѣ третьяго стакана, усмѣхнулся и, съ явно восточнымъ акцентомъ, произнесъ:

— Боже мой, какъ у васъ здѣсь хорошо, совсѣмъ душа оттаяла.

Онъ былъ, безусловно, интересенъ и даже очень красивъ: и дикарской нахальной наивностью, и тонкими чертами лица, и граціозными движеніями... Его темные и томные глаза внимательно разсматривали Лидію Михайловну. Габіевъ кивнулъ головой въ сторону гроба, вздохнулъ и, давая понять, что не хочетъ ни о чемъ спрашивать, тихо сказалъ:

— Ай, ай, какое несчастье.

Лидія Михайловна ничего не отвѣтила.

Поручикъ попросилъ разрѣшенія закурить, а за нимъ и лейтенантъ; — онъ оказался изъ Гельсингфорса. У моряка и Лидіи Михайловны даже нашлись общіе знакомые по Петербургу.

Во время одного изъ походовъ возлѣ Ревеля лейтенантъ былъ раненъ осколкомъ брошенной съ нѣмецкаго аэроплана бомбы.

Когда онъ разсказалъ объ этомъ, я замѣтилъ, что у него почти все время трясется голова.

— А скажите, вдругъ спросила Лидія Михайловна, пріятное, все-таки, было чувство отъ сознанія, что смерть миновала?

— Нѣтъ, отвѣтилъ морякъ, тогда я былъ убѣжденъ, что меня убьютъ и получилось даже нѣчто вродѣ разочарованія. Теперь же, когда я негоденъ для строевой службы и прикомандированъ въ главному морскому интенданту, бываетъ тяжело отъ сознанія своей ненужности, какъ офицера. У меня съ позвоночникомъ неладно, но я выздоровлю и опять вернусь на минную

бригаду. Боевые походы миноносцевъ самое интересное, а на дредноутѣ скучно: сидишь, какъ въ ямѣ, и только исполняешь все по сигналамъ и по звонку... Я смерти не боюсь не потому, что я храбрый, а оттого, что знаю навѣрное, что ни одинъ человѣкъ не можетъ умереть иначе, какъ въ назначенный ему день и часть, и всякая смерть одного случается для счастья другого...

— Это вѣрно — убѣжденно отозвался Габіевъ.

Поручикъ только пожалъ плечами, — дескать, какъ можно говорить такія глупости...

Лидія Михайловна заинтересовалась этой философіей и опять спросила лейтенанта:

— Ну, хорошо, а скажите, по совѣсти, вы вѣрите въ загробную жизнь?

— Не только вѣрю, а даже навѣрное знаю, что она есть, горячо отвѣтилъ лейтенантъ.

— Какія-же у васъ для этого доказательства?

— Какія? А вотъ какія. Когда мы жили въ Севастополѣ, у насъ на квартирѣ стояла вдова одного капитана перваго ранга, — ея мужа растерзали матросы во Владивостокѣ въ 1905 году. Она очень любила мужа, ну и начала заниматься спиритизмомъ...

Когда погибла подводка * * — никто не зналъ, спасся ли съ нея хоть одинъ офицеръ?.. И вотъ эта дама и съ ней еще другая устроили сеансъ и сказали намъ фамиліи оставшихся въ живыхъ... Черезъ три дня стало извѣстно, что спаслись тѣ самые офицеры, фамиліи которыхъ она назвала... Вѣдь ни она и никто другой не могъ знать этого въ тотъ моментъ, когда происходилъ сеансъ...

— Это вѣрно, снова пробормоталъ Габіевъ и мотнулъ головой.

— Да, продолжалъ Васильевъ, вотъ поэтому то я лично и не боюсь смерти, но умирать мнѣ не хочется. Вообще, офицеръ, боящійся смерти, мнѣ кажется, уже не офицеръ и лучше ему тогда перейти на какую-нибудь нестроевую должность. . .

Артиллерійскій поручикъ Ивановъ вдругъ сказалъ:

— Я съ вами вполне согласенъ, но сдѣлаю оговорку: офицеръ не долженъ бояться смерти на войнѣ, но погибнуть отъ руки хулигана — страшно и досадно, и обидно. . .

Затѣмъ всѣ мы и я, (можетъ быть офицерамъ передавалась моя мысль), сразу почувствовали, что, если неудобно въ домѣ повѣшеннаго говорить о веревкѣ, то тѣмъ болѣе ненужно говорить въ присутствіи вдовы, да еще и возлѣ гроба убитаго, о смерти вообще. Лейтенантъ какъ будто спохватился, и начали рѣшать вопросъ, увеличится или не увеличится на завтра морозъ?

Одинъ Габіевъ опять хотѣлъ разсказать о томъ, какъ его чуть не застрѣлили, но я нарочно перебилъ восточнаго, можетъ быть, черезчуръ прямолинейнаго человѣка и спросилъ, не слыхалъ ли онъ, когда пойдутъ поѣзда.

— Ничего не слыхалъ, каждый день на станцію ходилъ и со станціи ходилъ — вотъ и бариню встрѣчалъ, когда она гуляла, а ничего не узналъ.

«Ага, голубчикъ, подумалъ я, значитъ ты не случайно попалъ въ нашъ вагонъ и предполагалъ, кого здѣсь встрѣтишь». . .

Лидія Михайловна казалась очень утомленной, и я уже безъ церемоніи громко произнесъ:

— А не пора ли нашей хозяйкѣ спать?

Офицеры согласились, что пора; впрочемъ, былъ ли Габіевъ офицеромъ, я не зналъ. Самъ онъ какъ то, между словами, назвалъ себя «всадникомъ» и все время не снималъ бурки, такъ что нельзя было видѣть, есть ли у него на черкескѣ погоны, а слишкомъ щегольской кинжалъ на поясѣ — ничего не говорилъ.

Гости сдѣлали видъ, что собираются уходить, но Лидія Михайловна просто и мило заявила, что въ такой морозъ никого не отпустить и предложила переночевать въ вагонѣ. Всѣ явно обрадовались и начали располагаться на соломѣ вокругъ непотухавшей печки. Перекинулись нѣсколькими фразами и замолчали.

Я потушилъ фонарь.

Первымъ захрапѣлъ Габіевъ. Скоро мѣрно начали сопѣть и морякъ, и артиллеристъ.

Не знаю, задремала ли Лидія Михайловна, но въ эту ночь я совершенно не могъ заснуть: ворочался, разстегивалъ воротъ кителя, клалъ поудобнѣе подушку, ничего не помогало.

Необъяснимое, тяжелое предчувствіе мучило каждый мой нервъ. Я не узнавалъ самого себя.

Х.

Морякъ и артиллеристъ поднялись съ разсвѣтомъ, поглядѣли на спящую Лидію Михайловну и, попросивъ передать ей благодарность за гостепріимство и стараясь не гремѣть дверью, безшумно соскочили на еще казавшійся голубоватымъ снѣгъ.

Габіевъ продолжалъ храпѣть и по временамъ чмокалъ губами, точно ѣлъ что-то вкусное. Хотѣлось толкнуть его ногой въ бокъ; я видѣлъ, какіе недобро-

желательные, даже враждебные взгляды бросалъ на него всегда кроткій Хоменко.

Но красивое животное продолжало спать и тогда, когда проснулась Лидія Михайловна.

Она даже улыбнулась и, махнувъ ручкой, промолвила:

— Не трогайте его...

Восточный человѣкъ вскочилъ только тогда, когда былъ готовъ чай, сверкнулъ зубами, и, сдѣлавъ полупоклонъ въ сторону хозяйки, сказалъ:

— Первый разъ въ жизни такъ хорошо спалъ.

Она опять улыбнулась.

Я почувствовалъ что то вродѣ большой и больной злости. Но это не было ревностью, а если и ревностью, — то относящейся не къ ней.

Лидія Михайловна сама наливала ему чай, хотя это порывался сдѣлать Хоменко.

Габіевъ пилъ и пилъ съ большимъ аппетитомъ, затѣмъ поблагодарилъ, но не выразилъ никакого намѣренія откланяться. Онъ ушелъ въ полдень и вмѣстѣ съ Лидіей Михайловной. Вернулись они передъ вечеромъ и тоже вмѣстѣ.

Я увидѣлъ ихъ еще издали медленно идущими по розовому вечернему снѣгу, и мнѣ показалось, что вдова капитана опиралась на руку стройнаго, чуть покачивавшагося на ходу азіата.

Цѣлый вечеръ онъ рассказывалъ какія-то чудеса о Кавказѣ, а она слушала.

Не знаю, казалось ли мнѣ, или это было такъ на самомъ дѣлѣ, но, обращаясь ко мнѣ, и Габіевъ, и Лидія Михайловна, какъ будто стали говорить новымъ пренебрежительнымъ тономъ.

Несомнѣнно, что у этого субъекта было въ городѣ мѣсто, гдѣ онъ могъ переночевать, и, тѣмъ не менѣе, онъ получилъ приглашеніе и снова остался на ночь въ вагонѣ. Хотѣлось ругаться или вытолкать «всадника» въ шею, хотѣлось просто указать ей на гробъ мужа, но я какъ-то растерялся. Вся моя душа удивлялась и просила объясненія у разсудка, а разсудокъ ничего не могъ отвѣтить, кромѣ одного слова:

— Женщина...

Я не могъ заснуть и въ эту ночь, а Габіевъ храпѣлъ еще громче, и раскинулся въ еще болѣе живописной позѣ.

Утромъ Хоменко переглядывался со мной. Чувствовалось, что онъ такъ же, какъ и я, ничего не понимаетъ и оскорбленъ въ лучшихъ своихъ чувствахъ и по отношенію къ барынѣ и къ тому, кто лежалъ въ цинковомъ гробу. Только дисциплина не позволяла ему, настоящему солдату, съ негодованіемъ спросить: что же это все значить?

Ставъ смирно, онъ все-таки спросилъ меня:

— Ваше высокоблагородіе, чи нашъ поѣздъ сегодня поидеть, а чи не поидеть?

— А вотъ я сейчасъ пойду и узнаю, — отвѣтилъ я и не пошелъ, а побѣжалъ къ начальнику станціи.

Здѣсь, къ великой моей радости, мнѣ сказали, что путь исправленъ и что нашъ вагонъ будетъ прицѣпленъ къ пассажирскому поѣзду, который непременно отойдетъ въ восемь часовъ вечера.

Сразу стало легче.

Я медленно возвращался и смаковалъ въ душѣ, какъ расскажу объ этомъ Лидіи Михайловнѣ, и представлялъ

себѣ, какъ недовольно сморщить свой горбатый коричневый носъ — нашъ навязчивый гость.

Сверкающій, солнечный день бодрилъ, а мысль, что черезъ сутки я можетъ быть увижу настоящій русскій городъ, утѣшала меня. Но затѣмъ пришло въ голову: «а что если этотъ «всадникъ» вздумаетъ провожать насъ до самаго Могилева?.. Не мѣшало бы спросить у него документы... Но какое же я имѣю право?»...

Не хотѣлось въ вагонъ: — душа сопротивлялась, и глаза просили не видѣть ни Габіева, ни мою спутницу.

Я старался понять и не понималъ, что это «голосъ жизни» Гамсуна, реакція или безуміе, и что можетъ быть общаго между тоненькой аристократической фигуркой этой женщины и ея заплаканными глазами и нелѣпымъ, огромнымъ, даже плохо понимающимъ по русски, а можетъ быть и неграмотнымъ кавказскимъ человѣкомъ?

Я опять вернулся на станцію и пообѣдалъ въ одиночествѣ.

Тѣмъ не менѣе пойти и сказать было необходимо, хотя-бы для того, чтобы сообразить, что дѣлать дальше. Я не засталъ ихъ въ вагонѣ.

Возлѣ гроба сидѣлъ одинъ Хоменко. Онъ всталъ и впросительно посмотрѣлъ на меня.

— Сегодня ѣдемъ, произнесъ я.

— Слава тебѣ, Господи, отозвался денщикъ и сейчасъ же спросилъ: а послѣ погребенія въ чьемъ я буду распоряженіи?

— Вѣроятно, тебя отправятъ въ штабъ полка черезъ воинскаго начальника.

— А въ отпускъ нельзя хоть на недѣлку?

— Ты мнѣ тамъ напомнишь, и если можно будетъ, я похлопочу.

Въ этотъ моментъ Габіевъ ловко и сильно поднялъ Лидію Михайловну въ вагонъ, а затѣмъ и самъ вскочилъ однимъ прыжкомъ, точно на коня сѣлъ.

Я сейчасъ же объявилъ, что вагонъ сегодня направляется дальше. Глаза женщины расширились, и она спросила:

— Это навѣрное?

— Навѣрное.

Габіевъ вдругъ покраснѣлъ и посмотрѣлъ сначала на Лидію Михайловну, потомъ на меня.

Она прошла възадъ и впередъ по вагону, остановилась и, обращаясь къ кавказцу, сказала:

— Въ такомъ случаѣ приходите ровно въ шесть, а пока я должна написать письмо.

Габіевъ приложилъ руку ко лбу и, не обращая вниманія на меня, легко и безшумно спрыгнулъ на снѣгъ.

Вдова достала изъ чемоданчика почтовую бумагу и химическій карандашъ, сѣла на своей постели, подложила книгу и начала быстро писать. Минуть черезъ десять она запечатала конвертъ, надписала адресъ и, обращаясь ко мнѣ, сказала:

— Пойдемте пройдемтесь, я должна вамъ кое-что сообщить.

Я насторожился.

Когда мы отошли отъ вагона шаговъ на десять, женщина заговорила, немного волнуясь:

— Видите-ли, вы можете обо мнѣ думать все, что угодно, но я пока останусь въ этомъ городѣ... Будьте

добры передать это письмо мамѣ, которая уже знаетъ. . .

Что знаетъ, — Лидія Михайловна не договорила, потому что въ этотъ моментъ я почти крикнулъ:

— А гробъ? . .

— Гробъ повезете вы. Повторяю, думайте обо мнѣ, что хотите, — я очень благодарна вамъ за все вниманіе. . . Больше ничего вамъ сказать не могу. . .

Я взглянулъ ей прямо въ глаза. Зрачки женщины показались мнѣ мутными, впрочемъ, она сейчасъ же опустила вѣки и, глядя на снѣгъ, добавила:

— Еще просьба: до самаго отъѣзда не говорите ничего моему солдату.

— Слушаюсь, — отвѣтилъ я уже совсѣмъ официально и молча проводилъ ее до вагона.

Но Хоменко и такъ все понялъ, потому что Лидія Михайловна начала укладывать свою постель и приказала ему затянуть ремни.

Ровно въ шесть часовъ пришелъ къ вагону Габіевъ и самъ взялъ ея вещи.

Лицо у Хоменка было растерянное.

Прощавшись со мной (я не нашелъ въ себѣ силъ поцѣловать ей руку), Лидія Михайловна ткнула Хоменкѣ смятую сторублевку и неестественно громко говорила:

— Ну, желаю тебѣ всего хорошаго.

— Счастливо оставаться, — автоматически произнесли губы денщика.

И великой, великой ироніей прозвучали эти скромныя слова.

Когда мы поѣхали, и Хоменко зажигалъ новую свѣчу въ фонарѣ, я замѣтилъ на его глазахъ слезы.

Интересно было бы знать, что онъ думалъ, но особое чувство подсказывало мнѣ, что лучше не разговаривать и не спрашивать, изъ уваженія къ тому, чьи останки мы веземъ.

И вообще, что больше не нужно «ни пѣсенъ, ни слезъ».

Ростовъ на Дону 1919

Свадьба.

Дворъ былъ большой, зеленый, и дѣти всѣхъ квартирантовъ чувствовали себя здѣсь великолѣпно. Малыши возились въ пескѣ, насыпанномъ въ углу, возлѣ сарая. Всякаго пола школьники играли на травѣ въ «городки» и бѣгали въ «палочку-ручалочку». Что-же касается «почти взрослыхъ», какъ величали ихъ, не безъ укора, папы и мамы, то эта компанія расположилась въ другомъ углу, въ палисадникѣ, подъ нѣсколькими тѣнистыми липами. Здѣсь читали, спорили и, случалось, даже играли въ карты, и немножечко влюблялись.

Окно нанимавшаго комнату въ одномъ изъ флигелей студента Андреева выходило какъ разъ въ этотъ уголокъ «почти взрослыхъ». Веселые голоса мѣшали ему готовиться къ экзаменамъ, а сидѣть съ закрытымъ окномъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было невозможно.

Впрочемъ, еще сильнѣе, чѣмъ голоса, мѣшала ему еще хорошенькая головка шестиклассницы Любы — самой молчаливой изъ всей компаніи. Съ учебникомъ Иловайскаго въ рукахъ она цѣлый день тихо покачивалась въ гамакѣ, иногда отталкиваясь стройной ножкой въ черномъ чулкѣ и лакированной туфелькѣ о стволъ ближайшаго дерева.

Андрееву была видна и ея головка съ двумя косками по плечамъ. Когда солнце свѣтило особенно весело, волосы Любы казались каштановыми и замѣтенъ былъ нѣжнѣйшій пушокъ на щекахъ.

Андреевъ пробовалъ познакомиться съ ея родными и намекалъ, что онъ очень хорошій репетиторъ и согласенъ давать уроки на какихъ угодно условіяхъ, но ему отвѣтили, что Любочка и сама отлично учится и кандидатка на золотую медаль.

Вечеромъ въ этотъ день студентъ думалъ: «что-жъ, что хорошо учится, а развитія навѣрное никакого и о художественной литературѣ она имѣетъ представленіе только по хрестоматіи Поливанова»...

И затѣмъ приснилась ему Люба, будто онъ сидитъ рядомъ съ ней въ гамакѣ и держитъ ее за тоненькую талію...

«Глупости, глупости»... говорилъ онъ самъ себѣ утромъ, «нужно учиться и больше ничего!»...

А эти глупости не по днямъ, а по часамъ выростали въ такое «влюбленіе», что иногда плакать хотѣлось. Голова отлично знала, что слѣдуетъ только перемѣнить квартиру, и все будетъ хорошо, а сердце отвѣчало: «ни за что на свѣтѣ!»

И лопнули экзамены. А Любочка перешла въ седьмой классъ съ наградой и стала еще серьезнѣе, и еще молчаливѣе. И никакъ, ни съ какой стороны невозможно было съ ней разговаривать. Уходила она изъ дому только въ ближайшую церковь и тамъ все время стояла передъ иконою Спасителя, и такъ горячо молилась, точно была великой грѣшницей.

У Андреева явилась возможность уѣхать на урокъ въ деревню, но онъ отказался и предпочелъ вечернія

занятія въ конторѣ трамвая за сорокъ рублей въ мѣсяцъ.

И цѣлое лѣто глядѣлъ на каштановую головку, на длинныя рѣсницы и мучился.

Только къ осени чуть стало легче, потому что изъ Петербурга пріѣхалъ въ десятидневный отпускъ братъ Любы, юнкеръ Павловскаго училища — Володя, такой-же черноглазый, такой-же серьезный, но болѣе разговорчивый.

Юнкеръ курилъ и въ первый вечеръ пріѣзда сидѣлъ вмѣстѣ съ «почти взрослыми» въ палисадникѣ, вынулъ папиросу, но, оказалось, что забылъ спички. Андреевъ моментально сообразилъ и подаль изъ окна брату Любы желтенькую коробочку. Такъ и познакомились, и разговорились. Узнавъ, что Андреевъ математикъ и собирается избрать спеціальностью астрономію, Володя очень заинтересовался.

Когда наступила прозрачная, чудесная ночь, Андреевъ показывалъ созвѣздія и говорилъ, какъ называется каждое, и общалъ выхлопотать разрѣшеніе у профессора побывать на слѣдующую ночь въ университетской обсерваторіи и посмотреть въ телескопъ.

На слѣдующій день съ утра волновался, бѣгалъ, ѣздилъ куда-то на дачу за городомъ, къ профессору, забылъ пообѣдать и не пошелъ въ трамвайную контору, но разрѣшеніе досталъ.

Былъ убѣжденъ, что пойдутъ только вдвоемъ съ юнкеромъ, и чуть не умеръ отъ радости, когда выразила желаніе поглядѣть на звѣзды и бывшую уже на ущербѣ луну и Любочка.

«Д-д-а!.. за терпѣніе Богъ даетъ спасеніе» — думалъ Андреевъ, осторожно наводя инструментъ на

Марсь. . И также осторожно, неожиданно для себя, взявъ Любочку за плечи и, поворачивая всю ее, показывалъ, какъ нужно сѣсть, и спрашивалъ — видитъ ли она красноватый, золотой шарикъ. Около двухъ минутъ ихъ головы были совсѣмъ рядомъ, и волосы Любочки нѣсколько разъ коснулись его щеки. . .

Глядя въ бездонную, усыпанную алмазами вѣчность, Андреевъ въ эти моменты ясно чувствовалъ Бога и безъ словъ молился: «сдѣлай такъ, чтобы она рано или поздно была моей женой!»

Но и послѣ этого астрономическаго вечера не произошло въ сердцѣ Любочки ни малѣйшаго сдвига въ сторону Андреева. Онъ подарилъ ей три тома сочиненій Фламмаріона. Сказала «спасибо» — и только. Зато юнкерь не разставался со студентомъ цѣлый день и вечерами; Андреевъ нѣсколько разъ даже обѣдалъ у родителей Любочки и Володи.

За два дня до отъѣзда Володи въ училище случилось еще событіе. Передъ вечеромъ во дворъ вошла грязная, обвѣшанная мѣшками цыганка и, отмахиваясь палкой отъ единственной и не страшной собаченки, пошла кланяться и просить милостыни по кухнямъ. Но ей не повезло — отовсюду ее выпроваживали. Остановившись въ нерѣшительности, цыганка замѣтила палисадникъ съ «почти взрослыми» и, придерживая свои мѣшки, направились скорымъ шагомъ къ молодежи.

Здѣсь ее приняли съ насмѣшками, но не прогнали и даже какъ будто заинтересовались тѣмъ, что она начала говорить.

Цыганка усѣлась прямо на землѣ, брала ладони гимназистовъ, гимназистокъ, студента и юнкера и на какомъ-то тарабарскомъ языкѣ начала предсказывать

будущее. Получивъ отъ Андреева цѣлый серебряный рубль, она вдругъ задумалась, затѣмъ ткнула пальцемъ по направленію къ Любочкѣ и сказала:

— Отъ вона, да вы, паничикъ (и ткнула Андреева въ грудь) теперь оби два сидите, а найдетъ время и поспиль (рядомъ) постановитесь передъ царевскими вратами у церкви; и въ тебѣ, и въ тебѣ будетъ по свѣчкѣ въ рукѣ»...

Вся компанія очень и долго смѣялась, смѣялась, кажется, въ первый разъ и Любочка. А Андрееву хотѣлось отдать цыганкѣ всѣ 27 рублей, которые лежали у него въ кошелькѣ.

Больше цыганка ничего не сказала и, подъ звонкій лай собаченки, размахивая своей палицей, вышла со двора.

Во всей жизни студента это былъ первый огромный вечеръ счастья. Мало вѣрующій вообще, онъ не сомнѣвался, что рано или поздно повѣнчается съ Любочкой. Какъ? Гдѣ?.. Это было все равно. И вся жизнь стала свѣтлой, удивительно прекрасной и полной смысла...

Уѣхалъ Володя. Наступила осень, затѣмъ зима, а Любочка ни за что не хотѣла выйти изъ роли рядовой знакомой Андреева. Онъ написалъ письмо — возвратила черезъ горничную и не распечатаннымъ. Снова пріѣхалъ на Рождественскіе праздники юнкеръ и снова разспрашивалъ объ астрономіи и пошли въ обсерваторію, но Любочка отказалась... Однако, отчаянія въ душѣ Андреева не было, и онъ думалъ: «рано или поздно случится, навѣрное случится»...

Весной у Любочки были выпускные экзамены и она занималась не въ гамакѣ, а въ комнатѣ. Андреевъ ви-

дѣлъ ее только въ церкви, но и то издали, подойти не смѣлъ, и на улицѣ не смѣлъ — прогнала бы.

Въ концѣ мая Любочка получила аттестатъ и серебряную медаль, а Андреевъ зачетъ восьми семестровъ; государственные экзамены нарочно отложилъ на годъ, когда Любочка окончитъ и восьмой классъ.

А лѣтомъ грянула война и все перевернулось вверхъ дномъ. Володя былъ выпущенъ въ офицеры раньше времени, и Андреевъ волею Божіей попалъ въ ту же роту на правахъ вольноопредѣляющагося.

Ихъ полкъ почти цѣлый годъ былъ въ резервѣ и стоялъ далеко отъ того города, гдѣ осталась Любочка. Она писала брату рѣдко и больше открытки, но каждую изъ нихъ Андреевъ перечитывалъ по сто разъ.

Какъ ни «ловчился» Андреевъ, но его все-таки отправили въ училище на четырехмѣсячные курсы прапорщиковъ. И удалось попасть въ тотъ городъ, гдѣ жила Любочка.

Володя провожалъ его и говорилъ:

— Съ вами мы еще встрѣтимся, хотя и имѣю великое хотѣніе перейти въ школу летчиковъ, а вотъ стариковъ своихъ и Любочку я врядъ ли увижу!.. Пожалуйста, пожалуйста заходите къ нашимъ почаще и пишите, а то изъ открытокъ сестры ничего не понятно — кто боленъ, а кто здоровъ...

Андреевъ отвѣчалъ:

— Владимиръ Сергѣевичъ, вы младше меня, но вы являлись моимъ начальникомъ, полуротнымъ... И право же, эти дни съ вами были лучшими днями моей жизни. И нѣтъ того на свѣтѣ, чего бы я не сдѣлалъ для васъ.

— Знаю...

И одно это слово было нѣжнѣе и важнѣе всего сказаннаго и до, и послѣ.

Андреевъ не пошелъ къ Любочкѣ; пока не былъ готовъ юнкерскій мундиръ и шикарные, свои, «выходные» сапоги. Постригся, побрился и загорѣлый, здоровый, казалось, помолодѣлъ на пять лѣтъ.

Даже во рту у него пересохло, когда онъ вошелъ черезъ калитку знакомаго, все еще зеленаго двора. Звонокъ не дѣйствовалъ, и потому пришлось постучать. Отворила Любочка.

— Ахъ... Это вы—ы—ы... И не покраснѣла.

— Такъ точно, — немножко бравируя, отвѣтилъ Андреевъ и увидѣлъ, какъ отъ счастья покачнулась вся комната. Обѣдалъ, рассказывалъ старикамъ о сынѣ и самъ себя не слышалъ, только услышалъ, какъ Любочка сказала:

— Въ сестры милосердія не собираюсь, а на медицинскіе курсы собираюсь, и совсѣмъ не ради вашей глупой войны!..

— А если война затянется до окончанія вами курса, и васъ потребуютъ?

— Не затянется, — равнодушно и увѣренно отвѣтила она.

И какъ ни просилъ Андреевъ, послѣ обѣда, пойти вмѣстѣ погулять — ни за что не соглашалась, даже въ палисадникѣ посидѣть не захотѣла.

Не словами, а самыми звуками словъ она говорила:

— Я никогда не любила васъ, и не полюблю... И не приставайте ко мнѣ, ради Бога...

Тогда онъ одинъ пошелъ на то мѣсто, гдѣ цыганка говорила свою чепуху, и захотѣлось ему поцѣловать

землю, вытопанную желтенькую травку, по которой ходила Любочка.

За всѣ четыре мѣсяца не мелькнула никакая надежда, но оставалась все та же любовь, уже настоящая и страшная своей неудовлетворенностью.

Андреевъ кончилъ школу первымъ. Но и офицерскіе погоны, и прикомандированіе въ запасный батальонъ гвардейскаго полка — нисколько не тронули Любочку. Она только пожелала ему:

— Всего, всего хорошаго. . .

Точно по лицу ударила. Съ этимъ онъ уѣхалъ и въ Петербургъ. Володѣ писалъ часто, но въ полкъ къ нему уже не хотѣлось — было бы тяжело глядѣть каждый день на такіе же самые глаза, тѣ же брови и родственно похожую улыбку.

Но къ Новому году самъ Володя пріѣхалъ въ Гатчинскую школу военныхъ летчиковъ. Однако, за всю зиму видѣлись всего два, три раза. Не хватало времени.

Андреевъ даже радъ былъ этому. Къ веснѣ началъ хлопотать о переводѣ хотя бы въ армію, но въ дѣйствующую. А батальонный не пускалъ, говорилъ:

— Вы отличный инструкторъ, а получить пулю въ лобъ еще успѣете. . .

И тянулась петербургская гнилая весна скучно, безъ личной жизни. Не хотѣлось ни въ театры, ни на выставки, ни газетъ читать не хотѣлось, ни приказовъ, — какъ будто завидно было. Залетали мысли о Любочкѣ, больно кололи мозгъ и снова исчезали. . .

Андреевъ жилъ въ меблирашкахъ на Васильевскомъ Островѣ, поближе къ казармамъ своего батальона.

Однажды, послѣ занятій, онъ только что хотѣлъ

стащить жмуцій лѣвый сапогъ и отдохнуть, какъ вошла
рябая горничная и сказала:

— Господинъ офицеръ, васъ просятъ къ телефону
изъ Гатчины...

«Володя!» — подумалъ Андреевъ и, натянувъ снова
сапогъ, спустился въ швейцарскую.

— Алло!..

— Прапорщикъ Андреевъ?

— Такъ точно.

— Говорить по порученію начальника школы лет-
чиковъ поручикъ Славинскій... Сегодня, во время учеб-
наго полета упалъ и разбился подпоручикъ, — голосъ
назвалъ фамилію Володи, — онъ еще живъ и хотѣлъ
бы васъ видѣть...

— Сейчасъ выѣду, отвѣтилъ Андреевъ и почувство-
валъ, какъ закололи мелкія иголки по спинѣ.

Забѣжалъ къ ротному, сказалъ, въ чемъ дѣло, и
поѣхалъ на Варшавскій вокзалъ.

Въ госпиталѣ, въ отдѣльной палатѣ, вмѣсто лица
Володи, онъ увидѣлъ что-то похожее на кровавый биф-
штексъ, но бифштексъ этотъ, хотя и слабымъ голо-
сомъ, говорилъ:

— Вотъ... Знаете... Угробилс-я-я... Пошлите те-
леграмму... но ос... осторожно...

— Хорошо. Докторъ говорилъ, что ваше положеніе
не опасно.

— Да!...

Володя помолчалъ и совсѣмъ слабо, почти шопо-
томъ, добавилъ:

— Хоть бы на фронтъ...

А затѣмъ пришла сестра милосердія, не позволила
больше говорить и увела Андреева.

Онъ пошелъ на телеграфъ. Здѣсь испортилъ нѣсколько бланковъ. Наконецъ подумалъ и адресовалъ телеграмму домовладѣлицѣ для передачи Любѣ. Написалъ:

«Не безнадеженъ».

Докторъ говорилъ:

— Право ничего нельзя сказать, все отъ организма, а правую руку, вѣроятно, придется отнять. Двое сутокъ было «безъ перемѣнъ», а на третѣи Володѣ стало значительно легче. Доктора готовились къ операціи.

Андреевъ ходилъ на занятія, какъ деревянный, по ночамъ плохо спалъ. Чувствовалъ, что *она пріѣдетъ*.

Утромъ получилъ письмо изъ Гатчины:

— Я уже здѣсь. Будетъ операція. Сегодня не пріѣзжайте.

Подпись была Любы.

Затѣмъ все будущее было ясно: Люба увезетъ безрукаго брата домой, а самъ Андреевъ на фронтъ...

— Поѣхать въ Гатчину и объясниться въ любви возлѣ койки тяжело больного — это свинство! .. думалъ онъ.

Протянулось еще двое сутокъ и Андреева снова позвали къ телефону. И онъ услышалъ изъ трубки:

— Вчера скончался... Панихида и выносъ тѣла на кладбище сегодня въ 1 ч. дня.

Было десять часовъ утра. Кто говорилъ, Андреевъ не разобралъ.

Заныла голова и затошнило. Не хотѣлось ѣхать, но въ двѣнадцать часовъ поѣхалъ...

Въ вагонѣ даже съ кѣмъ-то разговаривалъ о войнѣ. И до церкви владѣлъ собой хорошо, но когда увидалъ гробъ, опять передернуло. Лицо покойнаго было по-

крыто кисеей. Собралось много офицеровъ. Было и нѣсколько дамъ.

Андреевъ почувствовалъ, что не въ состояніи будетъ глядѣть на гробъ цѣлыхъ четверть часа и, чтобы перехитрить самого себя, прошелъ впередъ, къ царскимъ вратамъ, и очутился къ покойному спиной. Стоялъ и смотрѣлъ въ землю, на закапанный воскомъ коврикъ, пока не раздался голосъ діакона:

— Благослови, Владыко! . .

Старичокъ въ сюртукѣ, съ двумя рядами облѣзлыхъ пуговицъ и съ подносомъ въ рукѣ, подошелъ и подалъ свѣчу.

Когда Андреевъ поднялъ голову, то увидѣлъ, что рядомъ съ нимъ стоитъ дама въ глубокомъ траурѣ и ея свѣча уже горитъ.

Онъ сдѣлалъ шагъ вправо и молча сталъ зажигать отъ ея свѣчи свою, увидѣлъ, что это Любочка, и не зналъ, что дѣлать дальше.

Поклонился и остался рядомъ.

Любочка въ отвѣтъ чуть опустила голову, переложивъ свѣчу въ лѣвую руку, а правой перекрестилась.

Paris 1921

Самое страшное.

В. И. Дмитріеву.

I.

Нашъ миноносецъ — головной, а за нимъ еще два, снялись изъ Севастополя, когда вода въ бухтѣ сдѣлалась уже перламутровой. Какъ цвѣты на нетронутомъ сѣнокосѣ играли впереди предразсвѣтныя тѣни: розовыя, голубыя, фіолетовыя, а веселѣе всѣхъ — зеленыя. За кормой клубилась желтоватая, похожая на мыльную, пѣна.

Дивизионъ вышелъ не на учебную стрѣльбу и не съ тормозящими всякое движеніе «стариками» — кораблями, а въ самостоятельный боевой походъ. Осторожненько, самымъ малымъ ходомъ, прошли возлѣ минныхъ загражденій, миновали Херсонессъ и, вытянувшись въ кильватерную колонну, развили двадцати-трехъ-узловый ходъ.

Когда мы очутились на траверзѣ мыса Сарычъ, вода подъ берегомъ уже сверкала ярко красными тонами и синѣлъ весь горный хребетъ, точно проложенный акварелью на ватманской бумагѣ.

Круто повернули и легли на SW, къ Зунгулдаку...

И думалось: «Боже мой, Боже мой, Ты поселилъ челоуѣка среди такой серьезной красоты, Ты далъ ему разумъ создать такіе дивные четырехтрубные турбинные нефтяники, и Ты, вдругъ, отнялъ у матросовъ способность понимать, что насильственное прекращеніе регулярной войны обязательно кончится ужасомъ, которому не будетъ конца и края... И послѣ трехъ лѣтъ совмѣстнаго боевого плаванья, Ты позволилъ Сатанѣ вложить въ эти храбрыя, окаймленныя георгіевскими ленточками, головы, — будто офицеры ихъ враги и не любятъ ни своей Родины, ни ея чести»...

Такъ думалось потому, что, хотя еще и былъ сентябрь 1917 года, и день Вѣры, Надежды и Любви и матери ихъ, премудрости Божіей, Софіи, но уже слышали мои уши, какъ на среднемъ мостикѣ кто-то кому-то говорилъ:

— Балтійцы, вони за одинъ мѣсяцъ издѣлали настоящую свободу, а мы еще размышляемъ чи можно, чи не можно?...

И послѣ этой, именно, фразы потухла моя вѣра, умерла надежда и погибла любовь, раньше огромная къ нимъ...

Софія — покинула ихъ...

И было ясно, какъ свѣтъ уже поднявшагося солнца, что уже нѣтъ такой силы ни у командира, ни у офицеровъ, которая бы переубѣдила несчастныхъ будущихъ убійцъ и самоубійцъ.

Хотя еще чисты были ихъ руки и не озвѣрѣли ихъ лица, они еще двигались, шутили, ѣли вкусный, нашъ общій, борщъ, а затѣмъ собрались всѣ, свободные отъ вахты, на кормѣ и великолѣпно запѣли, какъ когда-то пѣвали здѣсь же, на этихъ волнахъ, ихъ прадѣды:

Ревуть, стогнуть гори-хвилі
В синесеньким морі...

И чудесно звенѣли голоса комендоровъ Смолія и Дорожки... Но мнѣ казалось, что уже заражено каждое горло страшнымъ ядомъ. И глядя на бронзовыя щеки и молодые глаза моихъ земляковъ, я, мысленно, говорилъ себѣ:

«Спасенья нѣтъ ни для нихъ, ни для насъ... Спирохеты въ ихъ крови размножаются съ огромной скоростью»...

И хотѣлось броситься въ пучину, чтобы не дожить увидѣть, какъ образъ и подобіе Божіе каждого изъ нихъ обратится въ слюнявую, даже не собачью, а волчью пасть...

II.

Трудно сказать, что было красивѣе въ этотъ день: разсвѣтъ или зеленовато-голубые сумерки надъ прозрачнымъ, какъ воздухъ, моремъ...

Уже уменьшили ходъ. Уже давно видны были холмистые берега Анатолиі... Золотыми змѣйками выскочили изъ первой трубы нѣсколько искорокъ, но звонокъ въ машину — и сгораніе снова полное.

Уже глазъ не могъ отличить, гдѣ кончается море, а гдѣ начинается небо...

Надоѣло ждать...

Я опустилсѣ внизъ, въ каютъ-кампанію, но и здѣсь, по боевому, чтобы не проникъ свѣтъ, были задраены всѣ иллюминаторы и стало такъ душно, что сохло во рту.

Пришелъ старшій артиллеристъ и заигралъ на піанино бравурный вальсъ, на секунду остановился, бряк-

нулъ еще одинъ аккордъ и, ни къ кому не обращаясь, произнесъ:

— Нѣтъ, не могу... Точно въ пеклѣ...

Какъ часы-будильникъ подъ подушкой, глухо протрещалъ звонокъ «боевую». И безъ всякой суеты всѣ очутились на своихъ мѣстахъ. Загудѣли въ элеваторѣ снаряды и правильнымъ кругомъ легли подъ кормовымъ орудіемъ. Выучка Колчака и Трубецкого еще сидѣла, если не въ головахъ, такъ въ рукахъ.

Одному мнѣ, представителю военно-морского судебного вѣдомства, нечего было дѣлать и я поднялся на командирскій мостикъ... Въ эти дни всякое слѣдственное дѣйствіе оберъ-аудитора, хотя бы по самому вопіющему дѣлу, считалось «контррлюціей».

— Фелюга... Честное слово, фелюга, — прошепталъ штурманскій офицеръ... И другая, ей Богу...

— Да, коротко отвѣтилъ командиръ, онъ же и командиръ дивизіона.

Было условлено заранѣе, что первымъ изъ кильватерной колонны пойдетъ за добычей послѣдній миноносецъ. И когда онъ отдѣлился, мы со вторымъ отошли въ сторону. И еще было условлено, по возможности, обойтись безъ единого выстрѣла.

Въ голубомъ, прозрачномъ, предлунномъ воздухѣ большая турецкая парусная фелюга была похожа на тотъ воздушный корабль, который рисуютъ иллюстраторы къ Лермонтовскому стихотворенію:

«По синимъ волнамъ океана...

Ея черты больше угадывались, чѣмъ виднѣлись.

Какъ легкій ястребенокъ, миноносецъ сдѣлалъ полукругъ, прочертивъ на водѣ бѣлесоватую дугу, и быстро началъ приближаться къ застывшей на мѣстѣ фелюгѣ.

Два силуэта слились въ одинъ. Чуть донеслись человѣческіе голоса, а черезъ десять минутъ миноносецъ уже велъ плѣнницу къ намъ. Остановился. Раздались два сверчка (свистка) и оттуда крикнули въ рупоръ:

— Людей взяли безъ сопротивленія... Уголь... Разрѣшите отвести въ Севастополь...

Разрѣшеніе послѣдовало.

Нашъ и второй миноносецъ стали лагомъ. Рѣшили обождать до восхода луны, когда яснѣе станетъ прибрежная полоса.

И казалось, что черезчуръ нескоро зардѣлось зарево на горизонтѣ, но зато послѣ блеска перваго кусочка очень быстро началъ выходить весь золотой дискъ...

И въ великой прозрачности внизу и вверху дѣлалось ясно, что такое вѣчность и какъ глупо, въ сущности, ея бояться... Жизнь тамъ, на берегахъ — куда страшнѣе. И еще думалось, что кто не бывалъ на миноносцѣ въ открытомъ морѣ въ такую ночь, — тотъ не имѣетъ понятія о томъ, что такое красота...

Брызнула по морю бронзовая, кольчужистая дорога къ счастью.

Командиръ взялъ рупоръ и обыкновеннымъ голосомъ сказалъ на второй миноносецъ:

— Справа еще двѣ фелюги. Взять также безъ выстрѣла. Если есть уголь, — на буксиръ...

И мы остались одни. Злилось мое сердце и спрашивало: «А что же будетъ дѣлать нашъ миноносецъ?» Но не позволилъ я себѣ спросить командира; зналъ, что онъ вѣдаетъ, что творить.

Второй миноносецъ управился еще скорѣе, чѣмъ первый. На двухъ фелюгахъ оказалось семнадцать человѣкъ экипажа — грековъ и турокъ — все оборванная, сверкающая глазами молодежь, и только два равнодушныхъ, желтобородыхъ старика... Еще маленькая, бѣленькая собаченка. Одинъ изъ греченковъ, говорившій по-русски довольно сносно, разсказалъ, что подъ самымъ берегомъ шелъ турецкій буксирный пароходъ, но, увидавъ, какая участь постигла фелюги, съ полного хода выбросился на берегъ.

— А ты не врешь?

— Зачѣмъ врешь, всегда правду говорилъ...

Командиръ сказалъ на второй миноносецъ:

— Отойдите на милю въ море и ждите...

И затѣмъ штурманскому офицеру:

— «Давайте впередъ».

Луна поднялась уже до одной трети неба и совсѣмъ началъ выясняться рыжеватый берегъ, темно-синіе холмы и бѣлыя крапинки домовъ и острия иголки минаретовъ...

Подойти совсѣмъ близко было рисковано, можно было угораздиться не только на камни или на мель, но и на минное загражденіе.

III.

Застопорили машину. Взяли бинокли. Лѣвѣе домиковъ ясно виднѣлось лежащее почти совсѣмъ на берегу темно-лиловое пятно скорѣе большого буксирнаго катера, чѣмъ парохода. Болѣе зоркіе глаза утверждали, что онъ лежитъ бокомъ и стащить невозможно...

Тишина...

Низенькій, молоденькій мичманъ, съ широко разставленными ушами, просилъ командира:

— Разрѣшите спустить моторный катеръ, можетъ стацимъ.

— Ну, хорошо, попробуйте. Только не больше двадцати человѣкъ съ винтовками и пулеметъ на носъ.

И едва успѣлъ коснуться воды катеръ, какъ въ него посыпались, точно груши, матросы. Поспорили. Сверхъ двадцати еще десять оказалось и пришлось имъ высадиться.

— Шо вы у самомъ дѣлѣ хотите щобъ вода черезъ бортъ пошла? кричали тѣ, кто вскочилъ раньше.

— Вотъ они митингуютъ, митингуютъ, а какъ только дѣло коснется добычи, такъ насильно удерживать приходится...

Катеръ лопоталъ винтомъ и уменьшался...

Вдругъ, тамъ на берегу, возлѣ пароходишки, точно заработала швейная машина. И возлѣ насъ засвистѣлъ воздухъ, будто разсѣкаемый стальными прутьями.

Я въ это время былъ на серединѣ палубы, возлѣ трапа, и не сразу понялъ, почему мой землякъ, лучший пѣвецъ Смолій, вдругъ зашепталъ мнѣ:

— Ховайтесь за рубку... Ховайтесь за рубку, пане аудиторе!

Полуинстинктивно я сдѣлалъ два шага влѣво за уголъ. Нѣсколько пуль впились въ красное дерево, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, противъ котораго четверть секунды назадъ была моя голова. Я понялъ и увидѣлъ это только послѣ...

Безъ покойника не вернутся, — равнодушно сказалъ кочегаръ въ накинутаой на плечи шинели.

— Чого ты панихиду правишь — отозвался другой.

Слышно было, какъ заработалъ пулеметь съ нашего катера и затихли выстрѣлы на берегу...

Затѣмъ минутъ десять — неприятная тишина. Я снова пошелъ на мостикъ. Надъ водой и по берегу поднялся туманъ и нельзя было ни въ бинокль, ни простымъ глазомъ ничего увидѣть.

Богъ знаетъ почему, тихая и прозрачная до сихъ поръ вода помутнѣла, и неизвѣстно откуда взялись волны. Миноносець поднимался и опускался. Поднялся вѣтеръ...

— Ничего не выйдетъ... вымолвилъ кто-то съ досадой.

Чуть замѣтили увеличивающуюся точку.

— Возвращаются, — сказалъ штурманскій офицеръ.

Еще черезъ пять минутъ, — весь мокрый, безъ фуражки, но спокойный, мичманъ докладывалъ:

— Стащить невозможно, пароходишко бокомъ глубоко на пескѣ... Возлѣ него людей нѣтъ... Насъ начало толочь... Всѣ живы... Это буксирный катеръ... На берегу несомнѣнно есть турки и пулеметь... Намъ пришлось отстрѣливаться тоже.

И въ отвѣтъ на его докладъ опять затрещалъ на берегу пулеметь.

— Придется ихъ успокоить, — сказалъ командиръ, — да и катера оставлять нельзя — стащить. Приготовить носовую пушку.

Не очень громко, но рѣзко выстрѣлило наше орудіе. Турецкій пулеметь сразу осѣкся. Грянулъ второй выстрѣлъ, за нимъ третій и съ того мѣста, гдѣ лежалъ пароходишко, вдругъ поднялся къ небу сѣдой столбъ, ростомъ повыше минарета, и раздался шипящій звукъ не разрыва снаряда, а взрыва.

— Въ самый котель, молодцы комендоры...

— Разрѣшите для вѣрности еще, чтобы они съ пулеметомъ убрались.

— Ну, валяйте...

И еще разъ кашлянулъ воздухъ и негулко отозвалось эхо на холмахъ.

— Ну, и чертъ съ ними! — сказалъ командиръ. — Пойдемъ, возьмемъ еще фелюгу съ углемъ, чтобы не возвращаться съ пустыми руками, да и на Севастополь. И, обращаясь къ штурманскому офицеру, добавилъ:

— Давайте впередъ, поворачивайте къ нашимъ.

IV.

Ночь стала совсѣмъ свѣтлой, но вода разыгралась. Фелюгу увидѣли и догнали. Скоро, и безъ всякихъ словъ, сами полѣзли на миноносецъ худые, сверкающіе глазами турки...

Два подрядъ буксира лопнули и пришлось потопить фелюгу. По инерціи, застопоривъ машину, легонько клюнулъ ее въ бокъ миноносецъ и треснула она, какъ спичечная коробка подъ ногой, но тонуть долго не хотѣла... И шатались ея мачты вправо и влево, и тѣни ихъ отражались короткими спиралями.

Передъ разсвѣтомъ я почувствовалъ усталость и пошелъ въ ревизорскую рубку. Съѣзжавшій на берегъ мичманъ уже успѣлъ переодѣться и, сидя въ кожаномъ креслѣ, читалъ рассказы Куприна.

— Непріятно было подъ пулеметнымъ огнемъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, всѣ, кромѣ рулевого, прилегли, а когда началъ работать нашъ, — они замолчали.

— О чемъ вы тогда думали?

— Ей Богу, не помню. Да, поднялся вѣтеръ и я думалъ: вотъ пропала новая фуражка... Она таки побывала въ водѣ, но вытащили.

— А матросы какъ себя вели?

— Обыкновенно.

— И никто не праздновалъ труса?

— Никто. Наоборотъ, просились на берегъ «пошарить» въ кустахъ... И сейчасъ большинство элится, что ушли слишкомъ рано и не поискали турецкой лайбы, и не съ углемъ, а съ табакомъ. Слушайте, вы съ Купринымъ знакомы?

— Знакомъ.

— Счастливый... Ну, однако, нужно подремать... и мичманъ начиналъ устраиваться и пріючиваться въ большомъ кожаномъ креслѣ.

Мнѣ захотѣлось посмотреть на командира, и я снова вышелъ на палубу.

Уже голубѣли впереди вершины Ай-Петри и сіяло жемчугомъ съ бирюзой слѣва. Опять спитъ спокойно море. Сами жмурились глаза и отъ солнца и отъ бессонныхъ сутокъ.

Облокотившись обѣими руками о бортъ, командиръ говорилъ штурманскому офицеру:

— Да, будь я проклятъ, если когда-нибудь женюсь!..

Его вѣки покраснѣли и припухли. Онъ замолчалъ и, увидѣвъ меня, протянулъ:

— А добраго утра?.. Какъ изволили почивать?..

— Я не спалъ, а вы?

— Я въ походѣ никогда не сплю. Отъ Севастополя и до Севастополя.

• — Ну, а походомъ довольны? — спросилъ я.

— Ничего не стоитъ. Вотъ, если бы встрѣтили военное судно, да атаковать бы...

— Ну...

— Отчего «ну»... Вечеромъ это дѣло нетрудное; и минеры и комендоры у насъ одна прелесть. Вчера, въ темнотѣ, такъ попадали...

— Да и на берегъ подъ пулеметнымъ огнемъ съѣзжали, добавилъ я.

— Такъ и должно. Оно можно бы мичмана представить къ темлячку, а матросамъ по кресту.

Теперь и мнѣ казалось, что ровно ничего рискованнаго не было, а такъ, *partie de plaisir*. И съ удовольствіемъ вспоминались лица мичмана и матросовъ, думалось: это настоящая, спокойная храбрость, такіе не растеряются и въ большомъ бою...

V.

Захотѣлось посмотрѣть на плѣнныхъ турокъ и я поднялся на средній мостикъ.

Сразу всѣ встали. Я махнулъ рукой. Два нашихъ матроса поили ихъ чаемъ. Каждому дали по огромной кружкѣ съ шестью кусками сахара въ накладку и съ консервированнымъ молокомъ. Затѣмъ по куску хлѣба, величиною въ ладонь, густо намазанному масломъ изъ только что вскрытой банки...

Ухмыляясь и подводя глаза къ небу, эти люди пили и ѣли, должно быть давно такъ не приходилось. И благодарили они, оборванные, и словомъ и поклонами.

Не было ничего страшнаго въ фигурахъ этихъ людей, надъ головами которыхъ, какъ и надъ нашими, вчера шутила смерть.

Затѣмъ я отправился на кормовой мостикъ, гдѣ, възлѣ зенитнаго орудія, сидѣли и пили чай только что проснувшіеся герои съ весьма равнодушными хохлацкими лицами и припухлыми губами.

Захотѣлось порадовать ихъ и я сказалъ:

— Командиръ говорилъ, что, кажется, будетъ вамъ за этотъ походъ по кресту...

Сидѣвшій слѣва, курносый блондинъ, Дорожка, отвѣтилъ:

— А мы этихъ крестовъ не пріймемъ.

— Почему? вырвалось у меня.

— А потому самому, что это мы дѣйствовали противъ пролетаріата турецкаго и, какъ вообще социалисты, не должны были потопить уголь, какъ онъ общій...

И несчастный понесъ такую чепуху, услышавъ которую, вѣроятно, разсмѣялся бы самъ Карлъ Марксъ.

Дальше я не разслышалъ, да и не хотѣлось разбирать... Спустился съ мостика и снова ушелъ къ себѣ въ рубку.

Уже не хотѣлось глядѣть на ясное, ласковое море и на голубыя, подходящія къ намъ горы. И было мнѣ ясно, какъ этотъ ясный Божій день, что самое страшное въ этомъ походѣ происходило не подъ пулеметнымъ огнемъ, а здѣсь, на кормовомъ мостикѣ, гдѣ слышали мои уши то, отъ чего не спастись ни всей моей родинѣ, ни несчастнымъ отцамъ и матерямъ, сестрамъ и дочерямъ этихъ героевъ, на фуражкахъ которыхъ еще развѣвались и трепетали георгіевскія ленточки, — символъ былой чести и славы....

Самое страшное...

Paris 1921

Mignon.

Къ концу зимы весь Парижъ переболѣлъ тяжелой формой гриппа. Точно безпощадный, полубезумный разбойникъ входилъ этотъ гриппъ и въ блестящія квартиры, и въ одинокія комнаты и набрасывался на ни въ чемъ неповинныхъ людей, иныхъ мучилъ и затѣмъ отпускалъ, другихъ — приканчивалъ навсегда.

Въ крохотномъ, но претендующемъ на шикъ отеле-чикѣ, недалеко отъ вокзала St.-Lazare, уже двое сутокъ не могла встать съ постели маленькая женщина, которую называли Mignon. Ея настоящаго имени никто не зналъ, да и не интересовался этимъ.

О ней было только извѣстно, что Mignon самая хорошенькая и самая миниатюрная изъ всѣхъ свободныхъ дѣвицъ въ этомъ кварталѣ, слышали также, что у нея есть какой-то Mr. Robert, которому Mignon отдаетъ большую половину своихъ заработковъ, и что она не состоитъ въ дружбѣ ни съ одной изъ товарокъ по ремеслу.

Благодаря хорошенькому личику и прекраснымъ ласковымъ глазамъ, Mignon зарабатывала больше другихъ, аккуратно платила за комнату и хорошо давала на чай горничнымъ.

Но въ срединѣ декабря заболѣлъ и слегъ въ госпиталь, куда пускали не каждый день, Робертъ — у него открылась полученная на войнѣ рана, и еще нужно было заплатить за него какой-то долгъ.

Погода въ Парижѣ вдругъ сдѣлалась Лондонской; то снѣгъ, то дождь, то будто морской туманъ, среди котораго не было видно не только второго этажа Эйфелевой башни, но даже вышекъ Трокадеро.

И въ этомъ сѣромъ туманѣ точно утонули всѣ кліенты Mignon; одни сидѣли дома, другіе въ слишкомъ дорогихъ кафе, у тѣхъ-же, которые продолжали ходить на службу, не было времени для любви.

За цѣлую недѣлю Mignon удалось скопить только пятьдесятъ франковъ, тридцать отнесла Роберту, двадцать — заплатила долгъ въ молочную, а въ отелѣ попросила обождать.

Два воскресенья подъ рядъ лилъ дождь.

Въ большомъ, но дешевомъ и грязноватомъ кафе собралось очень немного посѣтителей: мелкіе буржуа съ законными женами. И долго, не меньше двухъ часовъ, сидѣла Mignon передъ своей чашкой шоколада, пока къ ней не подошелъ толстый приказчикъ изъ магазина Louvre — въ этотъ день онъ поссорился съ своей супругой и рѣшилъ «отомстить».

Прежде всего онъ заплатилъ за шоколадъ Mignon, затѣмъ потребовалъ 2 порціи ананаса въ мараскинѣ. Въ бумажникѣ этого господина мелькнуло нѣсколько стофранковыхъ билетовъ.

Mignon сразу повеселѣла и сдѣлалась шаловливой. Почувствовала, что нравится.

А толстякъ наоборотъ: вдругъ сталъ важнымъ и задумчивымъ, вынулъ записную книжку и началъ въ ней

дѣлать какія-то вычисленія, сопѣлъ и вздыхалъ, затѣмъ положилъ карандашикъ въ середину книжки, отодвинулъ ее въ сторону Mignon и спросилъ:

— Какъ васъ зовутъ?

— Меня?

— Да...

— Немножко погодите.

— Почему?

— А потому...

Mignon быстро взяла записную книжку своего кавалера. Приказчикъ подумалъ, что она хочетъ разсмотреть переплетъ изъ блестящей крокодиловой кожи, и, сдѣлавъ равнодушные глаза, началъ ѣсть свою порцію ананаса. Когда онъ поднялъ голову, то увидѣлъ, что женщина уже успѣла написать въ книжечкѣ:

*Je m'appelle Mignon,
Je n'ai point d'autre nom...
Et mon cœur est si gai,
Comme un papillon...*

Эффектъ вышелъ совсѣмъ не такой, какого она ожидала. Приказчикъ покраснѣлъ, какъ только что свареный лангусть, и закричалъ:

— Oh, c'est pas possible!

Моя книжечка для того, чтобы въ ней записывать мои денежныя дѣла, но никакъ не для глупыхъ стиховъ. Мою книжечку читаетъ и моя жена и я долженъ буду вырвать страницу, а вторая сама выпадеть...

Толстякъ началъ такъ кивать головой и сопѣть, что его воротникъ съежился. Затѣмъ этотъ господинъ схватилъ и спряталъ книжку въ переплетъ изъ крокодиловой кожи, подозвалъ гарсона, расплатился и выскочилъ на улицу, едва пробормотавъ:

— Au revoir, Mademoiselle. . .

Сердце Mignon стучало точно послѣ пощечины. Какъ ни привыкла она владѣть собой, но не могла заставить себя сидѣть здѣсь дольше. Двѣ другія женщины смотрѣли въ ея сторону и улыбались. Mignon дрожжащими пальчиками начала застегивать свое пальто. Думала: «О проклятые мужчины, о глупый баранъ, что сдѣлалось твоей книжечкѣ. — Если ты такъ боишься своей жены, то зачѣмъ же ты ко мнѣ подходилъ?»...

На улицѣ она распустила зонтикъ и пошла пѣшкомъ. Чувствовала, какъ ледяная вода просачивается черезъ туфли, но ей было все равно. Остановилась, подумала и спустилась въ станцію подземной желѣзной дороги. Здѣсь было сухо и очень тепло.

Возлѣ наклеенаго на стѣнѣ плана Парижа стоялъ какой-то огромнаго роста человѣкъ въ англійской шинели, но сразу было видно, что онъ не англичанинъ. Онъ водилъ пальцемъ по чернымъ линіямъ и что-то шепталъ. Небритый и должно быть очень усталый человѣкъ этотъ покачивался, но Mignon почувствовала, что онъ не пьянъ. Подошла совсѣмъ близко. Незнакомецъ заговорилъ на хорошемъ французскомъ языкѣ. Сказалъ, что онъ бывшій русскій офицеръ, вчера пріѣхалъ и разыскиваетъ своего дядю. Затѣмъ сразу предложилъ зайти въ bistrot и выпить кофе.

«Находишь тамъ, гдѣ меньше всего ожидаешь» — подумала Mignon и пошла за нимъ. Когда сѣли за столикъ, офицеръ удивилъ Mignon своей искренностью. Въ концѣ сказалъ, что у него только двадцать франковъ, изъ которыхъ онъ можетъ дать ей десять — такъ — ни за что. . . Когда вышли на улицу, офицеръ

извинился за свою внѣшность и свою бѣдность. Такъ и разстались.

«О эти русскіе, какой странный народъ»... думала Mignon и, спрятавъ свою десятифранковую бумажку, пошла домой пѣшкомъ. Когда раздѣвалась, замѣтила, что чулки — мокрехоньки, и каждый палецъ на ногѣ красный, какъ редиска. Спала скверно, и къ утру такъ разболѣлась голова, что не было силъ завиться и одѣться, какъ слѣдуетъ.

Вошла горничная Розина, старая дѣва съ длиннымъ носомъ и глазами, какъ у змѣи изъ Jardin des Plantes, и спросила:

— Вы получили счетъ?

— Да.

— Когда же вы намѣрены уплатить?

— Не знаю...

— Какъ это «не знаю»? И горничная подбоченилась, готовая къ сраженію.

У Mignon гудѣло въ ушахъ и ей было все равно. Розина вышла, оставивъ нарочно дверь незакрытой, и кричала еще и въ коридоръ:

— О эти женщины улицы, о — это твари... требуютъ, требуютъ, а платить не желаетъ. О моя, моя милая, ты напрасно прикидываешься больной, никто тебѣ не дастъ ни коньяку, ни рому... О какая я несчастная, что должна возиться съ этими тварями...

И кричала Розина не меньше полчаса. Мела лѣстницу и тамъ продолжала.

Къ вечеру Mignon плохо понимала, гдѣ она, и сонъ спутался съ дѣйствительностью; она знала, что

лежитъ на своей кровати, и въ то же время видѣла себя въ деревнѣ въ саду своего отца. Ясно рисовалась его фигура, а возлѣ яблони лаяла собачка, которую звали Miss.

Было и страшно и радостно. Затѣмъ Mignon летѣла на аэропланѣ надъ Парижемъ и впереди были широкія плечи пилота въ резиновой курткѣ и въ шлемѣ. Лица его не было видно, но она хорошо знала, что авіаторъ похожъ на того русскаго, который ей далъ десять франковъ «pour le bon Dieu». И летѣли они очень низко такъ, что внизу и триумфальная арка, и вся площадь Etoile — были передъ глазами. Затѣмъ пролетѣли надъ церковью „Sacré-cœur“ и вдругъ случилась катастрофа: Mignon полетѣла внизъ, больно ушиблась, но не разбилась, и услышала отвратительно — знакомый голосъ Розины:

— Oh, Mademoiselle, вы меня этими истерическими штучками не напугаете... не прикидывайтесь больной и не падайте съ кровати, я слышала, какъ вы сегодня съ кѣмъ-то разговаривали.

Еще черезъ сутки зашла сосѣдка по номеру Dédé и принесла кофе и супу. Mignon поблагодарила, поѣла и заставила себя причесаться и одѣться. Непріятно было глядѣть на себя въ зеркало, пока не наложила румянъ.

Вошла Розина и швырнула письмо отъ Роберта, — онъ просилъ денегъ.

На улицѣ Mignon почувствовала себя лучше, но итти не могла, а сѣла въ трамвай и вдругъ увидѣла противъ себя очень знакомое, красивое, мужское лицо, съ веселыми глазами.

Господинъ оказался тѣмъ самымъ русскимъ офицеромъ, который далъ ей десять франковъ, но уже былъ гладко выбритъ и одѣтъ въ новенькое пальто, а на головѣ сѣрая фетровая шляпа. —

— Tiens, tiens, tiens. . . Mignon — сказалъ онъ, кажется моя единственная парижская знакомая, но что съ вами, Mademoiselle?

— Oh, Monsieur, я была больна. —

— Да! Знаете, я буду счастливъ, если вы разделите со мной мой скромный завтракъ.

Вышли на первой остановкѣ и очутились въ очень хорошемъ ресторанѣ. Русскій рассказалъ, что нашелъ своего дядю нефтепромышленника, который его одѣлъ, далъ денегъ и кажется устроить на службу.

Весело болтали и ѣли. И солнце свѣтило въ этотъ день весело. А послѣ завтрака взяли хорошій автомобиль и поѣхали въ Булонскій лѣсъ кататься.

И въ первый разъ въ жизни Mignon была дѣйствительно откровенна съ чужимъ мужчиной, даже о Розинѣ рассказала. А русскій слушалъ и приговаривалъ:

— Oh, mon petit oiseau! . .

«Да, русскіе — очень странный народъ», думала Mignon «недавно былъ жалкій и печальный, а сегодня — веселый и беззаботный».

Въ своей отель Mignon вернулась только на слѣдующій день послѣ завтрака, сейчасъ же позвонила и подала Розинѣ вмѣстѣ со счетомъ два стофранковыхъ билета.

Слѣдовало 187 франковъ.

И когда Розина принесла одачу, Mignon, не поворачивая головки, сказала:

— Возьмите себѣ...

— Oh, Mademoiselle... Пусть Mademoiselle не сердится, если я бывала непривѣтлива, я такъ устаю отъ своей работы...

— Да... но только оставьте меня одну — презрительно отвѣтила Mignon.

И когда осталась одна, вынула еще одинъ стофранковый билетъ и сѣла писать письмо Роберту...

Paris 1921

БѢЛЫЙ слоникъ.

Je suis comme l'oiseau,
Perché sur la branche trop frêle,
Et qui chante partout,
Sachant qu'il a des ailles.

(Chanson de Suzanne).

Конечно, это случайность, совпаденіе...

Но это произошло на слѣдующій день послѣ того, какъ мой... больше чѣмъ другъ еще разъ подарилъ мнѣ брелокъ въ видѣ маленькаго бѣлаго слоника, съ мѣднымъ колечкомъ на спинкѣ.

Много хорошаго сдѣлалъ для меня этотъ чуткій человѣкъ въ тяжкіе дни, когда я очутился безъ родины, безъ семьи, среди бѣженцевъ, изъ которыхъ каждый, точно ракъ изъ ведра, стремится выбраться наверхъ, что невозможно, ибо діаметръ поверхности ведра во много разъ меньше всей емкости...

Но благодаря моему больше чѣмъ другу, я удержался на поверхности въ то время, когда гибли въ рукахъ палачей или мучились по разнымъ границамъ имѣвшіе гораздо большее право на жизнь...

По роду онъ не русскій и не еврей, его родина отстрадала страшнѣе другихъ странъ, но не ожесточилось

большое сердце. Происхождение и предыдущая жизнь давали этому человѣку право быть высокоумнымъ, а онъ оставался самымъ скромнымъ... Говорилъ мало, впрочемъ всегда говорило выраженіе его бронзоваго лица, и еще больше говорили темные, рѣдко веселые глаза...

Весь сотканный изъ нервовъ, онъ угадывалъ и чужое горе, и чужую радость...

Онъ зналъ, что я, какъ говорятъ, суевѣренъ...

Однажды этотъ бронзовый человѣкъ сидѣлъ въ Café возлѣ Champs Elysées.

Прошла дѣвочка — продавщица какихъ-то мелочей. Онъ купилъ стоящаго нѣсколько сантимовъ слоника... и подарилъ мнѣ.

И сдѣлалъ для меня ужасно много, такъ много, какъ никто и никогда, вѣроятно, и самъ того не зная...

Годъ назадъ, задавленный одиночествомъ и замороженный холодомъ соотечественниковъ и соотечественницъ, я путался въ огромномъ Парижѣ. И тамъ, гдѣ менѣе всего ожидалъ, встрѣтилъ маленькую женщину, которая поняла меня больше всѣхъ.

Она оказалась жемчужнымъ зерномъ, но я не былъ пѣтухомъ и сразу сообразилъ, чего стоитъ зерно.

«Экая невидаль!» — думалъ я, — «не потерять образа и подобія Божія, когда съ дѣтства всѣ папы и мамы, учителя и учительницы только и занимались тѣмъ, чтобы поднять разумъ и душу своего ребенка какъ можно выше... А вотъ сохранить этотъ образъ и подобіе, когда и доучиться не пришлось, и когда собственная мать пустила въ продажу красоту дочери и стремилась только къ одному, чтобы за жемчужину давали, какъ можно больше денегъ»...

Кажется, такъ оно и было...

Звали эту дѣвушку Сюзанна.

Меня очень заинтересовала ея туалетный ящикъ — простой, деревянный, въ немъ, кромѣ пудры и всякихъ заячьихъ лапокъ, всегда лежало нѣсколько книгъ: Де-Мюссэ, Мопассанъ и даже Флоберъ...

Насытиться однѣми деньгами эта душа не могла, и самый адскій образъ жизни не убилъ ея мозга, какъ и до сихъ поръ не испортили ея нѣжнаго личика самыя ядовитыя краски...

Никогда не выдавшая Россіи, она только и разспрашивала о несчастной странѣ... И никакъ не могла понять — почему молчитъ міръ въ то время, когда большевики уже загубили нѣсколько милліоновъ людей и собираются продолжать вивисекцію...

Сюзанна металась, когда говорили объ этомъ, старалась понять, сообразить и безпокойно спрашивала:

— Est ce vrai? .. Est ce vrai? ..

И хотя вѣрила мнѣ, но не могла повѣрить, когда я отвѣчалъ:

— Oui, ma chérie, c'est vrai!

Каждую рыбку ловятъ на соотвѣтствующую наживку.

И нашелся человѣкъ съ очень хитрой головой, но съ сердцемъ, сдѣланнымъ изъ papier mâché.

Ловко и просто онъ сумѣлъ зажечь въ груди Сюзанны чувство настоящее, которое можетъ запылать только въ двадцать лѣтъ.

Точно большевикъ Россіи, обѣщалъ ей свободу и любовь...

И она пошла за своимъ «спасителемъ»...

Я узналъ объ этомъ такъ: зашелъ къ ней, а мнѣ сказали, что Сюзанны нѣтъ и не будетъ...

Владѣя собой, я поблагодарилъ и ушелъ. На улицѣ вспоминалъ наше послѣднее свиданіе... Прощаясь, я перекрестилъ эту дѣвушку, а она вдругъ заблестѣла глазами и сказала:

— Ты съ ума сошелъ?.. Крестить меня недостойную и всю гадкую?.. Это кощунство...

Затѣмъ улыбнулась...

Она считаетъ себя отверженной, она, которая такъ волновалась, когда при ней говорили о страданіяхъ чужой ей страны и чужихъ ей людей...

А въ ресторанахъ въ это время сидѣли и пили водку настоящіе русскіе и громко чему-то смѣялись...

Огромное уваженіе шевелилось въ моемъ сердцѣ при воспоминаніи объ этой женщинкѣ... И тоска...

Нужно было записать одинъ адресъ. Я полѣзъ въ карманъ за карандашемъ, который вмѣстѣ съ бѣлымъ слоникомъ былъ прикрѣпленъ къ цѣпочкѣ...

Карандашъ оказался на мѣстѣ, а слоника не было.

Какъ юнъ могъ соскочить съ кольца — тоже цѣлаго — не знаю. Я пережилъ чувство человѣка, у котораго вытащили изъ кармана бумажникъ, не только съ очень большими деньгами, но съ еще болѣе дорогими письмами близкихъ, навсегда потерянныхъ людей. Впрочемъ, мое положеніе было хуже: о бумажникѣ можно было публиковать, можно было надѣяться, что нашедшій его принесетъ, но какъ публиковать о маленькомъ бѣломъ слоникѣ... Да, такого publicitѣ и не приняли бы ни въ одной газетѣ, а подателя сочли бы за сумасшедшаго.

Такъ и пропаль маленькій бѣленькій слоникъ въ этотъ самый день.

Проходили дни, мѣсяцы... На моемъ горизонтѣ виднѣлись во много разъ болѣе яркіе типы, чѣмъ эта дѣвушка, но я не могъ ее забыть. Искаль, какъ жемчужину въ огромномъ лѣсу, въ которомъ вмѣсто травы цѣлыя груды ельника...

Не знаю, зачѣмъ она была нужна мнѣ, носящему болѣе чѣмъ скромную черную блузу, и даже безъ галстука, въ который можно было бы вколотъ булавку съ жемчужиной...

Мое отношеніе къ Сюзаннѣ совсѣмъ не было похоже на влюбленность, больше мучила тоска отъ сознанія, что она несчастна.

Я въ этомъ не сомнѣвался.

Какъ-то она мнѣ приснилась со слезами на глазахъ, это было страшнѣе самаго фантастическаго кошмара.

Люди, къ которымъ я обращался съ разспросами—улыбались и отвѣчали:

— Paris — c'est Paris! ..

Если бы съ борта корабля вы уронили въ океанъ жемчужину, то какъ же можно ее искать... Она или на днѣ, или ее проглотила холодная пасть дельфина. C'est tout...

И возражать было нечего.

Мое горе понималъ только одинъ бронзовый человекъ, онъ не улыбался, когда я вспоминалъ о Сюзаннѣ. Вообще, онъ не любилъ шутить, и, за все время нашего знакомства, я помню только одинъ случай, когда онъ сказалъ о горничной съ очень маленькимъ носомъ:

— Вотъ, бурунъ-сизъ, что по-турецки значить — безносаю.

Было у него, несмотря на чуткость нервной системы, еще одно дорогое качество — спокойствіе.

И когда моя душа металась, я спѣшилъ къ нему, какъ спѣшить человѣкъ, застигнутый непогодой, спрятаться подъ крышу...

Повторяю, онъ не былъ русскимъ по происхожденію, но любилъ Россію больше многихъ русскихъ и не на словахъ, а на дѣлѣ, и не было бѣженца, который, обратившись къ нему, услышалъ бы холодную, штампованную фразу... Самъ уже далеко не богатый, онъ не задумываясь отдавалъ изъ имѣющихся у него въ карманѣ двадцати франковъ — десять любому студенту, художнику, бывшему учителю, всякому, кто могъ рано или поздно придти на помощь русской культурѣ, получившей по головѣ цѣлый рядъ оглушительныхъ ударовъ большевистской палкой...

Мнѣ доставляло огромное наслажденіе развеселить моего покровителя или заставить его улыбнуться.

Однажды я сказалъ — помните бѣлаго слоника, котораго вы мнѣ подарили?

— Помню...

— Ну, такъ онъ потерялся, и съ тѣхъ поръ во всѣхъ моихъ личныхъ дѣлахъ страшное невезеніе.

— Развѣ поэтому?

— Не сомнѣваюсь...

— Гм... Ну, я вамъ подарю другого...

Я былъ увѣренъ, что черезъ полъ-минуты онъ уже забылъ о своей фразѣ.

Но...

Прошло еще цѣлыхъ шесть недѣль.

Лицо близкаго человѣка изъ бронзоваго сдѣлалось сѣрымъ, у него случилось большое горе: заболѣла жена, съ которой онъ прожилъ пятнадцать лѣтъ. Утѣшать — значило бы только мучить.

Я зашелъ къ нему и молчалъ, а онъ вдругъ сказалъ:

— Да, вотъ вамъ такой же самый слоникъ... Проходила та же самая дѣвочка и я купилъ... Я не забылъ...

Я взялъ слоника и продолжалъ молчать...

Что-же тутъ можно было сказать?..

Ему самому жутко, а онъ помнить о моихъ глупостяхъ...

Поцѣловать его? Но мы оба боялись всякихъ сантиментальностей...

Я положилъ слоника въ карманъ и скоро ушелъ. Бродилъ, бродилъ... до самаго вечера, пока ноги не отказались двигаться...

«Азіата все вниманье

Городъ чудный привлекалъ...»

Захотѣлось пить.

Въ большомъ, до боли глазъ освѣщенномъ кафе я спросилъ себѣ un bock.

Въ портфель со мной былъ художественный альбомъ послѣдней выставки. Прихлебывая пиво, я началъ еще и еще разъ его разсматривать. Сидѣвшая рядомъ женщина косилась на листы съ репродукціями. Тогда я предложилъ ей альбомъ. Она взяла его на свой столикъ.

А затѣмъ къ ней подошла... Сюзанна.

Я сразу узналъ ее: похорошѣла, измѣнилась, глаза только тѣ самые остались...

Я нарочно отвернулся...

Здѣсь мнѣ не хотѣлось съ ней говорить...

Мало понятнымъ мнѣ самому усиліемъ, я затормозилъ свое, вдругъ обезумѣвшее, сердце, сдерживалъ дыханіе и говорилъ самому себѣ: «теперь не потеряю, теперь не потеряю»...

Paris 1922

Одиночество.

Элегія.

I.

Надъ Парижемъ туманъ, иногда онъ переходитъ въ мелкій дождикъ.

Это моя любимая погода.

Только что я бродилъ по улицамъ и думалъ, думалъ: вспоминалъ прошлое, пробовалъ заглянуть въ будущее. И мнѣ казалось иногда, что я персонажъ огромной многоактной еще никѣмъ не написанной пьесы, которая задумана самимъ Богомъ.

Я мало религіозный человѣкъ, но часто думаю о Богѣ; и потому именно, что я человѣкъ, мнѣ часто приходятъ въ голову грѣшныя, вѣрнѣе, критическія мысли.

Иногда я вспоминаю большую книгу въ черномъ переплетѣ и напечатанныя тамъ слова:

«И сказалъ Богъ: не добро человѣку быть единому».

Много разъ перечитывалъ эти слова и всегда мнѣ хотѣлось крикнуть въ отвѣтъ ихъ автору:

— Это не такъ... Это громадная ошибка... Добро человѣку быть единому... Ей, Господи, добро!...

Только въ одиночествѣ онъ не жестокъ, только въ одиночествѣ его мозгъ придумываетъ геніальныя вещи.

Да и самъ Господь, когда творилъ міръ, не прибѣгалъ къ чьему бы то ни было сотрудничеству и орудіемъ его было только слово.

И сегодня я бродилъ по Парижу и думалъ:

— Ей, Господи, добро быть человѣку единому.

Вездѣ. . .

И въ несчастной Москвѣ, и въ лѣсу, и въ полѣ. . . и здѣсь въ этомъ, всегда удивительномъ, всегда таинственномъ, ужасно много видѣвшемъ Парижѣ.

Когда я гляжу на темно-синія очертанія «Notre Dame de Paris», я всегда вспоминаю Виктора Гюго и я не сомнѣваюсь, что писатель обдумывалъ свой романъ, когда бывалъ въ полномъ одиночествѣ, и такъ же, какъ и я, ночью, шелъ и глядѣлъ на эту церковь.

Здѣсь, въ одномъ изъ кварталовъ, есть узенькая, точно коридоръ, улочка, и только отсюда можно, какъ слѣдуетъ, увидѣть и понять «Notre Dame de Paris».

Недѣли двѣ назадъ забрелъ сюда и мнѣ показалось, что я вдругъ очутился въ 14-омъ вѣкѣ. И никто въ этомъ quartier не можетъ меня знать, потому что не только теперешній я, но даже и мои отецъ и дѣдъ и прадѣдъ тогда еще не родились. Не реальное казалось реальнымъ.

Но вотъ мои уши услышали ревъ автомобиля и чудо исчезло. Однако, еще долго оставалось ощущение одиночества и счастья. . .

Въ тотъ вечеръ не было дождя, какъ сегодня, а свѣтили серебряно-голубыя звѣзды. Я долго смотрѣлъ на «Большую Медвѣдицу» и мнѣ пришло на мысль, что, глядя на эти яркія точки, я одновременно присутствую во всѣхъ пунктахъ нашего полушарія, потому что вижу

ихъ такъ же, какъ и всякій, находящійся на тысячахъ километровъ отсюда.

Закурилъ папиросу и зашагалъ дальше.

Черезъ Сену я перешелъ по тому мосту, возлѣ котораго помѣщается моргъ. И странно: прежде я боялся этого жуткаго учрежденія, а въ этотъ вечеръ — нисколько.

И самая смерть не представлялась мнѣ ужасомъ, а только *возведеніемъ въ высочайшую степень одиночества.*

Ярко лиловыми, огненными, не дрожавшими столбами отражались въ рѣкѣ фонари. Проѣхалъ и потрясъ весь мостъ безобразный, похожій на огромнаго, зеленого жука — автобусъ.

И снова въ голову пришла странная мысль, что, если бы кто-нибудь изъ героевъ Виктора Гюго могъ встать изъ могилы и увидѣть это чудовище на колесахъ, то навѣрное сейчасъ же убѣжалъ бы обратно и спрятался бы въ свою могилу...

II.

Вспоминаю еще одинъ вечеръ, въ который я началъ заносить свои мысли въ эту книжку.

Не было ни тумана, ни дождя, не было видно и звѣздъ, а шелъ рѣдкій гость въ Парижѣ — снѣгъ. Я бродилъ по улицамъ до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что промочилъ ноги. Но домой не хотѣлось и я вошелъ въ одинъ изъ маленькихъ баровъ, гдѣ пьютъ свой «un verre de blanche» — шофферы.

Миніатюрно, бѣдно, но чистенько.

Два рабочихъ возлѣ стойки пили вино, разговаривали съ содержателемъ этого учрежденія и громко смѣялись. Людей вообще я не боюсь. Я боюсь только враговъ, но гораздо больше такъ называемыхъ друзей — потому что друзья больше лгутъ. И самъ я съ ними начинаю говорить не то, что думаю.

А здѣсь, среди этихъ чужихъ, я могъ спокойно сидѣть и записывать свои мысли.

Иногда выходитъ не совсѣмъ складно, но я вѣдь пишу только для себя и совсѣмъ не хочу оригинальничать: какъ выйдетъ, такъ и выйдетъ, лишь бы абсолютно искренно.

Въ одиночествѣ и за этимъ занятіемъ я отдыхаю послѣ того непрестаннаго бѣга въ колесѣ, который называется человѣческимъ существованіемъ, да, еще существованіемъ человѣка изъ Россіи, изъ страны чрезвычайекъ и великихъ возможностей, до сниманія кожи съ себѣ подобнаго, живого. . .

Я забылъ упомянуть, что я богатъ, — изъ тѣхъ людей, которыхъ долго считаютъ миллионерами даже послѣ того, какъ у нихъ остаются только сотни тысячъ. Такъ брюнетъ рѣдко помнить о томъ, что онъ брюнетъ, но окружающіе, особенно женщины, это сразу замѣтятъ.

Мнѣ хочется записать кое-что о нихъ, нашихъ спутницахъ. . .

На свѣтѣ есть только двѣ настоящихъ вѣчныхъ красоты: красота человѣческаго духа и красота женскаго тѣла.

И то и другое продается, — первое ввидѣ произведеній искусства и художественной литературы, а второе ввидѣ любви.

Я всегда выбиралъ то, что дѣлало на меня большое впечатлѣніе, но не жадничалъ и не размѣнивалъ своихъ чувствъ на мелкую монету.

Какъ это ни странно для сорокалѣтняго чело-вѣка, — *я любилъ, да сейчасъ люблю, только одинъ разъ*, но ничего объ этомъ написать не могу, если бы даже и хотѣлъ, ибо не знаю такихъ словъ.

Но мимо меня и возлѣ меня прошло много женщинъ, но каждая изъ нихъ, хоть чѣмъ-нибудь — цвѣтомъ лица, или пальцами рукъ, напоминала ее.

Каждая давала радости, но я привыкалъ къ новизнѣ ощущеній и скоро начиналъ скучать и искать одиночества.

Я никогда не бывалъ грубъ съ той, которая мнѣ надоѣла, мы разставались безъ мелодраматическихъ сценъ. Я спрашивалъ: «сколько?». Мнѣ называли цифру, я подписывалъ чекъ и... *fini*...

Въ итогѣ у меня явилась мысль, которую я считаю значительной и потому записываю:

Чтобы жестоко наказать непослушнаго ребенка, неумную женщину, или политически несозрѣвшій народъ, — нужно только каждому изъ нихъ позволить дѣлать все то, что онъ пожелаетъ, а затѣмъ и самый злѣйшій его врагъ не сумѣетъ вырыть такой глубокой и ужасной ямы, въ которую непременно прыгнетъ самъ несчастный или несчастная...

Я безусловно убѣжденъ въ правильности этого моего положенія. И много, много разъ считали меня

жестокимъ именно тѣ, кому я не позволялъ дѣлать того, что они хотѣли. Въ большинствѣ случаевъ это бывали друзья.

Съ каждымъ днемъ я ихъ боюсь все больше и больше, съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь, что ихъ Богъ — это ложь вольная и невольная.

Не такъ давно, въ большомъ засѣданіи, я слыхалъ, какъ бѣженецъ изъ Россіи, человѣкъ очень богатый, убѣждалъ публику, что только самъ русскій народъ, голодный и темный, сможетъ и возстановить государство и выбрать форму правленія...

Этотъ господинъ говорилъ очень авторитетно и даже красиво и никто, никто ему не возразилъ...

А мнѣ казалось, будто нашъ ораторъ утверждаетъ, что слѣпой котенокъ скорѣе можетъ найти дорогу, чѣмъ зрячая собака...

И никто не улыбался и всѣ затѣмъ во время обѣда ѣли съ большимъ аппетитомъ, а мнѣ представлялось, что и тарелки ихъ полны ложью.

Встрѣчи съ людьми нейтральными волнуютъ меня гораздо меньше, но тоже раздражаютъ, ибо эти люди, въ большинствѣ случаевъ, просители.

Чѣмъ скромнѣе просьба, тѣмъ охотнѣе я иду на встрѣчу и не потому, что я скупъ, а потому, что въ этихъ случаяхъ гораздо меньше надеждъ, что мои деньги будутъ пропиты.

Недавно ко мнѣ пришелъ художникъ съ довольно большимъ именемъ, но совершенно обнищавшій, — французы нѣкоторое время его поддерживали, но не могли ему дать работы въ своихъ журналахъ, а къ нѣмцамъ онъ не хотѣлъ ѣхать.

Не знаю, почему этотъ чѣловѣкъ не поднялся въ подъемной машинѣ и, когда вошелъ въ пріемную, тяжело дышалъ.

Разговаривая со мной онъ волновался и разронялъ изъ папки свои рисунки. . . Я машинально поднималъ что то и подалъ ему. Художникъ смутился еще больше. Принесшій чай мой лакей удивленно покосился на меня.

И я вспомнилъ извѣстный историческій анекдотъ о томъ, какъ одинъ изъ королей поднималъ кисть Тиціана и на почтительнѣйшее замѣчаніе одного изъ приближенныхъ сказалъ:

— Каждого изъ васъ я могу сдѣлать милліонеромъ, Тиціаномъ же — ни одного. . .

Конечно, между мной и королемъ и этимъ художникомъ и Тиціаномъ было мало общаго, и мнѣ пришла въ голову эта исторійка только потому, что проситель былъ живописецъ.

Я помогъ ему и затѣмъ, нѣсколько дней, въ душѣ у меня оставался пріятный осадокъ, а всегда бываетъ наоборотъ. . .

Искусство, оно какъ огонь все очищаетъ и все освѣщаетъ и освящаетъ. . .

III.

... Сегодня опять идетъ снѣгъ, моқроватый, жалкій, не русскій метелистый, но онъ много напоминаетъ. . . И когда зажглось электричество, мнѣ крѣпко захотѣлось побродить по городу въ полномъ одиночествѣ.

А въ конторѣ, какъ на зло, было очень много дѣла, и я едва вырвался въ восьмомъ часу.

Своему шофферу я велѣлъ ѣхать домой, а самъ пошелъ на другой берегъ Сены къ «Champ de Mars»... Второй этажъ Эйфелевой башни утонулъ въ мгlistомъ туманѣ, и огни фонарей отражались въ водѣ мутными, расплывчатыми пятнами. . .

Темное небо хотѣло успокоить слишкомъ живучій городъ. Прохожіе встрѣчались рѣдко. Я шелъ и вспоминалъ одну женщину, которая тоже любила такую погоду.

Она давно умерла.

Вѣроятно потому, что днемъ я не успѣлъ позавтракать, а можетъ благодаря холоду, я скоро почувствовалъ усталость и голодъ. Зашелъ въ довольно приличную «brasserie» и спросилъ пива и сандвичъ.

Черезъ столикъ отъ меня сидѣла маленькая женщина, одѣтая очень скромно, съ изношеннымъ, но еще красивымъ лицомъ. Вся ея фигурка напоминала нахолившагося во время мороза воробья, такихъ рисуютъ на открыткахъ, но въ лицѣ и глазахъ было прекрасное и человѣческое. Чувствовалась какая-то приговоренность. Ноздри ея носика были очерчены совсѣмъ такъ, какъ у той, о которой я сегодня вспоминалъ. Передъ женщиной стояла маленькая уже пустая кофейная чашка. Какъ будто жадно женщина поглядѣла на мой сандвичъ.

Все стало понятно: сидитъ она здѣсь потому, что на улицѣ холодно и нѣтъ денегъ, чтобы спросить еще кофе.

Я предложилъ ей сѣсть за мой столъ и заказать чего-нибудь поѣсть, сказалъ, что и самъ еще не обѣдалъ.

— О, вы очень любезны, произнесла она по французски и сразу повеселѣла.

Пока она ѣла, я вынулъ эту записную книжку и занесъ въ нее нѣсколько мыслей.

Покончивъ съ омлетомъ, моя незнакомая знакомка немного оживилась и, несмотря на то, что я въ это время писалъ, заговорила о погодѣ.

Когда я сказалъ, что снѣгъ мнѣ нравится, женщина склонила голову на бокъ, точно канарейка, услышавшая непонятные ей звуки, и произнесла:

— О, Monsieur! ..

Послѣ кофе съ ликеромъ она сдѣлалась еще живѣе и заговорила такъ быстро, что многихъ изъ ея фразъ я не успѣлъ разобратъ, — тогда женщина, уже безъ спросу, взяла мою книжку, которую я не успѣлъ спрятать въ карманъ, и начала въ ней писать.

Я молча ждалъ.

— Voilà, сказала она и подала мнѣ.

Je sens venir la neige et c'est affreux,
Les enfants, que ce temps allége et rend
joyeux,
Me glace d'épouvante et d'effroi.
J'ai peur de cette neige, moi,
Qui jusqu'ici ne craignait rien;
J'ai peur que cette neige c'est mon tombeau.
C'est affreux cela, eh bien,
Je crois que ce serait bien beau
De dormir dans un linceul blanc,
Blanc comme une âme d'enfant.

Я прочелъ эти несовсѣмъ правильно написанныя строки и сказалъ:

— Très bien.

Она по-дѣтски обрадовалась, улыбнулась, внимательно осмотрѣла меня и опять нагнулась и притихла.

Ждала — возьму я ее или нѣтъ. Молча мы вышли вмѣстѣ.

Я подозвалъ наемный автомобиль...

Падалъ снѣгъ.

Женщина снова съежилась и заглянула мнѣ въ глаза.

Мнѣ стало ее жаль. Когда таксомоторъ подъѣхалъ, я вынулъ изъ бумажника стофранковую бумажку и подалъ ее женщинѣ...

— О, Monsieur! — пропѣла она удивленно...

— «Au revoir», отвѣтилъ я, одинъ вошелъ въ такси и захлопнулъ дверцу.

Когда машина двинулась, мнѣ показалось, что тамъ на улицахъ нѣтъ ни дождя, ни снѣга, а свѣтитъ веселое апрѣльское солнце.

Paris 1922

Рѣсница.

Я отлично знаю, что фантазія и чистое творчество — это самое лучшее и самое интересное на этомъ свѣтѣ. И тѣмъ не менѣе, бываютъ случаи, когда къ событіямъ дѣйствительной жизни нельзя и не слѣдуетъ ничего ни прибавить, ни убавить, иначе погибнетъ весь смыслъ разсказа.

Я пріѣхалъ на дачу къ пріятелю, жившему въ окрестностяхъ Парижа, и провелъ у него цѣлый день. И хотя это было въ пятнадцати километрахъ отъ Парижа, но погода стояла лондонская, а потому сидѣли въ комнатахъ.

Говорили о томъ, что наше бѣженское писательское *situation est tragique*; а дальше будетъ еще хуже.

Присутствовавшая здѣсь четырнадцатилѣтняя дочь моего пріятеля, которую я буду называть именемъ Бэба, — была молчаливой свидѣтельницей и слушательницей, ея сѣро-голубые глазки смотрѣли тускло, нижняя губка печально чуть отошла въ сторону и невесело морщился иногда ея носикъ.

Послѣ обѣда всѣ немного оживились и какъ будто мысленно плюнули на всѣ наши несчастья.

Отецъ и мать Бэбы сѣли играть въ преферансъ вдвоемъ, предварительно пожуривъ меня за то, что я ничего не понимаю въ картахъ. Сама Бэба ушла въ свою комнату готовить уроки.

Конечно я бы могъ выучиться играть въ карты, но въ пятьдесятъ лѣтъ не стоитъ начинать предаваться новымъ страстямъ и я предпочелъ читать невѣроятнѣйшій романъ одного изъ невѣроятнѣйшихъ авторовъ.

Читалъ и улыбался.

Зимній вечеръ продолжаясь долго и безнадежно. Равнодушно постукивали похожіе на шкафикъ часы, вѣроятно также равнодушно они стучали и въ то время, когда обезумѣвшіе люди везли на казнь Людовика XVI-го. Во всякомъ случаѣ эти часы существовали еще въ ту эпоху и не очень удивились, когда въ домъ поселились русскіе *réfugiés*, предпочевшіе избѣгнуть участи французскаго короля.

Прочитавъ пять главъ лежавшей передо мной книги, я почувствовалъ потребность перевести духъ послѣ нѣкоторыхъ эпизодовъ, созданныхъ фантазіей пылкаго автора.

Игравшіе въ карты о чемъ-то заспорили.

Въ это время вошла Бэба и держа обѣ полудѣтскія руки такъ, что каждый палецъ правой руки прилегалъ своимъ концомъ къ соотвѣтствующему пальцу лѣвой, сказала:

— Мама, послушай, нужно на каждые два пальца вслухъ сказать свое желаніе и тогда оно исполнится, а почему, — объясню послѣ. . .

Мать прищурилась, потеряла лобъ и полушутя произнесла: — «Первымъ двумъ пальцамъ, — чтобы мы

получили деньги, вторымъ — чтобы папа былъ здоровъ, третьимъ, чтобы ты была здорова, ну а еще, еще. . .»

И потому что все ея счастье заключалось въ этихъ трехъ пожеланіяхъ, — говорившая задумалась. Тогда я спросилъ: — «А мнѣ можно сказать одно свое желаніе?» — «Можно», коротко проговорила дѣвочка. — «Ну такъ вотъ, я бы хотѣлъ, чтобы исполнилось одно дѣло». . .

Собственно говоря и дѣла никакого особаго не было, а хотѣлъ я главнымъ образомъ приобрести себѣ лучшую одежду, вмѣсто шинели цвѣта хаки, выданной Американскимъ Краснымъ Крестомъ въ Константинополь, и еще заплатить за квартиру, и найти издателя для моей большой статьи. . .

Все это путалось въ моей головѣ. Не помню, какое было пожеланіе двумъ пятымъ маленькимъ пальчикамъ. . . Но помню, какъ Бэба поочередно разъединила сначала первые два большіе пальца, затѣмъ вторые, третьи, а послѣ четвертыхъ съ грустью въ голосѣ назвала мою фамилію: — «Ваше, а не наше желаніе исполнится». . . А сдѣлала она все это вотъ почему: у Бэбы выпала одна рѣсница, тогда она заложила ее между двухъ четвертыхъ пальцевъ и устроила гаданіе: желаніе, произнесенное по адресу этихъ двухъ пальцевъ, должно было исполниться.

Никто не зналъ, гдѣ именно лежитъ рѣсница, и я тоже не зналъ и невольно укралъ у семьи моего пріятеля шансъ поправить свои дѣла. Конечно никто и ни малѣйшаго значенія не придавалъ этому мистическому эпизоду. Бэбу отправили снова въ свою комнату спать, а я самъ отправился на маленькую станційку ожидать поѣзда изъ Версаля въ Парижъ.

Но я не могу написать обычной пошловатой фразы, которой заканчиваются святочные рассказы: «Вотъ и все», ибо это только начало.

Черезъ два-три дня, въ достаточной мѣрѣ желающій позавтракать, я вертѣлся въ кулуарахъ редакціи газеты, сотрудиномъ которой считался.

Такъ иногда вертится возлѣ стола собака, въ надеждѣ получить не совсѣмъ обглоданную кость.

Я разговорился съ какимъ-то симпатичнымъ господиномъ, знавшимъ меня, какъ автора. Господинъ показался мнѣ еще симпатичнѣе, когда пригласилъ меня позавтракать въ вегетаріанскую столовую.

— «Въ вегетаріанскую, такъ въ вегетаріанскую», подумаль я и слѣпо довѣрился своему новому знакомому.

Поѣхали въ автобусъ и ѣхали долго, затѣмъ прошли два, три квартала пѣшкомъ и вступили въ довольно богатый вестибюль большого дома, сняли: онъ свое пальто, а я свою до смерти надоѣвшую шинель, обращавшую всеобщее вниманіе. Повернули налево и вошли въ очень свѣтлую комнату, въ которой было всего пять-шесть накрытыхъ и сервированныхъ столиковъ.

Сѣли.

Какая-то темная брюнетка дама подала меню. Затѣмъ вошелъ еще знакомый моего знакомаго, французскій офицеръ съ одной рукой, и сѣлъ за слѣдующимъ столикомъ.

Во всей обстановкѣ было что-то необычно чистое, не пахло кухней и не было видно винныхъ бутылокъ.

Намъ прислуживала молоденькая дѣвушка индусска изъ Калькутты. Одинъ глазъ у дѣвушки былъ завязанъ. Обутая въ мягкія туфли, она быстро ступала неслышными шагами. Я никогда не видѣлъ такихъ стройныхъ ногъ, съ европейской точки зрѣнія это было даже некрасиво. Одинъ глазъ и все ея шоколадное съ неправильными чертами, но безусловно хорошенькое личико хранили серьезное выраженіе.

Ѣли мы яичницу, пюре изъ каштановъ, котлеты изъ чего-то растительнаго и фрукты. Затѣмъ индусская дѣвушка, которую называли Шарлоттой, принесла кофе и, приподнявъ повязку надъ глазомъ, начала рассказывать моему покровителю, что вотъ, молъ, изъ-за обыкновеннаго «ячменя» крѣпко разболѣлся весь глазъ...

Французскій офицеръ сидѣлъ и читалъ газету, и я успѣлъ только замѣтить, что это былъ тотъ самый номеръ, въ которомъ появился одинъ изъ моихъ рассказовъ въ переводѣ. Вѣроятно ему далъ ее мой новый знакомый.

Затѣмъ дѣвушка ушла и офицеръ съ одной рукой и приведшій меня сюда господинъ быстро заговорили по французски. Я плохо улавливалъ смыслъ; кажется, они говорили вообще о русскихъ писателяхъ. Офицеръ часто подымалъ свою единственную руку и произносилъ: «Oh!»

Затѣмъ мы съ нимъ попрощались и вышли на улицу; здѣсь разстались.

Оставшись одинъ въ вагонѣ подземной дороги, я все время чувствовалъ, что случилось нѣчто гораздо болѣе серьезное, чѣмъ завтракъ. И несмотря на простоту всей обстановки, гдѣ мы ѣли, эта комната, однорукой

офицеръ и дѣвушка индусска оставили огромное впечатлѣніе.

Трудно его передать, оно было очень сложное: спокойствіе, огромность зданія, скромность и невинность Шарлотты, философъ-инвалидъ, все это сливалось въ понятіе: «что въ моей жизни случилось совсѣмъ новое, и не любовь и не литературная радость, а буквально одинъ Богъ зналъ что»...

Къ вечеру я успокоился совсѣмъ, переспалъ довольно плохо ночь и снова поплелся въ редакцію ожидать, не перепадетъ ли мнѣ десятифранковая кредитка.

Поговорилъ съ грустной бѣженкой — дактило, затѣмъ подошелъ къ сѣрой будочкѣ кассирши, которую у насъ называютъ «зайчикомъ». Увы, въ ея кассѣ было 0. «Подождите до четырехъ часовъ, можетъ быть, что-нибудь набѣжитъ», сказала она мнѣ и заблестѣла своими лихорадочными глазами. Не знаю, что вышло бы изъ этого ожиданія, какъ вдругъ дѣйствительно набѣжалъ мой вчерашній знакомый, поздоровался и сказалъ только одно слово: «Идемте». — «Куда?» — «Идемте».

И когда мы очутились на улицѣ, онъ заговорилъ яснѣе: «Офицеръ, котораго мы вчера видѣли въ столовой, былъ очень удивленъ, узнавъ, что вы писатель, и еще болѣе удивился, когда узналъ, что богатые русскіе эмигранты такъ мало интересуются судьбой своихъ писателей... Вашъ болѣе чѣмъ скромный костюмъ его тоже поразилъ. И вотъ онъ, какъ человѣкъ культурный, хотя далеко не богатый, онъ поручилъ мнѣ и потребовалъ, чтобы я васъ сейчасъ же, въ хорошемъ

магазинъ, одѣлъ съ головы до ногъ, за его счетъ, одѣлъ по европейски... Ну и вотъ нужно спѣшить, у меня мало времени».

И мы пошли въ магазинъ.

И я теперь одѣтъ не хуже любого парижанина.

Дальнѣйшее пусть останется тайной моего дневника, да и я самъ еще не знаю, во что оно выльется, какъ не знала славная дѣвочка Бэба, что ея рѣсница попадетъ именно на исполненіе моего желанія.

Paris 1922

Могила Мопассана.

У русскаго писателя настоящаго нѣтъ, или оно буквально ни на что не похоже. И потому иногда тщательно и бережно перебираю я въ своей памяти то, что несомнѣнно было. И кажется тогда, что они, дорогие, отошедшіе, гдѣ-то живутъ по-настоящему, а мы на томъ свѣтѣ.

Недавно я вспоминалъ день, почти случайно проведенный возлѣ Л. Н. Толстаго, и его слова и его лицо. Я спросилъ самого себя: «Въ какой моментъ выраженіе глазъ великаго старика было особенно ласковымъ и душевнымъ?» И сейчасъ же отвѣтилъ самому себѣ:

— Тогда, когда онъ говорилъ о Мопассанѣ и о его разсказѣ, вѣрнѣе маленькой поэмѣ «На водѣ».

Всю жизнь я мечталъ о двухъ вещахъ: увидѣть живого Камилла Фламмаріона и побывать на могилѣ Мопассана и не вѣрилъ, чтобы это могло быть. И вдругъ волею судебъ очутился въ Парижѣ. И сейчасъ же захотѣлось исполнить наиболѣе осуществимое: пойти поклониться праху автора разсказовъ, которые могли бы быть озаглавлены «На землѣ».

Я почему-то предполагалъ, что гробница великаго француза находится въ Пантеонѣ. Но одинъ изъ быв-

шихъ русскихъ журналистовъ, старый парижанинъ, сказалъ мнѣ, что Гюи де Мопассанъ похороненъ на кладбищѣ Père-Lachaise. Я не посмѣлъ сомнѣваться, и, чтобы вѣрнѣе и скорѣе найти интересующую меня могилу, пригласилъ сопутствовать симпатичную образованную француженку, парижанку.

Я купилъ немного цвѣтовъ.

Отъ станціи подземной дороги того же названія до самаго кладбища Père-Lachaise всего нѣсколько шаговъ. Здѣсь сразу меня удивили чистота и богатство памятниковъ. Просто и вѣжливо мы спросили одного изъ одѣтыхъ въ форменную одежду стражниковъ, гдѣ могила писателя Гюи де Мопассана.

— *Connais pas!* коротко отвѣтилъ онъ.

Обратились къ другому, сѣдоусому и навѣрное лѣтъ 20 здѣсь служащему, и получили тотъ же отрицательный отвѣтъ. Я и моя спутница недоумѣнно переглянулись. Рѣшили спросить еще какого-нибудь штатскаго изъ числа пришедшихъ навѣстить могилы своихъ близкихъ.

Обратились къ интеллигентному на видъ и хорошо одѣтому господину, который въ свою очередь спросилъ насъ:

— А кто такой былъ этотъ Мопассанъ?

Мы объяснили.

— Ахъ, да, да, помню. Конечно, писатель. Но гдѣ его могила, не знаю, вамъ лучше всего обратиться въ бюро кладбища и тамъ вамъ скажутъ сразу и укажутъ мѣсто.

Ну, въ бюро насъ продержали минутъ десять, и два чиновника изъ тѣхъ застегнутыхъ на всѣ пуговицы души и тѣла, которыхъ такъ хорошо умѣлъ рисовать

Мопассанъ, предупредительно пересмотрѣли три или четыре объемистыхъ тома съ кожаными корешками. Поглядѣли и въ общій алфавитъ и не нашли никакого Мопассана. Затѣмъ оба они въ свою очередь посовѣтовали намъ спросить Chef de bureau, почтеннаго старика, который прищурился, подумалъ и сказалъ:

— Но вѣдь писатель Гюи де Мопассанъ погребенъ не здѣсь, а на кладбищѣ Montparnasse!

Я и моя спутница снова переглянулись и, поблагодаривъ шефа, вышли на воздухъ. Былъ декабрь, но кипарисы и дернъ возлѣ могилъ зеленѣли, и благоухали цвѣты, хотя и срѣзанные, но еще живые, принесенные сюда дорогимъ мертвецамъ. И небо скорѣе было похоже на апрѣльское, чѣмъ на декабрьское. Мы постояли возлѣ памятника Альфреда де Мюссе и поднялись вверхъ къ удивительной общей гробницѣ работы Bartholomé.

Поѣздку на Montparnasse рѣшили отложить. Мнѣ разговаривать не хотѣлось, а хотѣлось побродить еще по кладбищу, но моя спутница заторопилась и, опустивъ рѣсницы, забормотала о томъ, что каждое воскресенье она проводитъ со своими родными, ибо это у нея единственный свободный день. Я зналъ, что это такъ, и не смѣлъ настаивать.

Мысленно рѣшилъ пойти къ Мопассану на Montparnasse не въ воскресенье, а въ будній день, и въ полномъ одиночествѣ.

Такъ и сдѣлалъ.

Кладбище Montparnasse показалось мнѣ болѣе скромнымъ, но такъ же удивительно правильно распланированнымъ городкомъ мертвыхъ. Оно раздѣ-

ляется небольшой уличкой на двѣ части.. Относительно молодой стражникъ, украшенный орденомъ послѣдней войны, сразу указаль мнѣ, что писатель Гюи де Мопассанъ похороненъ на меньшемъ отрѣзкѣ кладбища и, чтобы попасть туда, нужно перейти улицу. Здѣсь я встрѣтилъ нѣсколькихъ дамъ въ траурѣ, но ни одна не знала, гдѣ могила романиста. Я немедленно пошелъ впередъ одинъ. Публики почти не было. Этотъ день больше напоминалъ зимній, даже чуть помораживало и какъ-то странно пахло въ воздухѣ живыми цвѣтами и какъ будто дымкомъ.

На перекресткѣ двухъ аллей я увидѣлъ большую кучу изъ увядшихъ и потемнѣвшихъ букетовъ и вѣнковъ: они, потрескивая, горѣли перебѣгающимъ синимъ огонькомъ снизу, а сверху тянулся нѣжно-голубой, пахнуцій ладаномъ дымъ, стлавшійся по могиламъ и у подножія памятниковъ. Черезъ нѣсколько кварталовъ два сторожа зажигали и раздували такой же благоуханный костеръ.

Было что-то трогательное и прекрасное въ этомъ способѣ уничтожать цвѣты, не выбрасывая ихъ; такъ выжигаютъ, а не вытираютъ въ православныхъ церквяхъ нечаянно разлитые святые дары.

Горѣли и трещали розы и фіалки и когда-то бѣлыя лиліи, можетъ, привезенныя изъ вѣчно-теплой Ниццы, съ береговъ моря, чтобы умереть въ Парижѣ.

Я спросилъ одного изъ сторожей, гдѣ могила Мопассана?

— Вы сами не найдете, отвѣтилъ онъ. Я сейчасъ вамъ покажу. — И подбросивъ послѣднюю охапку «мусора», кивкомъ головы пригласилъ меня итти за нимъ.

Отъ аллеи могила помѣщается далеко въ глубинѣ, вѣроятно въ пятнадцатомъ или двадцатомъ ряду, гдѣ почти нѣтъ ни одного богатаго памятника.

— Voici, вѣжливо указаль мнѣ сторожъ на двѣ колонки съ перекладиной и ушелъ.

Колонки эти изображали портикъ, наверху котораго сдѣлана надпись «Guy de Maupassant». Весь памятникъ чуть выше человѣческаго роста, а можетъ быть и ниже, и сдѣланъ не изъ мрамора и не изъ гранита, а изъ обыкновеннаго цемента. Скромно, даже бѣдно, но серьезно и художественно.

Самая могила обнесена низенькой оградкой и обсажена имморталями. Ближе къ колонкамъ, тоже изъ цемента, какъ будто аналой, на которомъ лежитъ раскрытая книга, на лѣвой ея страницѣ цифры — 1850, а на правой — 1893.

Это все.

Почуялось что-то общее съ могилой Чехова на Ново-Дѣвичьемъ въ Москвѣ.

Возлѣ могилы Мопассана сначала давить какая-то тяжесть, похожая на горькую обиду отъ сознанія, что вотъ, молъ, одного изъ величайшихъ людей запрятали куда-то подальше и не хватило средствъ ни на камень, ни на бронзу. А затѣмъ, здѣсь, среди тишины, душа успокаивается и дѣлается ясно и понятно, что самому Мопассану, если бы онъ могъ видѣть свою могилу, она несомнѣнно очень понравилась бы, — какъ памятникъ, такъ и мѣсто, куда почти не заглядываютъ его герои и можетъ быть рѣдко, рѣдко бываютъ нѣкоторые изъ героинь.

Здѣсь не слышны даже голоса сторожей и не видна отсюда ограда, только по голубому дымку и запаху

тлѣющихъ на огнѣ бывшихъ цвѣтовъ можно сообразить, гдѣ выходъ.

А книга съ двумя страницами говорить больше, чѣмъ если бы этихъ страницъ были сотни, говорить кратко, но ясно.

Чья-то рука вложила вдоль ея корешка единственный цвѣтокъ, нарциссъ на длинномъ стеблѣ, онъ уже увялъ и сдѣлался такимъ незамѣтнымъ, что даже аккуратные сторожа проглядѣли его и до сихъ поръ не бросили въ огонь.

И еще разъ пришло мнѣ въ голову, какъ хорошо, что надъ милымъ, однимъ изъ величайшихъ писателей нѣтъ никакого плачущаго ангела или бронзоваго генія съ факеломъ или цѣлаго, сіяющаго позолотой и орнаментами, мраморнаго домика.

По странному совпаденію и справа и слѣва и en face могилы погребены женщины.

Богъ и женщины любили этого человѣка и фатально хорошо вышло, что не хватило силъ и средствъ уравнять пѣвца красоты и чувства съ его заклятыми врагами мѣщанами.

Гордый и не общительный быть художникъ, и гордая и одинокая его могила.

Paris 1920

О Г Л А В Л Е Н І Е

	стр.
Темная ночь	5
Институтка	16
Неизвѣстная	62
На перепутьи	77
Вдова капитана	96
Свадьба	128
Самое страшное	139
Mignon	151
Бѣлый слоникъ	159
Одиночество	167
Рѣсница	177
Могила Мопассана	184

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ БОРИСА ЛАЗАРЕВСКАГО

ИЗДАНИЕ Т-ВА „ПРОСВѢЩЕНИЕ“

Т. I. Изданіе второе. Въ лѣсу. Докторъ. Отъѣздъ. Счастье. Любовь Константиновна. Въ степи. Человѣкъ. Всеочка. Не выдержалъ. Умершая Элегія. (Распродано).

Т. II. Изданіе второе. Урокъ. Бѣдняки. Жизнь. Далеко. (Распродано).

Т. III. Изданіе второе. Баронесса. Одинокій. Хитрость. Диванъ. Берегъ. Egalité. Бредъ. Грѣшная. Хазъ-Будать. Мценскы. Черезъ окно. Тайна. (Распродано).

Т. IV. Изданіе второе. Глицинія. Дѣти. Нравственность. Судьба. Птица. „Тангейзеръ“. Вечеръ. Машинистъ. Болѣзнь. „Храмъ“. (Распродано).

Т. V. Нѣжность. Два брака. Обреченные. Пари. (Распр.)

Т. VI. Желтые листья. Единственный выходъ. Первое чувство. Возлѣ берега. Блѣкъ. Встрѣча. Безъ конца. Примиреніе. (Распродано).

Т. VII. Дѣвушки. Сборникъ разсказовъ. Обложка Д. Митрохина. (Распродано).

ИЗДАНИЕ Т-ВА „ОСВОБОЖДЕНИЕ“

Т. VIII. Красота. Урія. Кладбище. Розы. Соперникъ. Богатство. Сумерки. Голубой цвѣтокъ. Страусовыя перья. Триста рублей. Безсмертіе. Потерпѣвшій. Слезы. Двѣ Наталочки. Страшное. Помощникъ машиниста. Воспоминаніе. (Распродано).

ИЗДАНИЕ АКЦ. О-ВА А. С. СУВОРИНА

Т. IX. Изданіе второе. Семья. Сборникъ разсказовъ. Обложка Д. Митрохина. (Распродано).

Т. X. Любимое. Сборникъ разсказовъ. (Распродано).

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ЛУКОМОРЬЕ“

Т. XI. Изданіе третье. Новыя дѣвушки. Сборникъ разсказовъ. Обложка Д. Митрохина.

Т. XII. Во время войны. Обложка Д. Митрохина. Сборникъ разсказовъ.

ИЗДАНИЕ М. В. ПОПОВА

Т. XIII. Изданіе третье. Три тополя. Сборникъ разсказовъ. Обложка И. Бучкина. (Распродано).

Т. XIV. Вѣчное. Сборникъ разсказовъ. Обложка Д. Митрохина. (Распродано).

Т. XV. Вѣня. Романъ. Петроградъ 1917 г.

ИЗДАНИЕ О. ДЪЯКОВОЙ въ Берлинѣ

1) Душа женщины.

2) M-elle Marie.

3) Обреченные.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко.

Berlin W 35, Genthinerstr. 19.

ВЫШЕДШІЯ ИЗДАНІЯ:

	Осн.	цѣна
ТЭФФИ. „Рысь“. Новый сборникъ разсказовъ.	бр.	4.75
ДРОЗДОВЪ. „Дѣвственница“. Романъ.	бр.	5 50
	пер.	6.75
БРЕШКО - БРЕШКОВСКИЙ. „На бѣломъ конѣ“.	бр.	6 —
Романъ изъ жизни Добр. арміи.	пер.	7 25
ЭЙХАКЕРЪ. „Хорстъ Вильманъ“. Романъ нравовъ.	бр.	3.20
	пер.	4.—
АРК. БУХОВЪ. „Разговоръ съ сосѣдомъ“. Новый сборникъ юмористическихъ разсказовъ.	бр.	5.50
	пер.	6.50
КОНОПЛИНЪ. „Печальный Богъ“. Сборникъ разсказовъ.	бр.	3.75
	пер.	5.—
ИВ. ХВОСТОВЪ. „Мщеніе.“ Новый сборникъ разсказовъ.	бр.	2.25
„ВЕРЕТЕНО“. Литературно-художеств. альманахъ.		8.—

С. И. ШИДЛОВСКИЙ. Членъ госуд. думы. Воспоминанія. Въ 2-хъ частяхъ.	бр.	9.50
Ген. ДРОЗДОВСКИЙ. Дневникъ.	бр.	4.75
Ген. КУРЛОВЪ. Гибель Императорской Россіи.	бр.	6.50
Ген. ЛУКОМСКИЙ. Воспоминанія. Въ 2-хъ томахъ.	бр.	16.—
	пер.	22.50

ПЕЧАТАЮТСЯ:

ГДЪБЪ АЛЕКСѢЕВЪ. „Петербургъ“. Художественная антологія съ иллюстраціями въ краскахъ.
КУЗЬМА ПРУТКОВЪ. „Басни“. Художественное изданіе съ рисунками Вл. Бѣлкина.